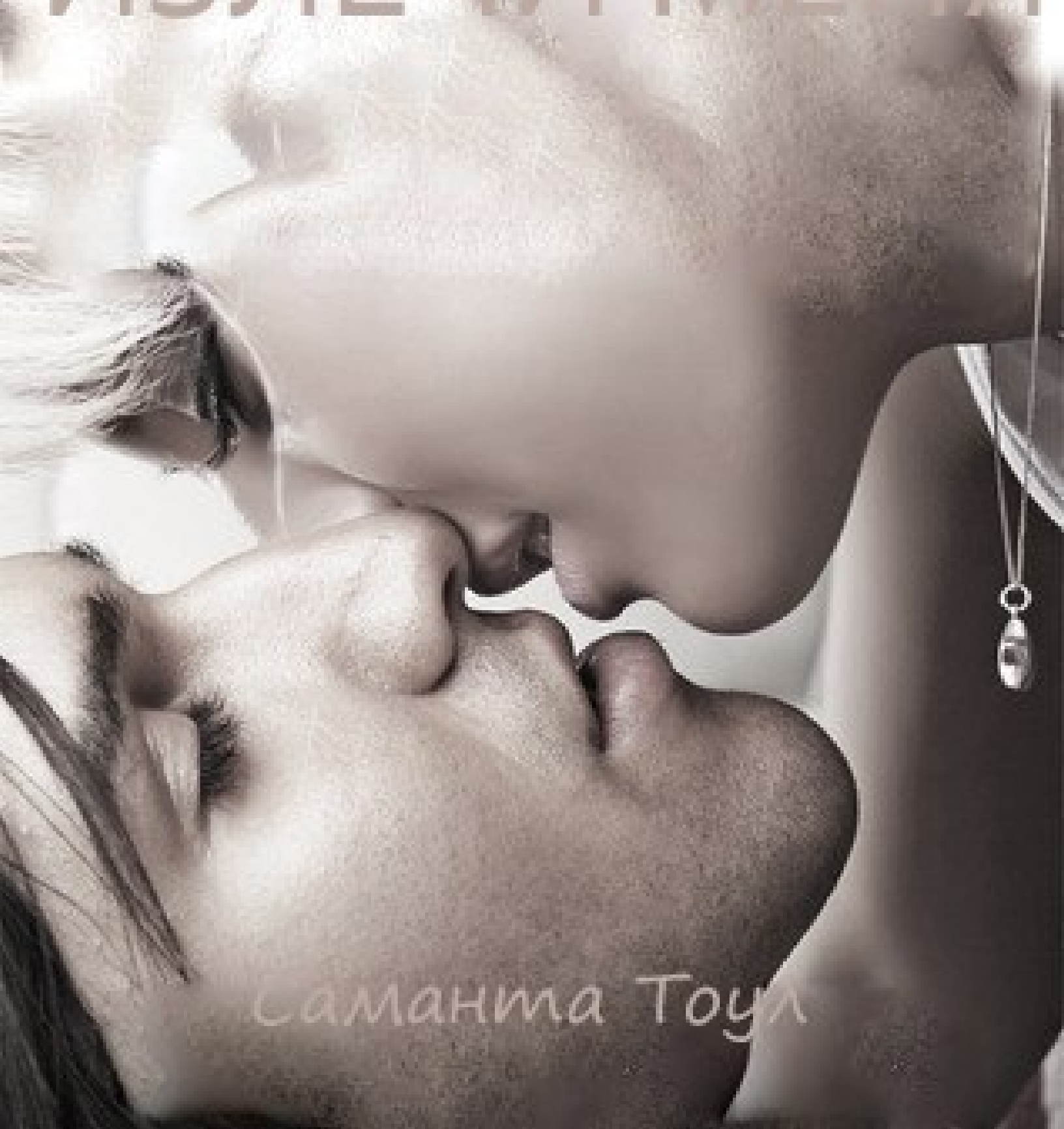

ИЗЛЕЧИ МЕНЯ

ИЗЛЕЧИ МЕНЯ

Саманта Тоул

Мия Монро в бегах. Она убегает от человека, которого не желает больше видеть. Она убегает от прошлого, которое жаждет забыть больше всего на свете. Она отчаянно борется за будущее, о котором еще вчера могла только мечтать. Джордан Метьюс предпочитает легкую жизнь. Доступных женщин и ни к чему не обязывающие связи. До тех пор, пока на его пути не возникает Мия. Она не похожа на других, надломленная внутри и с огромной кучей проблем. Но чем больше Джордан сближается с Мией, — что с ним случается впервые, — тем больше он осознает, что ему хочется заботиться... о ком-то... о ней. И вот тут-то жизнь становится сложной. Мие следует держаться от Джордана подальше. Он невероятно соблазнительный, покрытый татуировками, самоуверенный, плохой мальчик, который зарабатывает деньги игрой в покер и цепляет девчонок в барах. Несмотря на все это, Мию неудержимо тянет к нему. Затем прошлое, от которого Мия пыталась скрыться, внезапно настигает ее. Потому что в этом и заключается вся проблема, когда убегаешь от кого-то или чего-то... ты не можешь бежать вечно. Как только ты останавливаешься, тебя уже не сложно найти.

Саманта Тоул

Излечи меня

Мия

— Мне так жаль, Мия. Мы сделали все, что было в наших силах.

Дрожащими губами я задаю единственный волнующий меня вопрос:

— Он умер?

Доктор Соломон дотронулся до моей руки, пытаясь выразить свое сочувствие.

— Да, мне очень жаль.

Ни один мускул не дрогнул на моем лице, я как будто окаменела. Скорее всего, это даже к лучшему, потому что я не хочу, чтобы он понял, что я на самом деле чувствую в этот момент.

Радость. Облегчение. Невообразимое облегчение.

Оливер мертв.

Мне хочется смеяться.

— Мия, с тобой все в порядке? Тебе лучше присесть.

Рука доктора Соломона мягко направляет меня и помогает присесть на один из пластиковых стульев в комнате ожидания.

Не могу поверить, что Оливер мертв.

Я почти физически ощущаю волны радости, бушующие у меня внутри.

— Можно мне стакан воды? — спрашиваю я доктора Соломона.

— Конечно.

Он выходит из комнаты, и я признательна ему за эту возможность побыть одной.

Оливер умер.

Я теперь свободна.

Свободна.

Я крепко обнимаю себя за плечи обеими руками.

В порыве возбуждения? Или чтобы успокоиться?

Скорее всего, и то и другое.

По идее, я должна быть убита горем из-за смерти отца, но на самом деле мне все равно. Мне наплевать на его смерть. Даже наоборот — я просто счастлива, что он умер.

Вдруг я чувствую, как мои губы растягиваются в... улыбке. Я не улыбалась уже целую вечность.

Я подношу пальцы к своим губам и легонько дотрагиваюсь до них.

Вот она — до безобразия искренняя — улыбка.

В дверях показался доктор Соломон.

Мне пришлось приложить все усилия, чтобы скрыть свою радость. Я расслабляю мышцы лица, чтобы казаться безразличной.

Доктор Соломон присаживается рядом со мной и протягивает мне пластиковый стаканчик с ледяной водой. Беру его и вдруг начинаю дрожать от холода.

Доктор деликатно пожимает мне плечо, этим выражая свое сочувствие. Он, скорее всего, думает, что я дрожу от шока.

Мне хочется оттолкнуть его руку. Я ненавижу, когда меня трогают. Тем более ненавижу, когда до меня дотрагиваются мужские руки.

— Хочешь кому-нибудь позвонить? — спрашивает он.

Он спрашивает, хотя сам прекрасно знает, что мне некому звонить. Оливер был единственным моим родственником.

Я качаю головой.

— Ты уверена, что с тобой все будет в порядке? — спрашивает он, убирая наконец свою руку с моего плеча.

Я смотрю на него и киваю головой.

Я не могу говорить, потому что если я сейчас открою рот, то скорее всего не удержусь и признаюсь ему, что со мной все будет более чем в порядке.

Это не совсем то, что, по идее, я должна сказать доктору, узнав, что мой отец умер, но это именно то, что я сейчас чувствую. Первый раз за всю мою жизнь я честно и откровенно могу заявить, что теперь я однозначно буду в полном порядке.

Мия

Восемь месяцев спустя...

Я убираю назад выбившуюся прядь волос. Опустив коробку с кассетами на пол, я окидываю взглядом комнату, заставленную картонными коробками. Последние несколько дней я разбирала и складывала в них вещи, принадлежавшие Оливеру, чтобы отдать все это на благотворительность. Прошло восемь месяцев с тех пор, как он умер, но, поверьте мне, я не имею абсолютно никакой сентиментальной привязанности к его вещам. Я просто тянула до самого последнего, потому что не испытывала ни малейшего желания вновь видеть и прикасаться к его вещам, но дом, шесть месяцев назад выставленный на продажу, наконец-то был продан, и нужно было куда-то деть весь этот хлам.

Ни тени сожаления. Ничего. Только облегчение оттого, что его больше нет рядом, и поглощающая черная пустота внутри. Именно так я себя чувствую с тех пор, как его не стало.

По иронии судьбы, он умер от сердечного приступа. Легендарный Оливер Монро, уважаемый кардиохирург, умирает от инфаркта.

Мне кажется, это было ему наказанием свыше. Единственный, кто мог его спасти, был он сам. Может быть, те, кто действительно заслуживают наказания, в итоге получают по заслугам? Мне необходимо в это верить, потому что эта мысль — единственное, что помогает мне двигаться вперед.

Знаете выражение «от плохого к худшему»? Моя ситуация — нечто в этом роде. Вернее, в моем случае — это «от худшего к облегченной версии худшего». Почти что та же хрень, в принципе. Я уехала из дома — даже язык не поворачивается называть это домом. Дом — это то место, где ты чувствуешь себя в безопасности, а я никогда, ни одной секунды не чувствовала себя в безопасности в этом доме.

Как-то ночью я проснулась от ужасного кошмара. Мне казалось, что Оливер вот-вот придет за мной, но затем я вдруг осознала, что я больше не являюсь его пленницей и что теперь можно навсегда покинуть этот дом, оставив в нем все свои страхи и кошмары.

Поэтому на следующий день я выставила дом на продажу и купила квартиру, чтобы жить поближе к колледжу и поближе к моему парню Форбсу.

Мы начали встречаться через месяц после смерти Оливера.

Как только я осознала, что свободна от отца, я пустилась во все тяжкие. Ну, по крайней мере для меня, это был огромный шаг вперед. Я стала посещать бары, пить алкоголь — то, что мне никогда не позволялось делать раньше.

Я точно не знаю, что именно я искала или надеялась найти... но именно так я встретила Форбса.

Или, может быть, он сам меня нашел.

Мы познакомились в баре. Он подошел ко мне, предложил угостить коктейлем. Он был очень обходителен. Я была польщена. Мне никто никогда не оказывал столько внимания, как Форбс тем вечером. Словно все, что я говорила, действительно было ему интересно.

Я буквально погрузилась в него, как если бы он был ванной растопленного шоколада, но вскоре я пришла к выводу, что он скорее был засасывающим сливом.

Наши встречи постепенно переросли в отношения, и Форбс стал моим парнем.

Моим первым парнем.

Моим первым во всем.

Я была счастлива. Неимоверно.

Но этому быстро пришел конец.

Четыре месяца назад я обнаружила, что ввязалась в отношения с точной копией моего отца, когда Форбс во время нашей ссоры скрутил мне руки за спиной.

Мне следовало бы это предвидеть. Форбс словно двойник Оливера, только вместо того чтобы быть доктором, он учится, чтобы однажды стать успешным адвокатом.

Все его обожают. Он красив как бог. Умен. Обаятелен. Ну, вы понимаете, что это за тип мужчины.

Мне следовало сразу догадаться, сообразить, ведь сходство с моим отцом было просто поразительным.

Безжалостный. Склонный к физическому и эмоциональному насилию.

Почему я все еще с ним?

Потому что я не знаю другой жизни.

Так было всегда.

Как пчелу привлекает запах меда, так и Форбс привлек меня к себе, потому что тот вид отношений, что существует между нами — это именно то, к чему я привыкла.

Это очень легко — ни для кого ничего не значить, а вот быть значимой для кого-то ... в общем, мне кажется, это намного труднее.

Я не напрашиваюсь, чтобы меня пожалели. Моя жизнь такая, какая есть. Я так живу. В мире много людей, которые живут намного хуже, чем я. Дети, страдающие от голода и болезней, умирающие каждый божий день без особой причины и обстоятельств. Поэтому да, я думаю, мне не следует жаловаться на периодические побои.

Я верю, что у каждого свой уровень способности выносить боль, и если тебе хочется жалеть самого себя из-за выпавшей тебе доли, то это твое неоспоримое право — я не стану никого осуждать за это.

Я немало слез пролила над судьбой, которая мне досталась. Затем слезы просто закончились, я поднялась и стала двигаться дальше.

Я живу так, как заслуживаю. Этому меня научил Оливер.

Мне выпадают так же и хорошие дни. Как тонкие лучики солнца, пробивающиеся через серый, пасмурный день, так и Форбс иногда бывает таким, как в самом начале нашего знакомства.

Ровно до следующего раза, когда он разобьет мне губу или сломает ребра.

Я не люблю его. Я говорю ему, что люблю, потому что ему хочется это слышать, но на самом деле я этого не чувствую.

Вначале мне казалось, что я любила его, но что я тогда знала о любви? Меня никто никогда не любил, и я понятия не имела, что это такое.

Мне понадобилось некоторое время, чтобы разобраться, что то, что я чувствовала к Форбсу, было не что иное, как мои собственные чувства, направленные на него воздействием моего безысходного желания быть любимой.

Форбс казался влюбленным в самом начале, поэтому я, отчаянно жаждущая внимания, конечно же, заглотила эту наживку.

Единственный урок, который я из всего этого усвоила — это то, что если когда-нибудь в

будущем мне посчастливится влюбиться, я смогу распознать это чувство наверняка, не спутав его с простой потребностью любить и быть любимой.

Не то чтобы я предвижу подобное событие в будущем.

Я буду с Форбсом до гробовой доски. С которой я встречусь, скорее всего, рано, чем поздно. Всего лишь один неточный удар — вот и все, что требуется. И тогда я буду вместе со своей мамой.

Я никогда не знала своей матери. Она умерла, когда я была еще совсем крохой. Оливер никогда ничего мне о ней не рассказывал. И даже фото ее у меня нет — Оливер избавился от всего, что напоминало о ней, после того как она умерла. Все, что я о ней знаю — это то, что ее звали Анна и что она погибла в автокатастрофе, когда мне было всего четыре месяца.

Я все время пыталась понять — может быть, это и была причина того, из-за чего Оливер меня так ненавидел. Потому что я была жива, а она нет, и я напоминала ему о ней.

В своем воображении я рисовала ее себе в облике ангела. Мысли о ней помогли мне пройти через те страшные годы с Оливером. Я иногда даже представляла себе, какой могла бы быть наша жизнь, если бы она не умерла. Был бы Оливер другим? Если нет, то я уверена, она защитила бы меня от него. Я уверена в этом, потому что я сама сделала бы именно это, и, скорее всего, эта черта мне досталась от нее. В Оливере не было ни грамма доброты, следовательно, все хорошее, что есть во мне, я унаследовала от своей матери.

Почувствовав жажду, я спустилась вниз на кухню. Звук мои босых ног, шлепающих по плиткам пола, немного напугал меня. По коже пробежала дрожь, и я почувствовала зарождающийся во мне страх.

Глубоко вдохнув, я закрыла глаза и попыталась успокоиться, прежде чем продолжить свой путь на кухню, не так громко шлепая в этот раз.

Первым делом я включаю телевизор, чтоб разогнать тишину, затем лезу в холодильник. Достав бутылку воды и открутив крышку, я облокотилась о поверхность кухонного стола.

В заднем кармане джинсов начал яростно вибрировать сотовый телефон.

Я вытаскиваю его, и мне даже нет необходимости смотреть на экран, чтобы догадаться, кто это звонит. Форбс. У меня нет друзей, ну, по крайней мере, нет таких, которые бы мне звонили.

В детстве я держалась на расстоянии от других детей. Мне отчаянно хотелось иметь друзей, но я не могла себе этого позволить из-за Оливера. Мне не хотелось рисковать.

Поэтому все считали, что я была девочкой со странностями. Одиночка.

Конечно, после смерти Оливера я могла бы наконец подружиться с кем-то, но я больше не видела в этом смысла. А потом я встретила Форбса. Он как бы не запрещает мне иметь подруг, но ему нравится, чтобы все было под его контролем, а со мной — одиночкой справиться намного проще.

— Привет! — отвечаю я на звонок.

— Привет, детка, ты там надолго застряла?

Он в хорошем настроении. Спасибо, Господи.

— Нет, ненадолго. Мне осталось совсем чуть-чуть, закончу разгребать баракло на чердаке и сразу же домой. А офис Оливера оставлю на завтра.

— Мне прийти к тебе вечером?

Нет.

— Конечно, — я стараюсь, чтобы мой голос звучал радостно и позитивно.

— Я так соскучился по тебе за эти несколько дней, — шепчет он в трубку.

— Я тоже соскучилась.

Ни капли.

— Ну, тогда увидимся вечером.

О, нет.

— Буду ждать с нетерпением.

— Вот и отлично. Буду в восемь.

— Я приготовлю нам что-нибудь пожевать.

— Я люблю тебя, Мия.

— Я знаю. Я тоже тебя люблю.

Ненавижу.

Закончив разговор, я убираю телефон обратно в карман и направляюсь к лестнице, чтобы взяться наконец-то за чердак.

— Привет! — запах дорогого одеколona Форбса окутывает меня, и я чувствую материал его рубашки на своей коже.

Форбс безумно красив. Блондин, шести футов ростом, атлетически сложен. Такой весь из себя американский мальчик-мечта, и, надо сказать, внешне мы очень подходим друг другу. У меня светлые волосы и стройная фигура, хотя Форбс очень часто говорит, что мне не мешало бы похудеть. А еще я не очень высокая. Всего пять футов и три дюйма. Мой рост является для меня большим недостатком, особенно когда ссоры с Форбсом доходят до точки кипения. Не то чтобы я когда-то пыталась дать сдачи. Сопротивление все только усугубляет. Я давно это себе усвоила.

Он наклоняется и крепко целует меня в губы. В ту же секунду я чувствую запах алкоголя, перемешанный с его дыханием. Он пил.

У меня все холодеет внутри.

Мне очень нравилось целоваться с Форбсом в начале наших отношений. Особенно если он не пил перед этим ничего спиртного. Я даже помню, с каким нетерпением и трепетом я ожидала прикосновения его губ к своим. Теперь же его поцелуи — это последнее в моем списке желаний.

Не поймите меня неправильно, Форбсу совсем нет необходимости что-то пить, чтобы накинуться на меня с кулаками, просто когда он выпьет, то заводится намного быстрее.

Форбс следует за мной на кухню, не выпуская моей руки из своей ладони, что на него совсем не похоже.

Он обычно не утруждает себя подобными телячьими нежностями, когда мы наедине. Он так ведет себя только на людях или когда хочет заняться сексом.

Я аккуратно высвобождаю свою руку, чтобы помешать соус, булькающий в сковороде.

Он хмурится, затем отходит назад к холодильнику.

Он достает бутылку пива, но у него даже и мысли не возникает предложить мне выпить. Форбс считает, что женщинам не положено пить пиво, особенно прямо из бутылки. Он говорит, что девушки, пьющие из бутылки, выглядят вульгарно, но я все равно пью из горлышка, когда его нет рядом. Он свято верит, что я покупаю пиво исключительно для него, и я не тороплюсь разубеждать его в этом.

Приблизившись, он опирается о стол и поворачивается в мою сторону. Я убавляю огонь,

чтоб дать соусу повариться на медленном огне. Я готовлю макароны Норма. Простенько, конечно, но зато очень вкусно. Наша бывшая повар, миссис Кеннеди, научила меня готовить это блюдо. Она всегда учила меня готовить, когда Оливера не было дома. Я так жутко по ней скучала, когда она оставила нас. Оливер уволил ее после того, как случайно услышал, как она устроила мне допрос с пристрастием по поводу моих синяков на руках.

— Я тут подумал, что нам следовало бы жить вместе, — слова Форбса падают в воздухе, точно капли подсолнечного масла в воде.

Моя рука замирает, сжав ручку сковородки с невероятной силой.

Нет. Нет. Нет и нет.

— Ты как считаешь?

Мне следует тщательно подбирать слова.

Сохраняя беспристрастное выражение лица, я поворачиваюсь к нему.

— Мне казалось, тебе нравится жить с твоими друзьями?

Форбс живет всего в двух кварталах от меня, в огромном доме, который он арендует с четырьмя своими друзьями.

— Нравится, но они слишком шумные. Постоянно устраивают вечеринки, а мне необходима тишина для работы. Ты же знаешь. Ты ведь именно поэтому и живешь одна, чтоб никто не мешал тебе заниматься.

Вообще-то нет. Я живу одна потому, что у меня нет ни одной подруги, с которой я могла бы разделить жилплощадь. И у меня напрочь отсутствует желание жить с мужчиной в одном доме. Особенно если этот мужчина — ты.

Вытащив ложку, я принимаюсь снова помешивать соус.

Не в силах остановить свои следующие слова, я все же стараюсь произнести их как можно мягче.

— Может, не будем так торопиться? Ну, в смысле, мы встречаемся-то всего семь месяцев.

Звонящая затянущаяся тишина свидетельствует о закипающей внутри Форбса ярости.

И ничего хорошего ждать не стоит. Точнее, следует готовиться к худшему.

— Ты просто не хочешь жить со мной! — в его голосе нет и тени обиды, только злость.

Ну ты и идиотка, Мия.

Дура. Дура. Дура.

— Конечно, хочу, просто я думаю о том, как будет лучше для тебя. Я не хочу, чтобы ты чувствовал себя связанным по рукам и ногам, если мы станем жить вместе, — я произношу слова в ускоренном ритме, но все это бесполезно. Уж мне ли не знать.

— Чушь собачья! — Он резко убирает сковородку с плиты и тут же хватается за волосы, намотав длинную прядь на кулак. Он становится позади меня и медленно тянет мою голову за волосы назад.

— Будешь ли ты чувствовать себя связанной по рукам и ногам, если мы будем жить вместе, а, Мия?

— Форбс, пожалуйста, — произношу я, сглатывая комок, застрявший в горле.

— Отвечай мне!

— Нет, конечно. Не буду.

— Может быть, у тебя кто-то есть, с кем ты хотела бы вместе жить, Мия? Может быть, другой парень? Может, ты трахаешься с кем-то еще, помимо меня? — его рука тянет меня за волосы все сильнее и сильнее. Мои глаза от боли наполняются слезами.

— Нет, конечно, нет. Я хочу быть только с тобой. Я люблю тебя.

Как же я тебя ненавижу.

— Не верю! Ты однозначно трахаешься с кем-то еще, признавайся!

Он меня разворачивает и со всей силы швыряет в сторону холодильника. Резкая боль растекается по спине.

— Я ни с кем не сплю, я тебе клянусь, — мне нечем дышать, во рту пересохло. Слезы текут по моим щекам, потому что я знаю, что вскоре последует, и никакие слова или действия не смогут это предотвратить.

— Если ты ни в чем передо мной не виновата, так какого хрена тогда ты плачешь? — он уставился мне в лицо, и, судя по его глазам, его уже ничто не остановит. Приятный и милый Форбс остался за порогом кухни.

Он дергает меня на себя, а затем снова швыряет в сторону холодильника. Мои зубы с громким стуком ударяются друг об друга от удара головой об холодильник.

— Я п-плачу п-потому, что не хочу, чтобы ты п-причинял мне боль, — срываются слова с моих дрожащих губ.

Я не хочу, чтоб он причинял мне боль — вот что я ему говорю. Какая глупость, ведь причинять мне боль — это смысл его жизни, и никакими словами этого не исправить.

— «Я п-плачу..,» — передразнивает он меня и начинает громко ржать.

Затем его лицо темнеет, и я прекрасно знаю, что за этим последует, поэтому я закрываю глаза и крепко обнимаю себя обеими руками.

Я чувствую уже такие привычные обжигающие удары его руки, бьющей меня по лицу.

Во рту появляется солоноватый вкус крови.

Радость. Думай о чем-нибудь хорошем, Мия.

О теплых лучах солнца на лице. О запахе цветов, что хранятся в моей шкатулке. О том, как я убираю крышу на своей машине в теплый летний день, чтоб почувствовать ласковый ветер, играющий с моими волосами. Я — птица. Птица, свободно парящая высоко в небесах.

Музыка. Думай о какой-нибудь песне, Мия. Прокручивай ее в своей голове, пока ты летишь в бесконечность.

— Как тебе не стыдно разводить сырость по такому пустяковому поводу, — Форбс снова наотмашь бьет меня по лицу. — Давай, продолжай ныть, Мия. А я постараюсь предоставить тебе кучу поводов поплакать.

Я тут же перестаю плакать, но это его не останавливает. Его ничто никогда не останавливает. Если Форбс в ярости, то пиши пропало.

Поэтому я пытаюсь сосредоточиться и представить, что я улетаю куда-нибудь, где я буду в безопасности. Туда, где меня буду ждать только радости.

Я прихожу в себя и не могу сообразить, сколько времени прошло.

Я одна и лежу на кухонном полу.

Делая над собой усилие, я встаю на колени. Плиты на полу очень жесткие, они безжалостны к моим ушибам. У меня кружится голова, и где-то в боку пульсирует нарастающая боль. Я прижимаю руку к ребрам. Не поломаны, просто ссадины. До этого мне ломали ребра, и не раз, поэтому я безошибочно могу определить, поломаны они в этот раз или нет. Все же я держусь за ушибленные места в области моих ребер, стараясь унять боль,

пока неуклюже встаю на ноги.

Видя, что варочная плита все еще включена, я тихонько подхожу к ней и выключаю ее. Щелчок, который сопровождает это действие, звучит в звенящей тишине, словно раскат грома. Я замираю на месте. Все, что сейчас важно, — это стараться быть как можно менее заметной. Я не хочу привлекать внимание Форбса.

Повернув голову, я вижу через приоткрытую дверь, что он в гостиной. Он сидит на диване, тупо уставившись на банку пива в своей руке.

Я знаю, какими будут его следующие действия. Мы через это уже столько раз проходили.

Стараясь не производить много шума, я аккуратно открываю дверь и бесшумно проскальзываю в коридор и иду напрямик в ванную комнату. Тихонько закрыв за собой дверь, я беру с полки аптечку, а затем смотрю на себя в зеркало.

Синяков нет. Форбс не сильно бьет меня по лицу, так, чтоб не оставалась синяков, точь-в-точь как Оливер.

У окружающих вызвали бы любопытство синяки на моем лице.

Я рассматриваю свою губу. Разбита с внутренней стороны. Скорее всего, я ее прикусила зубами.

Я глотаю несколько таблеток Адвила, чтоб унять боль в ребрах, затем достаю обеззараживающую жидкость и промокаю ею ватку.

Оттянув губу пальцами, я обрабатываю этой ваткой свою рану.

— Вот дерьмо! — шепчу я про себя.

От жгучей боли из глаз капаят слезы. Я вытираю их тыльной стороной руки.

Закончив, я швыряю ватку в мусорное ведро, закрываю аптечку и снова водворяю ее на полку.

Очень осторожно я задираю футболку, чтобы осмотреть свои ссадины на ребрах. Кожа красная и опухшая. Скоро на этом месте появится синяк. Очень живописный такой синяк.

Какое-то движение в дверях привлекает мое внимание.

Форбс.

Я замираю. Пальцы выпускают край футболки, и она соскальзывает на место, прикрывая то, что он сделал со мной.

— Это моя работа, — в его голосе слышится раскаяние, а в глазах блестят слезы.

Как же я тебя ненавижу.

— Боже, Мия, прости меня.

Он бросается ко мне, сгребает в охапку и крепко прижимает к своей груди.

И ему плевать, что я из-за его объятий аж взвыла от боли в ребрах. Все, что сейчас имеет значение, — это он сам. Все, что когда-либо имело для него значение, — это он сам. Самое главное, чтобы ему было хорошо, а платить за это буду я.

— Мия, мне очень, очень жаль. Прости. — Он покрывает мое лицо поцелуями, произнося эти пустые слова.

Его слезы капаят мне на лицо. Они выводят меня из себя. Заставляют почувствовать себя использованной. Слабой. Опустошенной.

— Со мной все в порядке, — шепчу я.

Все по сценарию. Моя жизнь — это один большой гребаный сценарий.

— Это больше никогда не повторится. Обещаю. Я так тебя люблю, черт возьми. Меня просто такая ревность переполняет от одной лишь только мысли, что ты с другим, и вообще

столько всего на меня свалилось в последнее время, проблемы с отцом и...

Я больше не слушаю его ничего не значащие оправдания и обещания, но все же не забываю вставлять реплики в нужных местах.

— Все нормально, Форбс. Все будет хорошо.

— Я люблю тебя, — выдыхает он. — Я так боюсь тебя потерять. Не представляю, что со мной будет без тебя.

Я чувствую, как его настроение меняется, и мне не трудно догадаться, что у нас дальше по сценарию. Так всегда происходит, после того как он выместит на мне свою злобу.

Его рука двигается вниз к моим джинсам и расстегивает их. Затем она проскальзывает ко мне в трусики.

— Я безумно тебя люблю, Мия. Позволь мне исправить все мои ошибки. Пожалуйста.

Я закрываю глаза и киваю в знак согласия.

Я не сопротивляюсь. Я вообще никогда ничему не сопротивляюсь.

Поэтому я закрываю глаза и позволяю Форбсу раздеть меня. Я позволяю ему заниматься со мной сексом, будучи прижатой спиной к стене, это единственная поза, в которой мы занимаемся сексом.

И, может быть, вы подумаете, что у меня не все в порядке с головой, но какая-то часть меня отчаянно хочет получить эту небольшую толику наслаждения. Чтоб почувствовать себя любимой. Даже если это все неправда... но именно в этот момент, здесь, спиной к стене, когда Форбс говорит мне, как нуждается во мне, что для него не существует никого, кроме меня, что он любит одну меня и никого больше, — я могу себе позволить закрыть глаза и представлять, что это все по-настоящему; что меня правда любят, как мне того хотелось бы.

Закончив, Форбс несет меня в мою спальню.

Откинув покрывало, он кладет меня на кровать и пристраивается сзади, крепко прижав к своей груди и обвив руками мое тело.

— Я люблю тебя, — шепчет он мне, — Я больше никогда тебя не обижу. Никогда.

Я закрываю глаза и через силу отвечаю ему.

— Я тоже люблю тебя.

Уже через несколько минут я слышу ровное дыхание Форбса. Он уснул, и я наконец могу высвободиться из его объятий.

Я спускаюсь на кухню, даже не потрудившись включить свет, и открываю холодильник. Тусклый свет озаряет комнату. Я смотрю на его содержимое, в то время как боль и ненависть к самой себе, словно иглы, впиваются в мою кожу.

Я просто хочу покончить со всем этим. Я хочу быть свободной.

Снова быть свободной, как в тот день, когда умер Оливер.

Мне казалось, что я была такой сильной в тот день. Казалось, что я горы могу свернуть.

Но все, чего мне удалось достичь, так это заменить Оливера Форбсом. О чем это говорит?

О том, что я навсегда испорчена. И меня уже не исправить.

В общем, это уже не новость.

Мне никогда не отделаться от Форбса. Не получится просто взять и порвать с ним. Таким девушкам, как я, никогда не удастся разорвать отношения с такими парнями, как Форбс.

Я смогу быть свободной, если только он так решит.

А он никогда меня не отпустит.

Я это знаю, потому что я идеальная для него пара.

Я податливая. Легко поддающаяся его влиянию. И внешне выгляжу соответствующе. Я происхожу из богатой, влиятельной семьи с хорошими связями. Отец Форбса считает, что я выгодная для его сына партия. Я учусь на медицинском, на хирурга, если точнее, как Оливер. У меня не было никакого желания изучать медицину, но Оливер решил за меня, так что теперь я учусь, чтоб когда-нибудь стать хирургом.

Все эти мои качества — именно то, что нужно Форбсу.

Мужчины подобного склада подходят к выбору спутницы жизни как работодатель к выбору работника — беспристрастно и скрупулезно. Любовью они не руководствуются, хотя Форбс, скорее всего, верит, что любовь в наших отношениях тоже имеет место быть.

Затем в один прекрасный день в не таком уж далеком будущем я стану миссис Форбс Чандлер. У нас появятся дети, но Форбс все равно будет регулярно избивать меня, вымещая на мне свою злобу и раздражение.

Для окружающих мы будем выглядеть идеальной семейной парой. А за закрытыми дверями мы так и будем продолжать быть образцом самого неудачного и неправильного брака. День за днем я буду прятаться за фасадом счастливой жены. Я буду идеальной супругой для Форбса, точно так же, как я была идеальной дочерью для Оливера в глазах общества, и гордость так и будет распирает его за меня. Но внутри стен нашего семейного гнездышка он снова будет самим собой — извергом, избивающим меня до полусмерти.

Форбс никогда не интересовался моим прошлым. Он никогда не спрашивал меня о природе шрамов, что покрывают некоторые части моего тела.

Я помню, как я нервничала во время нашей первой близости. Боялась, что он спросит, откуда они взялись, но он так и не спросил. Я тогда вздохнула с облегчением, но какая-то часть меня все же была разочарована.

Я пыталась убедить себя, что он не спросил просто потому, что не хотел огорчать меня, вызывая тяжелые воспоминания.

Но на самом деле он не спросил потому, что ему было на это наплевать. Мои шрамы, скорее всего, стали просто подтверждением того, что я идеальная для него пара.

Возможно, он это знал уже тогда, когда наши взгляды впервые встретились в том баре.

Может быть, мы были предназначены друг другу с самого начала.

Глядя в холодильник, я начинаю вытаскивать еду и складывать ее на столе. Оставив дверцу открытой, для источника света, я открываю навесной шкаф, чтобы достать еще что-нибудь съестное. Когда наконец на столе не остается больше свободного места, я убираю фольгу с приготовленного накануне цыпленка и принимаюсь за еду.

Я сижу на полу, моя кожа покрыта капельками пота, а пальцы слиплись от остатков еды на них. У меня немного побаливает живот от поглощенного мной количества еды. Вокруг меня разбросаны пустые контейнеры и обертки.

Я не могу сидеть тут всю ночь, поэтому приходится подняться на ноги. Мой живот начинает болеть еще сильнее от тяжести в желудке.

Мне не по себе. Меня тошнит. И я упиваюсь этим состоянием.

Я привожу кухню в порядок. Загружаю контейнеры в посудомоечную машину, а обертки прячу на самом дне мусорного ведра, так, чтоб Форбс их не обнаружил. Не потому, что он

будет спрашивать о их происхождении, но просто на всякий случай. Я всегда стараюсь не создавать причин для его неудовольствия.

Помыв руки, я иду в ванную и запираю за собой дверь.

Свет я не включаю, так как у меня нет никакого желания видеть себя в зеркале, даже мельком.

Встав на колени перед унитазом, я поднимаю крышку.

Я подношу руку к губам, и недолго думая толкаю пальцы глубоко в рот, чтоб избавиться наконец от терзающей меня боли.

Мия

Я снова в доме Оливера, заканчиваю упаковывать его вещи. Это мой последний день пребывания здесь. После мне больше уже не понадобится приходить в этот дом.

Осознание всего этого как глоток свежего воздуха.

Осталось только закончить свои дела в его кабинете.

Эта комната самая последняя в моем списке, потому что я ненавижу ее больше других.

Оливер бил меня всегда только в своем кабинете, он считал, что, закончив наказывать меня, он может покинуть его, запереть дверь и запросто оставить внутри все, что там происходило.

Я же так не считала. Здесь, сейчас, у меня перед глазами так отчетливо предстают картины прошлого. Ужасные воспоминания наполняют тишину дикими воплями.

Я сажусь на пол и достаю свой айфон. Включив музыку, я кладу его на рабочий стол Оливера.

Он обожал свой стол. Он достался ему по наследству от его деда.

А не сжечь ли мне его? Точно так же, как мне следовало сжечь тело Оливера. Кремировать его, чтоб остался только пепел. Чтоб быть уверенной, что он точно умер и больше не вернется.

К моему разочарованию, Оливер распорядился в своем завещании, чтобы его похоронили в земле.

Он даже место себе заранее купил. Я также обнаружила, что он и для меня местечко приобрел. Рядом со своим.

Я лучше буду гореть в аду, чем целую вечность гнить рядом с ним. С меня достаточно и того времени, что мы провели вместе.

Я протягиваю руку за последней коробкой, но немного не рассчитываю силы, и в моих несчастных ребрах возникает резкая боль. В том месте у меня расцветает отличный черный синячище, спасибо Форбсу за его вчерашнюю вспышку злости.

Я роюсь в сумке в поисках Адвила, но потом вспоминаю, что выпила последнюю остававшуюся у меня таблетку этим утром.

Когда все упаковано, я решаю заглянуть в ящики стола Оливера на случай, если там что-нибудь завалилось.

Я тяну на себя самый нижний ящик, но он не поддается. Закрыт на замок.

Я поочередно выдвигаю оставшиеся ящики в поисках ключа, но ничего не нахожу.

Затем я вспоминаю, что после его смерти в больнице мне отдали связку ключей вместе со всем остальным его барахлом, и несколько ключиков так и не нашли себе применение.

Я выуживаю ключи Оливера из своей сумки и пробую каждый из них, чтоб отпереть ящик. Уже со второй попытки замочек на ящике щелкает. Я его выдвигаю, но внутри ничего нет, кроме кожаной папки. Я вытаскиваю ее на свет божий, сажусь на стул и кладу свою находку на стол перед собой.

В верхнем правом углу выведено всего одно слово — Анна.

Имя моей матери на первой странице заставляет меня поспешно открыть папку.

Внутри всего два листочка бумаги. На обоих в шапке значится: «Сойер, Девис и Смит.

Адвокаты семьи». Дата: 12 Октября, 1990.

Я родилась в 1990 году. Десятого января.

Первое письмо адресовано Оливеру. Я начинаю его читать.

Нет.

Не может этого быть!

Кровь начинает стучать у меня в висках.

Дрожащими пальцами я перехожу ко второму листку и быстро пробегаю глазами по адвокатскому жаргону. Я понимаю, но весьма расплывчато, о чем говорится в этом письме.

Вообще-то это вовсе не письмо. Это договор.

Я, Анна Монро, отказываюсь от своих родительских прав по отношению к моей дочери, Мие Монро, и передаю ее на полное попечительство ее отца, Доктора Оливера Монро.

Дальше я не читаю. Нет необходимости.

Моя мать не погибла в автокатастрофе. Она просто передала меня Оливеру.

Она оставила меня с ним. Отдала меня ему.

Вокруг меня все начинает рушиться.

Мои глаза наполняются слезами, и невероятно саднит в области груди.

Листы бумаги выскользывают из моих пальцев и падают на стол. Я хватаю папку, осматриваю ее со всех сторон, надеясь найти что-нибудь еще.

И нахожу небольшой листочек бумаги, спрятанный за обложку. На нем значится имя моей матери и адрес в неизвестном мне городе под названием Дюранго в штате Колорадо.

Собрав все бумаги, я засовываю их в сумку.

Я не могу больше здесь оставаться. Мне нужно с кем-нибудь поговорить.

И я направляюсь к единственному человеку, который у меня есть в целом мире — к Форбсу.

Придя к нему домой, я даже не стучусь, так как знаю, что дверь открыта. В доме всегда кто-то есть.

Потребность обсудить с ним то, что я только что обнаружила, только усиливалась с каждой минутой, пока я ехала к его дому. Мне необходимо это все обмозговать. Вникнуть во все детали. Он, конечно же, мне в этом поможет. Да, Форбс подонок, но он очень умный. Он вот-вот станет дипломированным адвокатом.

Он сможет объяснить мне, о чем говорится в этих бумагах. Он подскажет, что делать дальше.

Проходя по коридору, я замечаю, что в гостиной никого нет.

Если его нет дома, то я подожду в его комнате, пока он вернется.

Я взбегаю по лестнице на второй этаж. Комната Форбса расположена в самом конце коридора.

Я иду очень быстро, прижав сумку к груди. Бумаги, что лежат внутри, кажется, прожигают дыру в моей сумке и обжигают мне кожу.

Подойдя к двери комнаты Форбса, я берусь за ручку и тяну ее вниз, распахивая дверь настежь, и моим глазам открывается зрелище: Форбс, занимающимся сексом с какой-то

девчонкой, — и это не я, однозначно.

Я не могу точно передать, что же я чувствую в этот момент. Меня переполняет тысяча эмоций, и единственное, в чем я могу быть уверена, что одна из них — это облегчение. Почему именно облегчение, я пока еще не знаю.

Забавно.

Умирает Оливер, и мне становится легко.

Форбс мне изменяет, и я вздыхаю с облегчением.

Это не то чувство, которое должно возникать при подобных обстоятельствах.

Значит ли это, что теперь я смогу избавиться от Форбса?

Эти слова так и норовят сорваться с моего языка. В этой ситуации единственное, что мне хочется сделать — задать ему этот вопрос.

Форбсу требуется некоторое время, чтоб заметить мое присутствие на пороге его комнаты, так как он чрезвычайно поглощен своим занятием.

На его лице отчетливо читается удивление, но его быстро сменяет холодное и непроницаемое выражение лица

Его партнерша расположена ко мне спиной, и все что мне видно — это копна длинных каштановых волос, которые занавешивают ее лицо, словно штора. Она стоит на четвереньках, в то время как Форбс, мой парень, имеет ее сзади.

Она понятия не имеет что я здесь, стою и наблюдаю за ними, и что вся эта сцена не вызывает во мне абсолютно никаких чувств.

Форбс не произносит ни слова. Он смотрит мне прямо в глаза и продолжает ее трахать.

— О, Боже! Форбс! — выкрикивает она, и я аж подпрыгиваю на месте от неожиданности. Форбс расплывается в улыбке.

— Глубже! Трахай меня глубже!

Кажется, что секс с ним доставляет ей истинное удовольствие. Больше, чем мне на ее месте.

Может быть, именно поэтому он и бьет меня? Может, я что-то не так делаю во время секса?

Он был у меня первым. И единственным.

— Да! Вот так! — стонет она.

Вы, скорее всего, ожидаете, что он остановится и начнет жалко оправдываться, вроде: «Это не то, что ты думаешь, Мия».

Но он не произносит ни слова.

Или, может, вы думаете, что я что-нибудь вякну; любая нормальная девчонка так и поступила бы, если бы застучала своего парня с другой. Она, скорее всего, рвала бы и метала в этот момент.

Но наши с Форбсом отношения не совсем нормальные.

Вся власть находится в его руках, а я просто как бесплатное приложение.

Он продолжает трахать ту девчонку и не спускает с меня глаз, а его улыбка превращается в самодовольную ухмылку.

Затем в его глазах начинает полыхать пламя. Это что-то новенькое. Я никогда не видела у него подобного выражения лица. Хотя, если подумать, его, занимающимся сексом с кем-то еще, я тоже никогда не видела.

Есть нечто в его взгляде, что приводит меня в ужас. Он выглядит торжествующим, как будто наконец-то я играю ту роль, какую ему хотелось бы, чтобы я играла.

Неприятный холодок пробегает у меня по спине.

— О, Боже! Я кончаю, кончаю! — кричит его партнерша, даже и не подозревая о том, что сейчас происходит между мной и Форбсом.

Уходи, Мия. Сейчас же. Уходи.

Отрывая от него свой взгляд, я делаю шаг назад. Два шага. И затем бросаюсь бежать вдоль по коридору и вниз по лестнице, подальше отсюда.

Запрыгнув в свою машину, я кидаю сумку на пол и уезжаю.

Глаза заволочла пелена. Я тру их и осознаю, что это от слез.

Какого хрена? Понятия не имею.

Я еду в магазин, паркуюсь позади здания, захожу внутрь и покупаю столько еды, сколько способна унести. Картофельные чипсы, шоколадные батончики, печенье, мороженное — все, что попадает под руку.

Я забираюсь обратно в машину, открываю пакеты с едой и принимаюсь есть все, как обычно. «Есть» — это наверно мягко сказано, чтобы описать то, что я делаю. Я просто жадно поглощаю еду.

Когда я заканчиваю свою трапезу и чувствую, что живот вот-вот лопнет от всего съеденного, меня накрывает непередаваемое чувство облегчения. Но когда мой взгляд натывается на пустые обертки и коробки, мной завладевает отвратительное и мерзкое чувство вины.

Я запикиваю обертки в пакет и окидываю взглядом парковку. Вокруг нет ни души, поэтому я бегу к мусорному контейнеру и бросаю внутрь свой пакет. Затем я быстрым шагом огибаю магазин, направляясь к небольшому скоплению деревьев, и прячусь за ними от любопытных взглядов. Запихивая руку глубоко в горло, я очищаю свой желудок от всего недавно съеденного.

Я сажусь обратно в машину, вытираю руки салфеткой и закидываю в рот мятную конфетку.

Наконец я могу контролировать себя и свои эмоции. Я завожу машину и еду домой.

Я и не догадываюсь, что Форбс уже там, ожидает меня, так как его машины не видно на парковке перед домом — скорее всего, он так и планировал. Он любит быть хозяином положения.

Когда я сталкиваюсь с ним нос к носу на лестничной площадке у моей двери, я пытаюсь убежать, но он хватает меня за руку и дергает в обратную сторону.

— Куда собралась!

От него пахнет парфюмом. И сексом. Сексом, которым он только что занимался.

Он даже не потрудился принять душ.

Просто закончил изменять мне с той девкой и пришел напрямик сюда. Или, может быть, это не мне изменяют, а со мной? Может быть, это она его девушка?

Форбс выдергивает ключи из моей руки и открывает дверь. Затем толкает меня внутрь.

Я спотыкаюсь, но быстро обретаю равновесие. По непонятным мне причинам, я чувствую, что для меня сейчас очень важно не растянуться перед ним.

Пятясь назад, я упираюсь в спинку дивана и хватаюсь за нее изо всех сил.

Я не знаю, что мне следует от него сейчас ожидать, но, наверное, лучше приготовиться к худшему.

Он кладет ключи на столик у двери и затем опирается на него, скрестив руки на груди. Я смотрю на изгибы мышц на его руках. В начале наших отношений мне так нравилось,

какими сильными выглядели его руки. Как уютно я в них себя чувствовала.

А теперь все, что они собой олицетворяют — это власть и боль. Они мне внушают страх. Тот же самый страх, которой сопровождает меня с самого детства по вине человека, ничем не отличающегося от Форбса.

Я больше не хочу это терпеть. Я больше не хочу страдать.

Не сейчас.

И вообще никогда.

Я словно прозрела. Как будто в моей голове что-то щелкнуло, и наконец-то загорелся свет.

Почему только сейчас? Не знаю. Но это наконец произошло, и у меня словно гора с плеч свалилась.

Я не хочу возвращаться к своей прежней жизни. Чего бы мне это ни стоило, но я намерена это прекратить.

Эта мысль заставляет меня расправить плечи и выпрямить спину.

Форбс буравит меня взглядом.

— Это была твоя девушка? — спрашиваю я, стараясь, чтобы мой голос звучал уверенно, несмотря на то что мое сердце бьется как сумасшедшее, и кажется, что еще чуть-чуть — и оно выпрыгнет из груди.

Он выглядит удивленным. Он явно не ожидал, что я скажу именно это. Интересно, что именно он ожидал услышать от меня?

— Нет, эта честь принадлежит исключительно тебе, — цедит он сквозь зубы.

— И часто ты ее трахаешь?

Его глаза превратились в две узкие щелочки.

— Следи за языком, Мия.

— О, прости, — я улыбаюсь мило и... враждебно. — И часто ты с ней спишь?

— Нет. Именно с ней в первый раз.

Именно с ней?

— До нее были другие?

— Были, — ухмыляется он. Меня это ранит намного глубже, чем я могла бы предположить.

Глаза наполняются слезами. И это вовсе не оттого, что он мне изменил, и не из-за его скотского отношения ко мне, а из-за ненависти к самой себе. Ненавижу себя из-за своей чертовой слабости.

— Ты хоть предохранялся? — Со мной он никогда не предохраняется.

— Да.

Хвала небесам. Хотя я все равно сдам все возможные анализы.

Я вижу, как злость вскипает в нем с каждой секундой все больше. Это заметно по его темнеющим глазам. По его издевательской ухмылке. По его сжимающимся кулакам.

Мой вопрос раздражает его.

Он имеет наглость быть недовольным и раздраженным в этой ситуации. Но, если подумать, разве можно ожидать от него чего-то иного?

Обычно, когда Форбс не в духе, я стараюсь сделать все возможное, чтобы его успокоить.

Но в данный момент моя единственная цель — это разозлить его как можно больше.

Не знаю, чего я этим хочу добиться, помимо того, чтобы он навсегда исчез из моей жизни, но я пойду на все что угодно, лишь бы воплотить это желание в жизнь.

Я слегка наклоняю голову, меряя его оценивающим взглядом, пока задаю свой следующий вопрос. Я жажду получить ответ на него потому, что, как ни стараюсь, не могу понять логику Форбса.

— Ты хотел переехать жить ко мне. Это не помешало бы тебе иметь связи на стороне?

— Нет, — самодовольно ответил он. И этот ответ заставляет меня чувствовать себя настоящей дешевкой.

Он снова скрещивает руки на груди.

— Нам пора переходить на новый уровень отношений, но мои похождения на стороне останутся без изменений.

Черт, я, конечно, знала, что он бессердечный ублюдок, но в этот момент передо мной открылась совершенно новая скотская сторона этого уroda. Форбс Чандлер был просто полон сюрпризов.

Я обнимаю себя за плечи. Мне немного холодно и хочется согреться.

— Значит, у тебя есть я и эти девки. Для чего?

— Потому что мне так нравится. Пути назад нет, Мия. Ты тоже будешь принимать в этом участие.

Мое сердце перестает биться.

— Что? — произношу я дрожащими губами.

Кажется, я догадываюсь, к чему он клонит — не то чтобы я была так уж сведуща в вопросах секса, но и тупицей я тоже не являюсь. У меня все это никак не укладывается в голове. Он никогда не давал мне повода думать, что ему нравится нечто подобное. Мы всегда занимались традиционным ванильным сексом. Мы даже никогда не занимались этим в той позе, в которой я застала его сегодня с той девчонкой.

— Ты. Будешь. Принимать. В. Этом. Участие. — Он обращается ко мне как к ребенку. — Ты не будешь иметь ничего против, когда я буду приводить других и трахать их в нашей квартире. Ты будешь тихонько сидеть здесь и наблюдать, как я их трахаю. А иногда... — он начал медленно приближаться ко мне, — ты будешь принимать в этом участие.

Нет. Нет. Нет и нет!

Черт, я не хочу!

— Я так не думаю. — Это я только что сказала?

Выражение его лица меняется. Он делает еще шаг вперед. Я вижу, как напряглись его руки, сжатые в кулаки.

Я обхожу вокруг дивана.

— Ты будешь делать то, что тебе говорят. Ты моя собственность, и я могу делать с тобой все, что захочу.

Ремень со свистящим звуком обрушивается на мои ягодицы.

— Кто тут у нас главный, Мия?

— Ты, папочка.

Я поднимаю свои глаза на Форбса. Он, может быть, сногшибательно красивый, но сейчас он кажется мне полным уродом.

— Ты тех, других, тоже бьешь, как и меня?

Я вижу еле уловимое выражение удивления на его лице.

Несмотря на то что мы оба, и Форбс и я, в курсе того обстоятельства, что он избивает меня... я никогда раньше не признавала этого факта вслух. Я чувствую себя немного странно после этих слов, они придали мне силы.

— Нет, — отвечает он безразличным тоном.

И вся моя уверенность в себе и своих силах рассеивается, как утренний туман, и я готова расплакаться.

Он бьет меня потому, что я ему это позволяю.

Потому что я не имею ничего против.

Потому что я слабачка.

— Почему меня? — спрашиваю я. Собственно, я знаю почему, но мазохистская часть меня жаждет услышать подтверждение из его уст.

Он подходит еще ближе и встает напротив меня.

Я не отступаю в этот раз. Я крепко держу свои позиции. Мои ноги трясутся так, что я недоумеваю, как это они все еще меня держат.

Если моя внезапная бравада и удивляет его, то он тщательно это скрывает. Он наклоняется немного вперед и заглядывает мне в лицо. Его горячее дыхание обжигает мне кожу. Я все еще чувствую запах той девчонки, исходящий от него.

К горлу подступает тошнота.

— Потому что ты моя собственность, Мия, — его голос напоминает шипение. — Ты принадлежишь мне. Ты моя вторая половина. Моя маленькая... легко управляемая... испорченная вторая половина.

Может быть, я и догадывалась обо всем этом, но все же его слова больно ранят меня. Я стараюсь сдержать свою дрожь, потому что я не хочу доставлять ему удовольствие, показывая, что его слова больно меня задели.

Он поднимает свою руку.

Я вздрагиваю.

Ему нравится моя реакция.

Легко, почти незаметно касаясь моей щеки, он проводит пальцами по моей коже и заправляет прядь волос мне за ухо.

— Ты очень красивая, — приглушенным голосом говорит он, пробегая пальцами по моим волосам и затем по спине. Внезапно он грубо хватает меня за волосы, дергая мою голову назад. Мои глаза тут же наполняются слезами боли.

— Ты и я — мы с тобой похожи, — говорит он очень низким голосом, — Очень красивые снаружи, но безвозвратно испорченные внутри. Ты нужна мне, Мия, точно так же, как я нужен тебе. Потому что мы из одного теста. Жертва становится насильником. Хотя в твоём случае жертва так и остается жертвой.

У меня как будто пелена с глаз спала. Как же это я раньше этого не замечала?

Типичная история.

У Форбса было точно такое же детство, как и у меня. До какой степени — я думаю, что я этого никогда не узнаю. Но ему тоже пришлось пройти через боль и страдание.

Интересно, его тоже бил отец?

Внезапно на меня накатывает волна жалости к нему. Чувствую укол боли, когда представляю его ребенком. Когда думаю о детстве, которое у него отняли точно так же, как и у меня.

Затем я смотрю на человека, что стоит передо мной, и жалость моментально трансформируется в ярость. В слепую, необузданную ярость.

Он сам прошел через все это и хочет, чтоб и я не забывала.

Он мог бы порвать этот замкнутый круг. Мне всего-то и надо, что немного любви. Я бы

любила его в ответ, не задавая никаких вопросов. Я бы отдала ему всю себя. Свое сердце. Вместе мы бы залечили раны друг друга.

Но вместо этого все, что он предлагает мне, — это отношения, построенные на зависимости, ненависти и насилии.

Во мне не остается ничего, кроме темной бездны, наполненной ненавистью и горьким чувством обиды.

Я открыла было рот, чтоб сказать ему все это... но затем меня осенило.

А ведь я могла бы спокойно уйти... ну, может и не уйти, а убежать. Мне давно следовало бежать от него без оглядки.

Но вся ирония заключалась в том, что я просто привыкла жить именно так. Я просто привыкла быть такой, какой сотворил меня Оливер, вместо того чтобы стать другой Мией, настоящей.

Потому что я всегда боялась даже попробовать.

Злость из-за моих собственных ошибок начала разгораться в моей груди... разрастаясь.. она сжимает меня изнутри.

У меня появляется чувство, что я вот-вот взорвусь от клокочущей внутри меня ярости.

Мне кое-как удастся собрать свою волю в кулак и произнести:

— Я хочу, чтобы ты ушел.

Он начинает дико смеяться.

— Ты меня бросаешь, Мия?

Мне стоит огромных усилий встретиться с ним взглядом.

— У меня есть на то веские причины, ты так не считаешь?

Он хватает мое лицо рукой, больно впиваясь в щеки пальцами, и откидывает мою голову назад. Другой рукой он сжимает мне плечо и дергает на себя так, что я резко врезаюсь в его грудь.

— Что-то мне не все здесь понятно. Ты не возражаешь, когда я луплю тебя когда бы мне ни вздумалось, а вот застав с какой-то дешевой потаскушкой, ты вдруг решаешь меня послать?

Я морщусь от боли, которую мне причиняют его впивающиеся в мое плечо пальцы, но, преодолевая боль, я нахожу в себе силы ответить ему.

— Секс с той девчонкой тут вовсе не при чем. Просто я наконец-то прозрела. Мне давно уже следовало бы раскрыть глаза. Я не собираюсь и дальше быть твоей боксерской грушей, Форбс. И тем более не собираюсь становиться твоей шлюхой.

Он смеется мне в лицо. А затем ледяным голосом говорит:

— Ты была моей шлюхой с того самого момента как мы познакомились.

— Мия, что происходит, когда ты одеваешься как проститутка?

Я закусываю губу под его хлесткими ударами, от боли не в состоянии произнести ни слова.

— Отвечай, когда я задаю вопрос!

Мое тело содрогается от силы его голоса. Пот струится по моему лицу, прямо как невыплаканные слезы, которые рвутся наружу.

— С-со мной б-будут обращаться как с проституткой, п-папочка.

— Правильно, наконец-то ты это усвоила.

Что-то внутри меня щелкнуло. Я не мигая смотрю Форбсу в глаза.

— Я не шлюха, и тем более не твоя! А теперь выметайся к чертям собачьим из моей

квартиры! Мне не о чем с тобой больше разговаривать.

Его лицо темнеет от ярости, он сам на себя становится не похож. За все время, что мы встречались, я никогда не видела его таким злым, абсолютно потерявшим контроль над собой.

Мне следует быть в ужасе. Но мне не страшно.

— Ты? Бросаешь меня? — выплевывает он мне в лицо. — Ты думаешь, это вот так вот чертовски просто?! Я никуда не собираюсь уходить! И ты, кстати, тоже!

Он впивается своими губами в мои, одновременно прижимая мои руки вдоль моего тела.

В следующий момент моя спина впечатывается в стену, его тело тесно прижимается к моему, я как в клетке.

Поймана в ловушку.

Я чувствую его эрекцию на своем бедре, и тут же понимаю, чем все это закончится.

Мое сердце падает куда-то вниз.

О, Боже, нет. Только не это. Все что угодно, только не это.

Меня до этого унижали, били и издевались. Но меня никогда раньше не насиловали.

Я не собираюсь сдаваться. Я буду бороться.

Самое смешное то, что я понятия не имею как это — бороться.

Страх закипает у меня в крови, адреналин обостряет все чувства, поэтому я делаю первое, что мне приходит в голову. Я кусаю его за губу так, что во рту появляется вкус его крови.

— Ах ты, гребаная сука!

Он резко бьет меня по лицу. Я ожидала этого, а вот следующий удар стал для меня неожиданностью.

Моя голова отскакивает от стены. Боль растекается по всему моему телу. Из глаз сыплются искры.

Форбс снова хватает меня и, приподняв, швыряет об стену. Я вскрикиваю от боли, пронзающей мои и без того несчастные ребра.

Держа меня одной рукой за горло, другой он задирает мне юбку и запускает ее мне в трусики.

Его пальцы причиняют мне боль. Один проникает в самое интимное место. А другие сжимают мое горло с такой силой, что становится трудно дышать.

Но все, о чем я думаю в этот момент это: «Какого черта мне понадобилось надевать сегодня юбку? Почему я не надела штаны? Если бы я надела штаны, он возился бы с моей одеждой намного дольше».

Такая маленькая деталь, а от нее может зависеть исход всей ситуации.

Скорее всего, я никогда больше не напялю на себя юбку.

Это, конечно, такая ерунда, сущая безделица.

Но для меня теперь это имеет огромное значение.

Я чувствую, как силы покидают меня. Я крепко зажмуриваюсь.

Тепло. Музыка. Свободный полет в голубых небесах.

Безопасность. Я в безопасности.

— Сейчас я втрахаю в тебя немного здравого смысла, — шипит он мне в ухо. — Это будет тебе уроком.

«Мия, зайди в мой кабинет. Тебе необходимо преподать урок».

Форбс грубо и бесцеремонно выдергивает свой палец из моего влагалища, этим возвращая меня в реальность.

На долю секунды мне показалось, что он передумал делать это со мной.

Но тут он потянулся к молнии на своих брюках.

Мне очень сложно описать, что творилось внутри меня в тот момент. Стало ясно, что он действительно собирается сделать это со мной. Он собирается лишить меня последней капли достоинства, которая у меня осталась.

Но только если я ему это, конечно, позволю.

Прекрати, Мия! Прекрати быть слабой и начни наконец бороться за себя! Если тебе удастся это остановить, то потом не будет больше боли. Не будет страданий. Больше никогда.

Форбс пытается расстегнуть свою ширинку. Он немного отстранился от меня. Совсем небольшое расстояние появилось между нами, но для меня этого было достаточно, чтоб воспользоваться этим моментом. Я сгибаю ногу в колене и с невероятной силой, о наличии которой я даже и не подозревала, бью его в пах.

Он издает глухой, сдавленный звук.

Пальцы на моем горле моментально разжимаются, освобождая меня, и обе его руки рефлексивно хватаются за то чувствительное место, в которое я его пнула.

Теперь ты знаешь, каково это, ублюдок.

Я скольжу вниз по стене, хватая ртом воздух.

Форбса ведет немного в сторону, лицо искажено от боли, а затем падает на колени.

А теперь, Мия, беги!

Я встаю на ноги и бегом пересекаю квартиру. Я хватаю ключи со стола и выскакиваю за дверь, затем сломя голову несусь вниз по лестнице.

Я бегу, не оглядываясь назад.

На улице тихо. Вокруг ни души. На бегу я нажимаю кнопку на брелоке, чтоб открыть машину. Захлопнув дверцу, я дрожащими руками пытаюсь вставить ключ в зажигание.

Черт! Я никак не могу попасть.

Боковым зрением я замечаю, как Форбс вываливается из здания, все еще держась за промежность, и я не знаю, чистая ли это случайность или что-то другое, но ключ наконец-то попадает в зажигание.

Я завожу машину, переключаю скорость и вдавливаю педаль газа в пол, срываясь с места.

Достигнув перекрестка за считанные секунды, я поворачиваю налево и несусь вниз по улице.

Я ощущаю что-то мокрое на своей руке, когда пытаюсь заправить мешающие мне волосы за ухо. Вытянув ее перед собой, я вижу на ней разводы крови.

Я кидаю на себя беглый взгляд в зеркало заднего вида.

У меня рассечена бровь, и кровь из раны стекает рекой по моему лицу, капая на одежду.

— Черт! — морщусь я, когда с пониманием приходит и боль.

Надо промыть эту рану, но мне нельзя останавливаться. Не сейчас. Я не хочу, чтоб Форбс меня догнал.

Потому что, без сомнения, он отправился за мной в погоню.

Я прижимаю свой рукав к ране, чтоб остановить кровь, и прибавляю газу, несясь еще быстрее вперед.

Сама не знаю как, но я выезжаю на трассу I-90 и не имею ни малейшего понятия, куда вообще я еду.

Мне некуда идти.

У меня нет друзей, которые приютили бы меня. Нет родственников.

У меня есть только я.

Я еду по трассе какое-то время. Я упрямо несусь вперед и давлю на педаль газа, как можно больше увеличивая расстояние между собой и Форбсом.

Начинает моросить дождь, и видимость снижается, и вообще мои глаза начинают сами собой закрываться.

Это опасно – вести машину в таком состоянии, в котором я нахожусь, а тут еще и дождь, так что, кажется, мне придется остановиться.

Мысль об остановке наполняет меня ужасом, но, похоже, у меня нет выбора.

Через несколько минут я вижу дорожный знак, оповещающий меня, что через милю будет заправочная станция.

Когда я достигаю нужного мне поворота, я притормаживаю и сворачиваю на объездную дорогу.

Я паркуюсь на стоянке какого-то захудалого мотеля. Выключив мотор, я проверяю, заблокированы ли двери в машине и затем принимаюсь рассматривать свой пострадавший глаз в зеркало заднего вида. Выглядит он паршиво.

Я открываю бардачок и достаю влажные салфетки, которые я постоянно там храню. Именно в этот момент я замечаю свою сумку на полу со стороны пассажирского сидения, именно там, куда я закинула ее накануне. Я вздыхаю с облегчением.

У меня есть деньги.

Я ни за что не вернусь обратно в свою квартиру. Когда Форбсу надоест искать меня, он отправится именно туда, чтоб там ожидать моего возвращения.

Кажется, эту ночь мне придется провести в этом мотеле.

Я поднимаю свою сумку и кладу ее на пассажирское кресло. Бумаги, касающиеся моей матери, все еще внутри. Я нежно касаюсь их кончиками своих пальцев.

Внезапно звонит мой сотовый, и я аж подпрыгиваю на месте от неожиданности.

Это Форбс.

Дрожащими пальцами я отклоняю вызов и вырубая телефон.

Я протираю лицо влажными салфетками. При более близком рассмотрении я замечаю, что рана очень глубокая. Необходимо заклеить ее пластырем. Хотя несколько швов тут было бы уместнее, но в данный момент мне что-то не очень хочется зашивать саму себя, а ехать в травмпункт вообще не вариант.

Мне наплевать на шрам. Он будет у меня далеко не первым.

У меня должны быть пластыри в аптечке в багажнике. Я всегда готова к неожиданностям.

Хотя могу обойтись и пакетом со льдом. Посмотрим, что удастся раздобыть в мотеле.

Я вытаскиваю из сумки свои огромные солнечные очки и надеваю их чтобы спрятать

поврежденную часть моего лица. И плевать, что на улице дождь. Я вешаю сумку на плечо и выхожу из машины под проливной дождь.

Прежде чем идти в мотель, я достаю из багажника аптечку и засовываю ее себе в сумку.

На ресепшене служащая мотеля, женщина средних лет, едва достаивает меня взгляда, пока занимается регистрацией нового постояльца. Это, конечно же, мне на руку, так как выгляжу я подозрительно: в темных очках, промокшая до костей и с кровью на одежде.

Она молча протягивает мне ключи от комнаты, я благодарю ее и отправляюсь в свои апартаменты.

В коридоре я останавливаюсь перед автоматом для продажи напитков, чтобы купить банку газировки. Использую ее вместо пакета со льдом.

Я открываю дверь номера, и мне в нос ударяет противный запах затхлого освежителя для воздуха. Войдя внутрь, я закрываю за собой дверь и запираю ее на замок. Я снимаю очки и кладу их обратно в сумку, которая приземляется на кровать, в то время как я усаживаюсь рядом. Матрас очень жесткий и неудобный. Одной рукой я прикладываю холодную банку с газировкой к моему глазу. А другой рукой я крепко вцепляюсь в спинку кровати.

Затем я сдаюсь. Я плачу, стараясь выплакать все свои слезы, добрую часть ночи.

Понятия не имею, сколько я так просидела, горько рыдая, но когда слез больше не остается, я иду в ванную и снимаю с себя всю одежду.

Невыносимое желание набить себя под завязку едой и затем очиститься от нее просто раздражает меня, но страх выйти наружу сильнее, поэтому я остаюсь в комнате.

Всеми моими решениями сейчас руководит страх.

Я кое-как стираю свою заляпанную кровью футболку в раковине и вешаю ее сушиться на перила для полотенец. Затем я залезаю под горячие струи душа. Мне необходимо смыть с себя всю вонь и запах Форбса, и тогда мне станет гораздо легче.

Со мной все будет в порядке.

На глаза наворачиваются слезы, когда я прокручиваю в голове все сегодняшние события. Я глубоко вдыхаю, чтобы остановить начинающие вновь капать слезы. Затем беру мыло и стараюсь смыть с себя всю грязь. После душа я чувствую себя более или менее свежей. Я беру полотенце и промокаю свои влажные волосы. Затем тело. Меня раздражает то, что я не имею возможности почистить зубы. Утром надо будет обязательно купить зубную пасту и щетку.

Я иду обратно в комнату и достаю аптечку из своей сумки.

Обработав свою рассеченную бровь обеззараживающей жидкостью, я заклеиваю ее пластырем. Затем я достаю две таблетки Адвила и глотаю их, даже не запив водой.

Мне совсем не хочется снова надевать одежду, в которой я была, но у меня нет никакой другой. Я надеваю лифчик и заматываю полотенце вокруг бедер.

Я с ногами залезаю на кровать и не мигая какое-то время смотрю на свою сумку.

Контракт по «передаче Мии» все еще внутри и адрес моей матери тоже.

Не могу поверить, что она жива. А еще больше не могу поверить в то, что она от меня отказалась. Вот так запросто. Перестала быть моей матерью, просто подписав бумагу.

Как такое может быть?

Во мне борются разные чувства. Я злюсь. Точнее, я просто в ярости. Все это время она жила где-то там, пока мне приходилось терпеть жизнь с Оливером под одной крышей.

Она меня бросила.

Она оставила меня с ним.

Знала ли она вообще, что он был за человек? Человек, которому она оставила своего ребенка? По своей ли воле она передала меня этому монстру и исчезла из моей жизни?

Мне хочется верить, что она не знала, потому что мне просто невыносима мысль, что она все знала и все равно так поступила.

Я не могу думать об этом сейчас. Я вообще не хочу об этом думать.

Слишком много всего свалилось на меня сегодня. У меня больше нет сил.

Надо поспать.

Тряхнув головой, я разгоняю все свои мысли, затем, вытянув одну ногу вперед, я спихиваю ступней сумку с кровати. Я выключаю свет и забираюсь под одеяло.

Закрыв глаза, я прислушиваюсь к движению машин, проезжающих по трассе недалеко от мотеля, стараясь сконцентрироваться на этом отдаленном шуме.

Интересно, ищет ли Форбс меня? Что, если он найдет меня здесь?

После этой мысли я вскакиваю с кровати, берусь за тяжелый стул, что стоит у письменного стола, и тащу его к двери, поставив так, чтобы блокировать дверную ручку. Мне следовало бы припарковать свою машину позади мотеля, вместо того чтобы оставлять ее на виду на передней парковке, но я не собираюсь выходить из комнаты только ради этого.

И вообще, я уехала слишком далеко от Бостона. Форбс и предположить не может, что я могу забраться так далеко. Я никогда не была за пределами Бостона.

Мне становится грустно от этой мысли.

Я никогда не уезжала из Бостона. Ни разу.

Вся моя жизнь прошла в пределах Бостона. В то время как моя мать жила где-то далеко. Без меня.

Снова забираясь в кровать, я включаю телевизор и пытаюсь сконцентрироваться на том, что происходит на экране, вместо того чтобы опять погружаться в свои мысли.

Моя голова — это не то место, где мне бы хотелось мысленно находиться в этот момент.

Мия

Я просыпаюсь и не могу понять, где я нахожусь. У меня немного кружится голова, и я улавливаю звуки работающего телевизора.

Через какое-то время я наконец вспоминаю, что нахожусь в комнате мотеля.

Вчерашние события снова нахлынули на меня бешеным потоком. Форбс пытался меня изнасиловать. Он напал на меня. Моя мать жива. Но она от меня отказалась. Она оставила меня Оливеру.

Мое сердце наполнилось болью, и болезненно сжались внутренности.

И затем я, совсем позабыв про свою рану, начала тереть глаза.

— Черт!

Я опускаю голову на подушку и жду, пока боль и разочарование улягутся, превратившись в ноющее неприятное чувство у меня в груди.

Я продолжаю лежать до тех пор, пока мой мочевого пузырь не заставляет меня выбраться из кровати. После я принимаюсь рассматривать в зеркало свой подбитый глаз.

Святые небеса, выглядит он неважно. Распухший и черный, с огромным кровоподтеком. Это невозможно замазать никаким тональным кремом.

Кажется, придется не расставаться со своими солнечными очками всю следующую неделю.

Я принимаю пару таблеток Адвила, чтоб унять боль, и снова ложусь в кровать. Облокотившись спиной о спинку кровати, я начинаю щелкать пультом, просматривая каналы.

Я пытаюсь сосредоточить все свое внимание на телевизоре, игнорируя мысли и вопросы в своей голове, но это плохо помогает.

Мне необходимо решить, что же мне делать дальше. Не могу же я еще черт знает сколько торчать в номере мотеля недалеко от трассы I-90, бог его знает где. Но и домой вернуться я тоже не могу. Да и вообще в Бостон. Там меня ждет Форбс.

Итак, что же мне делать?

Я могу поехать в Колородо на поиски своей матери.

Ни за что. Она бросила меня. Оставила с Оливером.

Хотя я ведь не знаю, что ею двигало. Я знаю, каким был Оливер. Как он умел внушить страх. Что, если у нее не было другого выхода, кроме как оставить меня и уехать?

Я бьюсь головой о спинку кровати.

— Нет, черт возьми! — бормочу себе под нос.

И так продолжается какое-то время. И неважно, с какой стороны я подхожу к этому большому вопросу, в итоге я все равно понимаю, что не смогу успокоиться и жить дальше, пока не узнаю, почему она меня бросила. Эта мысль будет терзать меня до конца моих дней.

Возможно, найдя свою мать, я обрету покой. И, кроме того, у меня ведь навалом свободного времени. Сейчас летние каникулы. Только время подскажет мне, как распорядиться своей жизнью, и, найдя свою мать, я смогу также обрести саму себя.

После смерти Оливера я просто тупо продолжила жить по тому сценарию, который он написал для меня. А теперь у меня появился шанс стать свободной и изменить свою жизнь.

И мне вовсе незачем возвращаться в Бостон, если я этого не хочу. Да, у меня там есть квартира, но она никуда ведь не денется, и со временем я смогу ее продать... Черт! Сегодня же должны прийти из благотворительной организации за барахлом Оливера.

Я беру сумку и достаю свой сотовый. Я его включаю, игнорируя тонны пропущенных звонков, смс и голосовых сообщений от Форбса, и звоню своему адвокату, который занимается продажей дома.

Автоответчик. Еще слишком рано, чтоб застать кого-нибудь в офисе. Я оставляю сообщение на автоответчике, объясняя, что мне срочно пришлось уехать из города на пару дней, и прошу, чтобы они отправили кого-нибудь в дом Оливера, когда приедут из благотворительной организации за вещами.

Закончив, я снова вырубаю свой телефон. Последнее, чего мне хочется, так это выслушивать тупые оправдания Форбса.

Имея план дальнейших действий, я быстро одеваюсь и морщусь от отвращения, что приходится надевать на себя вчерашнюю грязную одежду. Надо будет остановиться где-нибудь по дороге и купить новую одежду и нижнее белье.

Я собираю волосы в хвост, надеваю солнечные очки и, покинув номер, сдаю ключи на ресепшен.

В машине я забиваю «Дюранго, Колорадо» в свой навигатор.

О! Мне предстоит долгое путешествие.

Я даже на минуту рассматриваю возможность отправиться туда на самолете, но потом отметаю эту мысль, так как не хочу оставлять никаких следов, по которым Форбс мог бы найти меня. Я не думаю, конечно, что служащие аэропорта доверили бы ему подобную информацию, но Форбс, когда ему нужно, может найти подход практически к любому человеку, и поэтому я не хочу рисковать, дав ему возможность выследить меня.

Я знаю, что он будет меня искать.

Форбс не из тех, кто легко расстается с тем, что, как он думает, принадлежит ему. А он, без сомнения, считает, что я его собственность.

Я снова выезжаю на трассу и через пару часов делаю остановку, чтоб подзаправиться. На заправочной станции я интересуюсь у служащего, нет ли где поблизости торгового центра или чего-нибудь в этом роде. Торговых центров в округе нет, но зато есть Уоллмарт¹ всего в нескольких милях отсюда.

Великолепно.

Я еду до Уоллмарта. Там я покупаю себе несколько пар джинсов, несколько футболок, летние топики, пижаму, нижнее белье, средства по уходу за собой и пару пачек Адвила. Я также приобрела пару балеток и большую спортивную сумку, чтобы сложить туда свой новый гардероб.

Подойдя к кассе, я расплачиваюсь за свои покупки, перекинувшись парой слов с кассиром.

Выйдя из магазина с сумкой в руке, я вдруг осознаю, что забыла купить фен для волос. Мои волосы — это какой-то кошмар: очень густые и поэтому сохнут целую вечность. Утром они были все еще влажные, хотя вымыла я их вечером, перед тем как лечь спать.

Я направилась было обратно в супермаркет, когда заметила парикмахерскую по соседству с магазином.

Долго не раздумывая, я иду в парикмахерскую, где меня усаживают перед зеркалом, и девушка по имени Ширли спрашивает, как меня подстричь.

Я хлопаю глазами.

— Мммм...

Мой взгляд блуждает по фотографиям моделей с разными прическами, что висят на стене. И тут меня озаряет, чего именно мне хотелось бы. Я хочу кардинально поменять свою внешность.

— Я хочу обрезать волосы. Очень коротко.

О, Боже, я действительно это сейчас сказала?

— Вы уверены? — она смотрит на меня, как будто у меня не все в порядке с головой.

Но, кажется, так оно и есть, я сошла с ума.

У меня отличные волосы. Светлые, очень густые и длинные, но сейчас единственное, чего мне хочется, — это избавиться от них. Я хочу выглядеть иначе. Я хочу начать новую жизнь. Новая жизнь, новая я.

— Ага, я хочу вот такую стрижку, — я показываю пальцем на фотографию девушки с очень короткой прической. В стиле Пикси.

Девушка на фотке выглядит такой хорошенькой.

Такой счастливой...

Я тоже хочу так выглядеть.

Ширли наклоняет голову набок, разглядывая меня в зеркало.

— Твоей форме лица эта прическа подойдет просто идеально, — она улыбается мне. —

Ну что, пошли к раковине, нужно намочить твои волосы. И, между тем, у тебя будет еще время передумать.

— Я не передумаю.

Я сажусь на кресло перед раковиной и откидываю голову назад.

— Ты не против снять очки, милая? — спрашивает Ширли.

Я замираю на месте.

Мне требуется некоторое время, чтоб собрать всю свою волю в кулак, поднять руку и медленно убрать очки с лица.

Я слышу, как она ахает и, слава Богу, что у меня нет возможности видеть выражение ее лица в этот момент.

— Наклонись вперед, милая. Я забыла накинуть полотенце тебе на плечи.

Я делаю то, что меня просят.

Ширли оборачивает полотенце вокруг моей шеи, и я чувствую, как она мягко пожимает мне плечо.

Как будто таким образом она хотела выразить мне свою поддержку. Солидарность.

У меня в горле образовывается ком.

Может быть, ей известно, каково это — иметь синяк под глазом. И дело даже вовсе не в том, что тебя изуродовали снаружи. Дело в том, какое увечье тебе нанесли внутри.

Синяк пройдет. А вот боль внутри никогда.

— Отлично. Теперь наклони голову назад, — говорит Ширли, — давай-ка превратим тебя в новую женщину.

Через час я снова сижу в своей машине. Мои покупки покоятся на заднем сидении. Новая я — на переднем. Я немного поворачиваю зеркало, чтоб рассмотреть свою новую

стрижку. Моя челка закрывает лоб и немного лезет в глаза. Волосы коротко подстрижены, длины по бокам хватает, только чтобы едва заправить волосы за уши.

Я выгляжу совсем по-другому, именно так, как мне и хотелось.

Внезапно я начинаю смеяться. Меня раздирает смех, и я не понимаю, по какому это поводу. Но вдруг смех сменяется слезами.

Я смеюсь и плачу одновременно. Какого хрена со мной происходит?

Может быть, у меня нервный срыв?

Какая-то женщина, что шла мимо моей машины, взглянула на меня как на ненормальную, и я понимаю, что, скорее всего, со стороны я именно так и выгляжу: сижу в машине, смеюсь как сумасшедшая, в то время как слезы ручьями текут по моим щекам.

Я руками вытираю лицо, завожу машину и отправляюсь в долгий путь до Колорадо.

Мия

Сейчас где-то начало седьмого.

Долгих два с половиной дня назад я покинула ту парковку перед Уоллмартом, и наконец-то я на месте, въезжаю в город Дюранго.

Я очень устала, мои ноги и руки затекли, хочется есть, и вообще меня все раздражает.

Если не считать ночевок в отвратительных мотелях, то все, что я делала эти два с половиной дня — это сидела за рулем своей машины и гнала по трассе. Если бы не радио, то не знаю, что со мной было бы. Я провела за рулем слишком много времени, больше чем того требуется.

Я сама во всем виновата. Я могла бы так не торопиться и ехать помедленнее, но меня гнало вперед маниакальное желание — как можно больше увеличить расстояние между собой и Форбсом.

Сейчас все, чего я хочу — это что-нибудь съесть, а потом завалиться на какую-нибудь удобную кровать и проспать, по крайней мере, целую неделю. Затем я наведуось по тому адресу, что нашла в папке, и узнаю, живет ли там моя мать, Анна Монро.

А потом... Я еще не придумала.

Пожалуй, далее я просто доверюсь судьбе.

Выехав на главную улицу, я еду до центра города. Я наклоняюсь вперед, разминая немного затекшую спину, попутно разглядывая через лобовое стекло то место, где я нахожусь.

Городок кажется очень симпатичным. Он необычный и очень уютный. Теперь мне понятно, почему многие захотели бы здесь жить. Почему моя мать выбрала именно это место.

Окидывая взглядом горизонт, я натякаюсь на высокую гряду гор на заднем фоне.

Ух ты! Потрясающе.

Откидываясь обратно на спинку сидения, я замечаю кафешку. Снаружи она выглядит чистенько и прилично. Я возьму себе там что-нибудь, чтобы перекусить, а потом отправлюсь на поиски отеля.

Я поворачиваю на стоянку и паркуюсь прямо перед входом в кафе. Прежде чем выйти из машины, я надеваю солнечные очки. Мой синяк под глазом все еще выглядит паршиво.

Закрыв машину, я потягиваюсь, разминая свои затекшие конечности, и иду в кафе.

Открываю дверь и захожу внутрь. Немного оглядевшись, я замечаю, что многие столики уже заняты, и я про себя молю, чтобы у них нашлось одно свободное местечко, очень не хочется ждать, пока какой-нибудь столик освободится. Я могла бы и вовсе обойтись без ужина сегодня, но за эти дни я и так очень мало ела, и организму требовалась подзаправка.

Мне навстречу выходит официантка. Она приблизительно моего возраста, но на полфута выше чем я, и с длинными каштановыми волосами.

— Привет! Добро пожаловать в ресторан Джо. Меня зовут Бет, и я к вашим услугам. Столик на одного? — спрашивает она, заглядывая мне за плечо.

— Да. Я одна. — Я неловко улыбаюсь. Ненавижу то, как неудобно я себя чувствую, когда приходится есть в ресторане одной.

Бет берет меню со стойки в вестибюле, и я следую за ней к свободному столику в самой дальней стороне зала. Она кладет меню на стол передо мной, в то время как я усаживаюсь на место.

— Что будете пить? — Она замерла с блокнотом и ручкой в руке.

— Диетическую колу, пожалуйста, — отвечаю я, в то время как быстро пробегаюсь по меню глазами. Я хочу сделать заказ как можно скорее, чтоб быстренько поесть и отправиться на поиски ближайшего отеля.

— Могу я сделать заказ прямо сейчас?

— Конечно, — улыбается она. — Что вам принести?

— Чизбургер и картофельные чипсы. — В детстве мне никогда не разрешалось есть подобную еду. Оливер не позволял, и Форбс тоже не одобрил бы мой выбор. Он всегда повторял, что его выворачивает наизнанку от вида девушки, поедающей жирный бургер. Или, может быть, это просто вид меня с бургером раздражал его.

Я ем подобную еду, только когда меня никто не видит. А сейчас мне придется есть на глазах у других людей.

Чертовски волнующий момент, правда?

Клинический случай, я знаю, но это на самом деле так.

— Отлично, — она забирает у меня меню. — Ваш заказ будет готов через десять минут, а пока я принесу колу.

— Спасибо. Гм, простите... не могли бы вы еще кое в чем мне помочь...

Она с любопытством смотрит на меня.

Я поворачиваюсь на своем стуле, чтобы было удобнее на нее смотреть.

— Я только что прибыла в этот город, и мне негде переночевать. Не могли бы Вы порекомендовать мне какой-нибудь приличный отель?

Она окидывает меня оценивающим взглядом, двигаясь глазами от солнечных очков на моем лице и до кроссовок на моих ногах. Это очень напрягает меня и заставляет чувствовать себя некомфортно.

Я натягиваю улыбку на лицо и прячу свои ноги под стол.

— «Голден Оукс», — произносит она, засовывая меню подмышку. — Это самый лучший отель в Дюранго. Он находится не очень далеко, в горах. Хотя немного дальше, чем большинство других отелей, но зато он того стоит.

— Как далеко надо ехать? — последнее чего мне хочется — это снова быть за рулем дольше, чем того требуется.

Я замечаю, что она уставилась на мой рот, и понимаю, что я тяну себя за губу большим и указательным пальцем. Я всегда так делаю, когда чувствую себя неудобно или нервничаю. Что происходит довольно часто.

Я убираю руку от губы и кладу ее на стол.

— Всего пятнадцать минут. Хотя можно доехать и за десять, если ехать очень быстро. — Она расплывается в улыбке и наклоняет голову набок.

Я тоже улыбаюсь.

— У вас есть адрес этого отеля или хотя бы название улицы? Чтобы забить в навигатор, — объясняю я.

— Без проблем. — Она пишет что-то в своем блокнотике, затем отрывает страничку и протягивает ее мне.

— Спасибо.

— Не за что, — она очень широко улыбается. — Я скоро вернусь с Вашей колой.

Я только что закончила есть, и, кажется, это был самый лучший бургер в моей жизни. Я опять в своей машине и следую в направлении, которое указывает мне мой навигатор.

Я горжусь собой. Еще там, в ресторане, в какой-то момент меня захлестнуло огромное желание заказать еще еды и наесться до отвала — стресс дает о себе знать — но я сумела подавить в себе это желание. Я съела только то, что было у меня на тарелке, заплатила по счету и ушла.

Для меня это стало огромным достижением. Я никогда еще не ела подобную еду без последующего очищения от нее моего желудка.

Наклоняясь вперед, я осматриваю окрестности через лобовое стекло.

Где, черт возьми, я нахожусь?

Впереди нет ничего, только дорога. И деревья. И опять дорога.

Километры и километры извилистой дороги, идущей все выше в гору, ведущей меня все дальше.

Я сверяюсь с навигатором. Да, я однозначно не заблудилась, и, судя по всему, должна прибыть на место через пару минут.

Вот только впереди все равно ничего не видно, кроме дороги, а ведь я уже проехала мимо двух других отелей на своем пути.

Я начинаю жалеть, что не остановилась возле одного из них. Меня уже тошнит от вождения, а также я совсем не хочу останавливаться в отеле, который находится у черта на рогах. Но Бет, официантка из ресторана, меня заверила, что это лучший отель в городе, вот я туда и тащусь.

Через пару минут я вижу вывеску отеля "Голден Оукс" со стороны дороги. Аллилуйя! Я даже победно вскидываю руки над головой, так я рада.

С главной дороги я кидаю беглый взгляд на территорию отеля. Местность здесь очень красивая, а величественные горы на заднем фоне делают это место еще более живописным. Возможно, я бы могла оценить то, что открывается перед моим взором, еще больше, если бы не была смертельно уставшей.

Повернув, я еду по длинной подъездной дороге к отелю. Колеса скрипят по гравию, и я еду до тех пор, пока из-за расступившихся деревьев не показывается здание отеля.

Отель не очень большой. Симпатичный. И просто идеальный.

Я оглядываюсь в поисках парковки, но ничего не нахожу, поэтому ставлю машину рядом с вычурным красным Мустангом, что припаркован прямо на траве на обочине подъездной дороги. Эта тачка в стиле тех машин, какие водят придурковатые друзья Форбса. Форбс.

Дрожь пробегает по всему моему телу при малейшем воспоминании о нем. Я очень старалась не думать о нем в течение последних двух дней. Постоянно выключенный телефон очень мне в этом помог.

Прихватив сумку, я выбираюсь из машины и снова потягиваюсь. У меня такое чувство, как будто мое тело одеревенело. Мне просто необходимо приземлиться на какой-нибудь мягкий матрас и отоспаться.

Я очень надеюсь, что кровати в этом отеле удобные, потому что спать на кроватях в

двух последних мотелях было настоящей пыткой.

Обойдя машину, я открываю багажник и вытаскиваю свою сумку.

Первое, что доходит до моего сознания, — это то, что здесь очень тихо. Ничего, кроме чириканья птичек где-то вдали. Тут так спокойно.

Просто идеально.

Мне даже подумалось, что именно таким и должен быть рай.

Проходя мимо мустанга, я замечаю нарисованные на одной из его сторон языки пламени.

О, Боже всемогущий! Эта тачка — типичный членоувеличитель, хотя я, кажется, никогда эту штуку не видела. Я издаю сдавленный смешок и закрываю свой рот рукой.

Остановившись на полпути к ресепшен, я внимательнее оглядываюсь вокруг.

Отель — это большой деревянный коттедж в деревенском стиле, одна сторона которого покоится на огромных деревянных сваях на небольшом пригорке, который, плавно спускаясь, переходит в огромную ровную площадку. Я смотрю вниз и вижу, что одна сторона здания отеля спускается вниз, к самой площадке. Наверное, там живут хозяйка отеля. Наверху огромные окна с отражающими стеклами выходят на веранду, что опоясывает все здание. Главный вход освещен мягким светом фонарей, а вдоль аллеи, ведущей к отелю, разбит небольшой садик. Чем ближе я продвигаюсь к главному входу в отель, тем сильнее становится аромат цветов и растений. Я останавливаюсь и глубоко вдыхаю, а потом удовлетворенно выдыхаю.

Я поднимаюсь по лестнице и пересекаю веранду, направляясь на ресепшен, чтоб снять комнату в этом чудесном месте.

Звенит колокольчик, когда я открываю дверь и захожу. Внутри никого нет. Я про себя отмечаю, что тут так же красиво, как и снаружи.

Стойка ресепшен, сделанная из темного дуба, расположена прямо напротив входа. Слева находится просторная гостиная с огромным камином и тремя мягкими диванами. Все выглядит так по-домашнему. Кажется, мне в этом отеле очень понравится.

— Привет! Есть тут кто-нибудь? — говорю я.

Какое-то время меня так и продолжает окутывать тишина, а затем до меня доносятся звуки, похожие на то, как будто слон взбирается вверх по лестнице.

Затем... Олицетворение всего того, от чего девушка, как я, должна держаться подальше, заходит через открывшуюся позади ресепшена дверь.

Высокий. В отличной форме. С татуировками — одна полностью покрывает поверхность его руки. Темно-каштановые волосы, довольно длинные, но не настолько, чтобы можно было собрать их в хвостик; такой длины, как у серферов, — что лезут в глаза.

Оглядев меня, он откидывает волосы назад, открывая моему взору свои глаза цвета кленового сиропа. На меня находит внезапное желание поесть блинчиков.

Этот парень просто сногшибателен.

Мужественный...

С волевым подбородком...

Все в нем так и кричит, что он настоящий самец.

Он выглядит как грех.

Как жаркий, грязный, потрясающий секс.

Святые небеса! Откуда у меня подобные мысли? Я никогда не думаю о мужчинах и сексе, или, вернее будет сказать, — о сексе с женщиной.

До меня вдруг доходит, что я откровенно пялюсь на него, поэтому я открываю рот и говорю:

— Здравствуйте, — облизываю языком свои пересохшие губы.

Адонис с татуировками не говорит ни слова.

Он смотрит на меня так, как будто я инопланетянка, которая только что приземлилась на его планету... как будто он не совсем уверен, что со мной делать и почему вообще я здесь нахожусь.

Возможно, мне не следовало сюда приезжать. Может быть, отель закрыт на этот сезон, а Бет просто не знала об этом.

Я решаю развернуться и уйти, и в этот момент слышу, как он наконец заговорил. У него такой глубокий и мужественный голос, прямо как я и предполагала. От его тембра у меня бегут мурашки по коже.

— Чем могу помочь? — спрашивает он.

Чем он может мне помочь? Это ведь отель, так? Мне так и хочется выйти наружу, и свериться с вывеской у дороги.

— Мне, эээ, нужен номер, — я подхожу поближе к стойке. — Та девушка из ресторана, Бет, она дала мне ваш адрес. Она сказала, что у вас есть свободные номера.

Ничего не говоря, он пялится на меня в течение некоторого времени. Я начинаю беспокоиться, думая, что, возможно, у меня что-то не так с волосами или с лицом, и потом только до меня доходит, что он пялится на мои очки. Ему, наверное, интересно, почему это я разгуливаю вечером в солнечных очках. Ладно, пусть лучше так, чем если бы он пялился на мой подбитый глаз.

Он отводит свой взгляд и смотрит перед собой на стойку ресепшен.

— Да, есть. На сколько дней Вам нужен номер?

Я готова облегченно вздохнуть: у них есть свободные номера. Последнее, чего мне хочется, — это снова оказаться за рулем моей машины.

На сколько дней мне нужен номер?

— Эээ... — теперь моя очередь смотреть себе под ноги. Я переступаю с ноги на ногу в раздумьях.

Возможно, мне потребуется некоторое время, чтобы разыскать свою мать. И если я найду ее, то мне понадобится еще немного времени, чтобы побыть с ней.

Конечно, если она вообще захочет видеть меня.

Интересно, а на сколько они сдают номера? Снова глядя на него, я говорю:

— Я не уверена... на две недели?

— Вы меня спрашиваете или говорите?

Вау. Ладненько. Он, может быть, и симпатичный, но совсем не вежливый. Ну а чего я ожидала? Форбс тоже красив — в более классическом понятии, чем этот парень, — и он самый мерзкий подонок из всех.

Теребя свою нижнюю губу пальцем, я сглатываю, а потом скрещиваю руки на груди. Затем более уверенным тоном я отвечаю:

— Мне нужен номер на две недели, у вас есть свободный на такой срок номер?

Он листает служебный журнал, затем смотрит на меня. Он бросает беглый взгляд на что-то позади меня, а потом опять смотрит на мое лицо.

— Да, есть. Это будет сто семьдесят пять долларов в сутки.

Без сомнения, этот отель намного дороже, чем последние два мотеля, в которых я

останавливалась, но зато он намного лучше и красивее. Я легко могу себе позволить в нем остановиться благодаря грязным деньгам, что мне оставил Оливер после своей смерти. И вообще, сейчас я заплатила бы любую цену, лишь бы иметь возможность провести эту ночь в удобной и комфортной кровати.

— Хорошо, — отвечаю я.

Он кидает на меня прищуренный взгляд, затем проводит линию в журнале, что лежит перед ним. Он открывает ящичек и достает лист бумаги, который толкает по поверхности стойки в моем направлении и рядом кладет ручку.

— Впишите сюда Ваше имя и домашний адрес.

Я беру ручку.

Следует ли мне написать неправильный адрес, как я делала в предыдущих мотелях? Я не хочу давать Форбсу возможность найти меня. Мой настоящий адрес плюс мое настоящее имя — и он совершенно точно поймет, что я останавливалась в этом отеле.

Но в то же самое время я ведь не собираюсь ночевать здесь всего одну ночь, как до этого. И это будет выглядеть очень подозрительно, если я напишу не свой настоящий адрес, и этот парень об этом узнает.

В конце концов я решаюсь дать свои настоящие данные и вписываю свой реальный домашний адрес и номер телефона. Форбс ни за что не найдет меня здесь. Я проехала полстраны. Две тысячи миль от дома.

Закончив, я возвращаю ему ручку и заполненный бланк. Нечаянно я задеваю его пальцы. Они теплые, с грубоватой кожей, но в то же самое время такие мягкие. Очень приятные на ощупь.

Это всего лишь иллюзия. Потому что мужские руки причиняют только боль. Они резко и сильно бьют. Оставляют кровоподтеки под глазом. Они грубо хватают, сжимают... Заставляют постоянно страдать.

Я резко отдергиваю свою руку и накрываю ее другой.

Мое лицо покалывает, и я смотрю в направлении гостинной, представляя, как это, когда в камине пылает огонь. Я даже могу почувствовать исходящее от него тепло на своем лице, стоит мне только закрыть глаза.

— Мне еще необходимы данные Вашей кредитной карточки, и на этом все. Оплата будет снята при выезде из отеля, — голос татуированного Адониса вернул меня с небес на землю.

— Хорошо.

Я достаю свою карточку из кошелька, подаю ему, но он ее игнорирует и принимается возиться с одним из тех приспособлений для оплаты карточками. Затем он предает его мне, даже не взглянув в мою сторону.

— Вставьте Вашу карточку.

Я делаю то, что меня просят.

— Введите Ваш пинкод.

Закончив, он забирает обратно эту штуковину, все еще смотря куда угодно, но только не на меня.

Я с интересом его рассматриваю, пока он пялится на электронное устройство в своей руке.

Он невероятно красив. Чем больше я смотрю на него, тем красивее он становится. Я никогда еще не встречала кого-нибудь, кто был бы внешне так привлекателен, как этот

парень.

Могу поспорить, что девчонки из штанов выпрыгивают, лишь бы его заполучить. И, думаю, он прекрасно осведомлен о том, насколько он привлекателен. Я это вижу по его уверенным движениям и по флюидам безразличия, что он распространяет вокруг себя.

Он выдергивает карточку из электронного устройства и возвращает ее мне. Я засовываю ее в свой задний карман.

Он снимает со стены ключ и выходит из-за стойки ресепшен.

— Сюда, пожалуйста.

Я наклоняюсь, чтобы взять свои сумки, и, прилагая усилия, закидываю их себе на плечо.

Они стали весить намного больше, чем буквально еще пять минут назад. Это, наверное, оттого что мое тело чувствует близость кровати и скорую возможность провалиться в сон.

— Дайте, я вам помогу, — говорит татуированный Адонис, протягивая ко мне руку.

Он что, пытается быть со мной любезным? С чего бы это?

Еще пару минут назад он не был таким любезным, он на меня вообще едва глядел. И, судя по моему опыту, мужчины становятся учтивыми, только когда им что-то от тебя нужно. У меня нет ничего, что могло бы заинтересовать этого парня.

Убирая протянутую руку, он принимается чесать затылок, и на его лице появляется усмешка.

— Нести багаж постояльцев входит в мои обязанности. У нас нет носильщиков, — говорит он и улыбается. Такой мальчишеской улыбкой.

А, понятно. Я чувствую себя настоящей дурой.

Я снимаю свои сумки с плеча и передаю их ему, еле сдерживая вздох облегчения.

— Спасибо, — улыбаюсь.

На его лице появляется странное выражение, затем он снова усмехается.

Закинув мои сумки к себе на плечо, он шагает прямо по коридору.

М-да, у него настроение меняется со скоростью света. Сперва любезный, но уже через минуту раздраженный. Хотя не все ли мужчины одинаковые? Одни более неуравновешенные, чем другие.

Мне приходится практически перейти на бег, чтобы его догнать, как вдруг татуированный Адонис резко останавливается напротив двери в конце коридора. Еще чуть-чуть, и я впечаталась бы ему прямо в спину. Он открывает дверь, проходит внутрь, по пути включая свет, и кладет мои сумки на кровать.

Я хочу последовать за ним, но не могу. Все мои мышцы напряглись.

Находится наедине с ним там, на ресепшене, было не так уж и страшно, так как это общественное место. Но теперь... Я не могу находиться с ним один на один в маленькой комнате. Он может воспользоваться этим. Дверь ведь можно закрыть на замок.

Я разворачиваюсь.

Оливер держит ключи в одной руке. В другой ремень.

«Время преподать тебе урок, Мия».

Мой взгляд перемещается на джинсы татуированного Адониса. На нем нет ремня. А хотя, какая разница? Для того, чтобы причинить мне боль, ремень вовсе не нужен. Есть тысяча других способов. Миллион.

Какого черта он зашел в мою комнату?

Для того чтобы занести твои сумки. Это его работа.

Этот парень — он ведь не Оливер и не Форбс. Он просто работник этого отеля. Он не

причинит мне вреда. Не все мужчины ведь жестоки.

Здесь я в безопасности. Это отель. Тут полно других постояльцев.

Хотя, если хорошенько подумать, я ведь не встретила ни единой живой души с тех пор как сюда приехала. Только его. И снаружи припаркована только одна единственная машина, кроме моей. Мустанг-членоувеличитель, вполне возможно, принадлежит ему.

О, Боже, это его машина? Я что, совсем одна в этом отеле?

Это его машина, и, кроме меня и него, в этом отеле никого нет.

По позвоночнику пробежали мурашки. Я стараюсь глубоко вдохнуть, но мои легкие не могут вместить столько воздуха. В моей груди начинает нарастать паника.

Все хорошо, Мия. Успокойся. Возможно, в других номерах все же есть люди. Сейчас же вечер. Они, возможно, уже спят. Или тусуются в городе и приедут позже. Даже если снаружи припаркована всего одна машина, это ни о чем не говорит.

Татуированный Адонис поворачивается ко мне. Он наклоняет голову вбок, на его лице застыл немой вопрос.

Не могу винить его в этом. Я стою в коридоре, веду себя как полнейшая идиотка, готовая впасть в истерику.

Его глаза скользят по всему моему телу. Почему он так на меня смотрит?

Все мои чувства посылают сигналы тревоги.

Я скрещиваю руки на груди и выпрямляю спину, стараясь казаться выше и увереннее в себе.

Теперь я сама могу позаботиться о себе. Я сильнее, чем была раньше. Я дала Форбсу пс
йцам и смогла убежать, не так ли?

Татуированный Адонис направляется в мою сторону. Мой порыв бежать отсюда без
оглядки становится просто непреодолимым.

Я не слабачка. Я не слабачка.

Я сильная женщина.

Я еле заставляю себя держаться ровно на ногах и делаю всего один шаг назад, чтобы
дать ему пройти.

Татуированный Адонис возвышается надо мной. Я подозревала, конечно, что он
намного меня выше — это совсем не удивительно, если взять во внимание мой
миниатюрный рост — но сейчас это заметно намного лучше, когда он стоит совсем рядом со
мной, и, что самое странное, его близость меня не пугает так, как, по идее, должна бы.

— Ключи, — протягивает он мне ключи от моей комнаты.

Я беру их в свою руку.

— Завтрак подается с семи до полдевятого, — говорит он прежде, чем уйти.

Затем, остановившись, добавляет:

— И мы не подаем обед и ужин, но в округе полно ресторанов.

— А в отеле есть другие постояльцы? — спрашиваю я.

Он останавливается и поворачивается ко мне.

— Нет. Но мы ожидаем несколько гостей на следующей неделе. А пока что здесь только
Вы и я.

Мое сердце перестало биться в груди.

Я. Здесь. Одна.

С ним.

Нет, нет, нет и нет.

Я так не могу. Да, я теперь сильная, но подобный поворот событий — это чересчур, я к этому не готова.

— Не переживайте, это очень тихое и безопасное место, — говорит он. И я уверена, что выражение беспредельной паники на моем лице заставляет его говорить все это.

— У нас очень надежная система сигнализации, и также в здании имеется огнестрельное оружие. Так, на всякий случай.

Пистолет.

Боже, только не это.

— Мия, как думаешь, что произойдет, если я спущу курок?

Я крепко зажмурила глаза, почувствовав прохладу металла на своем лбу. С меня начал литься пот.

Но я стараюсь держать себя в руках. Стараюсь не заплакать. Если я сейчас разревусь, то он разозлится еще больше.

— Я умру, Оливер.

Он прижал пистолет еще сильнее к моей голове.

— Оливер! — заорал он. — Ты ведь знаешь, что должна обращаться ко мне только «сэр» или «папочка»! Сколько раз мне тебе это повторять? Сколько еще мне вбивать это тебе в голову?

Черт. Черт. Черт.

Какая же я дура.

Он убрал пистолет.

— П-простите меня, с-сэр... п-па-папочка, — мой голос дрожал точно так же, как и все мое тело, потому что я прекрасно знала, что меня теперь ожидает.

И мой страх подтвердился, когда я услышала знакомый звук расстегиваемого ремня.

— Да я же пошутил, нет у нас тут никакого огнестрельного оружия, — голос татуированного Адониса выдернул меня из моих воспоминаний.

Меня начинает тошнить. Страх и неприятные воспоминания завладевают мной все больше, повергая меня в бездонную пропасть.

Я отчаянно пытаюсь держать себя в руках. Быть нормальной. Я не хочу впасть в истерику прямо на глазах у этого парня, но мне все труднее себя контролировать.

Он поднимает руки ладонями вверх, чтобы показать, что говорит правду.

— Никаких пистолетов. Клянусь. Нет надобности, потому что, как я уже сказал, у нас тут безопасно.

Тяжело дыша через нос, я снова начинаю теревить свою губу, а потом заправляю свои короткие волосы за уши.

— С Вами все в порядке? — спрашивает он и делает шаг в мою сторону.

Нет.

Будь сильной. Оставайся на месте. У тебя все получится, Мия.

— Да, я в порядке.

Он с любопытством смотрит на меня. И я его понимаю. Я веду себя как настоящая истеричка.

— Вот и отлично. Если вам что-нибудь понадобится, просто нажмите кнопку «респешен» на телефоне, и я подниму трубку. — Он поворачивается чтобы уйти. — Спокойной ночи, Мия.

— Откуда вы знаете, как меня зовут?

Он посмотрел на меня через плечо, и я заметила, как его брови поползли вверх.

— Так было написано на бланке регистрации, что вы заполнили.

Он улыбается. Очень мило улыбается. Излучая теплоту. И дружелюбие. Это меня немного успокаивает.

— Ах, ну да, точно, — я смеюсь, чувствуя себя немного по-идиотски. — А вас как звать?

Он снова улыбается.

— Джордан.

Я поворачиваюсь, чтобы прямо смотреть на него.

— Это ваш отец, Джордан?

Он смеется. У него такой глубокий, такой мужественный смех, что мой желудок приятно сжимается.

— Нет. Он принадлежит моему отцу. Его сейчас нет, так как он уехал присматривать за моим дедом, поэтому я пока за старшего.

— О, надеюсь, что с вашим дедом ничего серьезного.

— Нет, обычное недомогание, ему на две недели прописали постельный режим, вот мой отец и уехал, чтобы ухаживать за ним.

Я киваю головой.

— Спасибо еще раз, — я ему улыбаюсь, пока отступаю назад, и затем скрываюсь в своем номере.

Я закрываю дверь на замок и прислоняюсь к ней спиной.

Дыши глубже, Мия.

Все будет хорошо. Несмотря на его грубоватость, Джордан кажется хорошим парнем.

Да, но Форбс тоже когда-то казался хорошим.

Я иду к стулу, который заприметила у туалетного столика, тащу его через всю комнату и подпираю им дверь, блокируя ручку.

Осторожность совсем не помешает.

Повернувшись, я обвожу комнату взглядом. Очень красивая комната. Кровать заправлена постельным бельем нежно-бежевого оттенка. На стене с одной стороны — окно. Стеклянные двери находятся на самой дальней стене. Я иду к этим дверям и раздвигаю занавески чтоб выглянуть наружу. Мне видно совсем немного — только лишь веранда и лунный свет, серебрящий деревья вдалеке. Утром я все хорошенько рассмотрю.

Я еще раз проверяю, надежно ли закрыта дверь, затем задергиваю занавески.

Я стою посреди комнаты. Тишина завораживает меня, и мой разум начинает работать в ускоренном режиме.

Внутри зарождается страх и растекается по мне ядом.

И я не в состоянии остановиться, когда мои ноги сами несут меня в ванную. Я сажусь на колени перед унитазом, поднимаю крышку и избавляю желудок от всего, съеденного в кафе.

Джордан

Несколькими часами ранее...

Я вылезая из кровати. Сняв презерватив, я завязываю его в узел и кидаю в мусорную корзину. Подняв свои джинсы с пола, я натягиваю их на себя.

— Полежи со мной еще немного, — рука Жуаны выныривает из-под одеяла, хватая меня за руку и тянет на себя.

Я выдергиваю ее.

— Не могу. У меня полно работы. Мне нужно привести эту кровать в порядок.

Это ложь. У меня не так уж и много работы. Нам нужны постояльцы, чтобы была работа, а в данный момент в отеле нет ни одного постояльца, поэтому земля не прекратит вращаться вокруг своей оси, если эта кровать побудет не заправленной какое-то время. Просто я не хочу валяться с ней в постели и обжиматься.

Потому что именно этого она и ждет от меня. Ей не нужно произносить именно эти слова. Я отлично знаю, когда отношения с девушкой достигают этого момента.

И тогда самое время поставить жирную точку.

Я не обнимаюсь и не ласкаюсь.

Я трахаюсь.

И больше ничего.

И она об этом знает. Я поставил ее об этом в известность перед тем, как мы начали заниматься сексом. И я всем им говорю об этом. Как жаль, что они пропускают все мимо ушей, как бы старательно я ни пытался подчеркнуть и выделить сей факт.

Кажется, нам пора притормозить в нашем маленьком приключении. Как жаль. Мне с ней было очень хорошо в постели.

Я как раз натягивал футболку, когда она выбралась из-под простыни.

Я наблюдаю за ней, пока она приближается ко мне. Возможно, я и собрался порвать с ней, но это не значит, что я больше не могу любоваться ее роскошным телом — бесконечно длинные ноги и буфера, которые однозначно были ненатуральными. Да, я совсем не жаловался, когда еще десять минут назад я страстно их облизывал и посасывал.

Она томно прижалась ко мне. Руки обвили меня за талию, и она принялась нежно целовать меня в шею.

— Я хочу, чтобы ты трахнул меня еще раз, — сладко мурлычет она.

Заманчиво, но я прекрасно знаю, что творится в данный момент в ее хорошенькой головке: всего два слова — «Джордан» и «бойфренд», — и этого достаточно, чтобы удержать моего маленького «Джордана» в штанах.

Возможно, вы решите, что я последний подонок из-за того, что сперва занимаюсь с ней сексом, а потом решаю отшить ее, но клянусь вам, у меня и в мыслях не было так поступать, когда я завалился с ней в кровать около часа назад. Я думал, мы с ней как минимум еще пару раз развлечемся.

Но ей захотелось ласки и нежности.

Обычно я прекращаю подобные отношения более цивилизованно, но поверьте мне,

будет намного хуже, если я позволю ей уйти с мыслями, что я снова ей позвоню, когда я вовсе не собираюсь этого делать.

Я всегда с ними честен, так как ничего другого предложить не могу.

Отведя свои руки назад, я беру ее руки. Оторвав их от своего тела, я слегка их сжимаю и затем выпускаю из своих.

Я делаю шаг назад.

— Послушай, Жуана, мне было хорошо с тобой, и все такое... но мне кажется, что нам пора расстаться.

Она замирает. Нахмуривает брови. Затем ее лицо принимает то сумасшедшее выражение, какое обычно появляется у девчонок, когда до них доходит, что ты рвешь с ними всякие отношения.

Пятый уровень отношений — влюбленность.

— Ты закончил? — ее голос срывается на визг.

Дерьмо.

Я вообще даже и не предполагал, что она материал, годящийся для пятого уровня отношений, когда с ней познакомился. Кажется, я чертовски в ней ошибся.

Мне совсем не хочется разбираться сейчас с истериками сумасшедшей девчонки.

Поехали..

— Жуана.., — я тру лоб и затем запускаю свои пальцы в волосы, откидывая их от лица, — мы оба знали, чем это все закончится. Я сразу внес ясность. Это были отношения всего на пару недель, хотя мы с тобой продержались намного дольше.

— Прошла всего неделя, Джордан.

Вот черт, всего неделя? А кажется, что намного больше. Мне однозначно пора от нее избавляться.

— Послушай.., — я говорю своим снисходительным, но «я все равно больше не нуждаюсь в твоей заднице» тоном, — нам было хорошо, Жуана. С тобой весело. Но нам пора расстаться.

В нее словно бес вселился. Она схватила с пола свою одежду и резкими движениями начала натягивать ее на себя.

— Весело? ВЕСЕЛО! — От ее визга у меня реально начали болеть уши, — я думала между нами было нечто особенное. Мне казалось, что я нравлюсь тебе.

Теперь понимаете, что я имел в виду?

Мои. Слова. Прошли. Мимо. Ее. Гребаных. Ушей.

— Когда я такое говорил? Ах да, никогда. Я считал тебя горячей штучкой, и, без сомнения, мне хотелось заняться с тобой сексом — и не один раз. Но я не говорил ни слова ни про какие чувства. Ни разу. И мне на хрен не нужны какие-либо отношения, только секс.

Уууу. Кажется, я перегнул палку.

Она подходит ближе и тычет мне в грудь своим наманикюренным пальчиком.

Черт меня дери, мне больно. У нее, оказывается, очень острые ногти. Они дарили приятные ощущения, когда она водила ими по моей спине во время секса, но в данный момент — что-то не очень.

— Ты гребаный ублюдок! — орет она мне прямо в лицо, — и ты всю свою жизнь будешь одинок и несчастен.

Вау, как оригинально, — как будто мне никогда до этого не говорили ничего подобного. Почему все женщины говорят именно эти слова, когда ты их бросаешь?

Поверьте мне, я совсем не несчастен. Даже близко...

Будучи свидетелем того, через что пришлось пройти моему отцу... Он безумно любил мою мать, а потом был вынужден смотреть, как она умирает. Видя отца в таком состоянии... от прежнего него осталась только лишь оболочка.

Вот это несчастье.

Я никогда на подобное не подпишусь. Я лучше буду один, спасибо.

Когда дело касается женщин, то я просто засовываю в них свой член, но сердце остается снаружи. Так намного проще.

Я наклоняюсь вперед и заглядываю ей в лицо.

— Жуана, ты с самого начала знала, что от меня не следует ожидать ничего, кроме секса, поэтому не прикидывайся обиженной добродетелью, разбрасываясь всем этим дерьмом. Ты прекрасно знала, с кем ложишься в постель.

Почему каждая из них верит, что сможет меня изменить? Я никогда не изменюсь. Когда уже это до них дойдет?

— Да пошел ты! — кричит она. Она орет на меня, представляете?

О, Боже, я не выношу истеричных женщин. Нет ничего, что охладило бы меня быстрее... ну, кроме обжиманий и сюсюканья, конечно.

— Ну наконец-то мы друг друга поняли, — я ухмыляюсь, отступая немного назад, — ты хочешь дальше трахаться, а я не хочу.

Я небрежно махнул рукой в сторону двери.

— И придержи дверь, чтоб она не стукнула тебя по заднице, когда будешь уходить, милая.

Обычно я не такой засранец, но, честно говоря, она действовала мне на мои гребаные нервы.

Несколько долгих секунд Жуана меряет меня испепеляющим взглядом. Затем, наклонившись, она подбирает свои каблуки, засовывает в них ноги и хватает свою сумочку с прикроватной тумбочки.

— Ты еще об этом пожалеешь, — шипит она.

— Не думаю.

— Мудак! — она проносится мимо меня и вылетает из комнаты, громко хлопая дверью.

Я слышу удаляющийся стук ее каблуков, затем входная дверь с силой захлопывается. Через минуту взревел мотор ее машины, и наконец я слышу удаляющийся скрип шин по гравию.

Я, кажется, легко отделался.

Я запускаю руку в волосы, затем иду и беру в прачечной чистые простыни.

Я снимаю грязное постельное белье с кровати и буквально за две минуты заправляю ее чистым бельем.

Я всегда занимаюсь сексом в номерах отеля, потому что мне не хочется никого тащить в свою собственную постель. Я не хочу спать на простынях, которые пропахли сексом с очередной девчонкой, что я подцепил. И черт его знает почему, но девчонки, которых я цепляю, считают романтическим заниматься сексом в номерах отеля.

По моему мнению, нет ничего менее романтического, чем это.

Но они так считают, и мне это на руку. В этом плане мне очень повезло, что я живу в отеле.

Я собрал все грязное белье в кучу, чтобы отнести в прачечную.

Кажется, пора искать новую секс-подружку. Но сперва надо заняться более важными делами. Надо принять душ и перекусить. Я просто умираю с голода.

Только я впиваюсь зубами в свой сэндвич, как звонит телефон. Сэндвич отправляется обратно на тарелку, я снимаю трубку со стены, быстренько прожевывая то, что успел откусить.

Боже, какое блаженство. Я делаю просто охренительные сэндвичи.

— «Голден оукс», — произношу я в трубку, выковыривая языком остатки сэндвича из зубов.

— Джордан, это Бет.

Я сажусь обратно на свой стул.

— Бет, я знаю, что это ты. Я знаю тебя всю свою жизнь, поэтому могу с точностью сказать, что я без проблем узнаю твой голос по телефону.

Она смеется.

— Да, ты прав. Перейду сразу к делу. Я звоню, чтобы предупредить тебя, что я дала адрес вашего отеля одному туристу.

— О, спасибо большое, что бы мы без тебя делали.

— Да, знаю. Без меня вы загнулись бы. И Джордан, этот турист — девушка. И она хорошенькая, очень хорошенькая. Поэтому постарайся держать своего дружка в штанах, ладно? Дела в отеле идут не очень, и соблазнение гостей не поможет процветанию бизнеса твоего отца.

— Черт возьми, Бет! Один раз. Всего один гребаный раз я оступился! И она не предупредила меня, что была замужем.

— Один? — смеется она. — Не учитывая взбешенного мужа, я могу насчитать, по крайней мере, десять девушек, которые шипели на тебя за этот год, а сейчас только лишь июль.

— Десять? Да ну, брось, ты преувеличиваешь.

Она смеется, а затем внезапно останавливается.

— Наоборот, я преуменьшила эту цифру.

Я делаю быстрые математические вычисления в голове.

Ну ладно, возможно, она и права.

— Проехали, — бормочу я, — вообще-то я немного оскорблен тем, что ты думаешь, что дамы покидают отель без единого доброго слова в адрес жарких приключений с Джорданом Метьюсом.

— Не говори о себе в третьем лице, меня пугает, когда ты так делаешь. И да, если ты воткнул свой член в девушку, это не обязательно должно закончиться криками радости с ее стороны. Тебе равных нет в соблазнении, но только не в деле завершения отношений.

— Я никого не соблазняю, мы не в девятнадцатом веке. Я трахаюсь. И мне в этом нет равных. Именно поэтому дамы возвращаются за добавкой. И не могла бы ты оставить разговоры о моем члене в покое? А то ты начинаешь меня немного заводить, и это жутко меня пугает.

— О, Боже! Ну ладно, никаких больше разговоров. Просто оставь симпатичную туристочку в покое.

— Мне кажется или ты чересчур в ней заинтересована? Может, за твоими предупреждениями кроется что-то еще, что мне следует знать? Может быть, ты сама положила на нее глаз?

— Джордан Метьюс! — орет она на меня, заставляя меня рассмеяться, — Во-первых, девушки не в ее вкусе. Я это сразу поняла. И, во-вторых, она слишком уж красивая, ну, ты меня понимаешь.

— Нет, ни черта не понимаю, — невозмутимо говорю я. — Слишком красивых не бывает.

— Да, бывают. Знаешь, это такой вид красоты, на котором висит ярлык. Эта девушка синоним неприятностям. Короче, мне надо идти. В ресторане полно дел, и моя мать уже метает взглядом кинжалы в мою сторону. Просто постарайся быть хорошим мальчиком, ради меня. И если не ради меня, то хотя бы ради твоего отца. Ему правда больше не нужны неприятности после той твоей выходки.

Мышцы на моей спине напрягаются.

Ее напоминание было вроде резкой пощечины. Пощечины, которую я заслужил.

— Почему ты молчишь?.. Я перегнула палку? — осторожно спрашивает она.

— Нет, — я вздыхаю, — ты все сказала правильно. Я буду хорошо себя вести, обещаю.

— Я так беспокоюсь о тебе только потому, что я люблю тебя, и ты об этом знаешь.

— Я знаю. Ты единственная представительница женского пола, которая может говорить мне подобные вещи, и мне даже не хочется бежать от тебя подальше сломя голову.

— Это потому, что я никогда не спала с тобой.

— Это потому, что ты, Бет Тернер, очень умная девушка.

— Это, и плюс тот факт, что я лесбиянка.

Я издаю сдавленный смешок.

— Н-да, и это тоже.

Пятнадцать минут спустя я слышу, как во дворе отеля останавливается машина. Скорее всего, это та горяченькая туристочка.

Я докажу Бет, что я в состоянии держать себя в руках в присутствии смазливой девчонки.

Я не подчиняюсь командам своего члена.

И вообще, даже если Бет считает, что она хорошенькая, это совсем не значит, что мне она тоже понравится.

Может быть, она страшная как смертных грех. Ну или, в крайнем случае, с хорошей фигурой, но отталкивающим лицом.

Ну нет. Кого я обманываю? Если Бет считает ее привлекательной, то мне она однозначно придется по вкусу. Мы с Бет предпочитаем женщин одного и того же типа.

Еще через пару минут я слышу, как звенит колокольчик на входной двери.

Занавес.

Я поднимаю свою задницу с табуретки и тащусь на второй этаж. Пока я взбираюсь по лестнице, я слышу ее голос.

— Привет! Есть тут кто-нибудь?

— Блин, и минуту подождать не можешь, — бормочу я себе под нос.

Весь оставшийся отрезок лестницы я перепрыгиваю через две ступеньки, быстро пересекаю офис, выхожу на ресепшен и...

Черт меня дери!

Черт возьми. Черт. Черт.

Самая горячая цыпочка, что я видел за всю свою долбаную жизнь стоит прямо передо

мною.

Самая. Горяченькая. Из. Всех.

Бет преуменьшила, назвав ее хорошенькой. Сильно преуменьшила.

Она сногшибательна.

И я, кажется, влип.

Это странно немного, так как я предпочитаю высоких девушек. Мне нравятся длинные ноги, а эта девушка такая крохотная. Максимум пять футов и три дюйма. С моим ростом в шесть футов и два дюйма я выше ее почти на целый фут. И ее грудь намного меньше того размера, который я предпочитаю.

У нее светлые короткие волосы. В стиле Пикси. Она похожа на Тинкер Белл. Меня больше привлекают девчонки с длинными волосами, чтоб было что намотать на руку, пока я их трахаю.

Эта девчонка, которая в целом полная противоположность всего того, что мне нравится в девушках, заставила мой член затвердеть, как камень, от одного лишь взгляда на нее.

Такое. Со мной. Впервые.

Обычно мне необходимо, чтобы они были раздетыми или хотя бы порукоблудить немного для начала.

Одного взгляда на нее хватает, чтоб заменить все вышеперечисленное.

Нет, ну правда, мне кажется, что стоит ей только дотронуться до меня пальцем, и я тут же кончу прямо в штаны, чего не случилось со мной с самого седьмого класса, когда я тискался с Кейти Харрис в раздевалке в спортзале. Два толчка, и я кончил. Не самое мое приятное воспоминание, но в свою защиту могу сказать, что Кейти была первой девочкой, которая трогала мой член.

Я сейчас просто безгранично благодарен счастливому случаю, что эта стойка ресепшен достаточно высока, чтобы скрыть мой позор.

— Здравствуйте, — говорит она. Ее проворный язычок облизывает губы.

Господи, ее рот выглядит таким сладким. Такие вишнево-красные губы, которые так и хочется облизать. Такие губы, которые мне бы хотелось увидеть в действии на своем члене.

Вот бы еще ее глаза увидеть. Глаза — это мой фетиш, наравне с ногами. Мне нравится, когда они большие, но на ней эти гребаные очки. Ненавижу, когда девушки так делают. Когда на улице солнечно, вот тогда и надевай солнечные очки, а не в восемь часов вечера, черт возьми.

Вспомнив, что я еще не произнес ни слова ей в ответ и вообще стою как идиот и пялюсь на нее неподобающее количество времени, я наконец спрашиваю:

— Чем могу помочь?

На этот вопрос в ее распоряжении имеется два ответа. Номер один — это когда она просит меня нагнуть ее на стойку ресепшен и...

— Мне, эээ, нужен номер, — это был ответ номер два.

Японский бог, у нее такой сладкий голос, словно сироп.

Мой член дернулся, упираясь в ткань моих джинсов, которые внезапно стали мне тесны.

Мне необходимо избавиться от подобной реакции. Я справлюсь. Мой член не имеет никакой власти надо мной. Я тут главный.

Думай, что ты стал бойфрендом какой-нибудь девчонки, Мэтьюс. Пятый уровень отношений с Жуаной, например.

И, опа, это помогает. На место, дружок.

Красотка подходит ближе к стойке и ставит свои сумки на пол.

Она обалденно пахнет. Смесью ванили и дорогого парфюма.

Мне хочется наклониться поближе и глубоко вдохнуть.

И, возможно, даже облизнуть ее.

Она увлажняет свои губы еще раз, прежде чем заговорить. Это выбивает меня из колеи.

— Та девушка из ресторана, Бет, она дала мне ваш адрес. Она сказала, что у вас есть свободные номера.

Я с трудом отрываю свой взгляд от ее губ и гляжу в ее уродливые гребаные очки. Но все, что я вижу в них, — так это мое собственное отражение. Что, в принципе, не так уж и плохо, но мне просто хочется увидеть ее без них.

Интересно, она разозлится, если я протяну руку и сниму их с нее?

Стараясь избавиться от навязчивых мыслей, я прочищаю горло и отвечаю:

— Да, есть. На сколько дней вам нужен номер?

— Эээ... — она опускает свой подбородок и переминается с ноги на ногу. — Я не уверена... На две недели?

Две недели. Нам как раз не помешала бы подобная сумма денег. Конечно, если мне удастся держать свои руки и все остальное при себе.

— Вы меня спрашиваете или говорите?

Вау, я сказал это как самый настоящий засранец.

Она выглядит так, как будто ей не по себе.

И я чувствую себя куском дерьма.

Какого хрена со мной происходит?

Она поднимает руку и начинает тянуть себя за нижнюю губу — это, кстати, выглядит весьма возбуждающе, когда она так делает. Меня, совершенно определенно, это снова заводит. Ну ладно, «снова» — это, скорее всего, неправильное слово, потому как мое сексуальное напряжение и не спадало с тех самых пор, как я ее увидел.

Оставив в покое губу, которую я хотел бы почувствовать у себя во рту, она скрестила руки.

— Мне нужен номер на две недели, у вас есть свободный на такой срок номер?

Еле-еле оторвав от нее взгляд, я смотрю перед собой в рабочий журнал.

Как будто мне так необходимо с ним сверяться. Конечно, у нас есть свободный на две недели номер. У нас вообще не предвидится заезда гостей до самой следующей недели, и это, как обычно, будет семейство Перри, которые каждый год останавливаются у нас в отеле на годовщину своей свадьбы. Мне просто необходимо было обратиться с мыслями, прежде чем я сделаю какую-нибудь глупость вроде заигрывания с ней.

Черт, я хочу с ней пофлиртовать. Невыносимо хочу.

Включи мозги, Метьюс. С горяченькой туристкой флиртовать нельзя.

Ты сильный, у тебя все получится.

Ладно. Я сдам ей номер «Лэйквью» («С видом на озеро» — прим. переводчика). Это самый дорогой номер в нашем отеле. И самый лучший. Именно в таком номере должна проживать такая девушка как она.

И, судя по блестящему дорогому Мерседесу, что я вижу припаркованным снаружи, я предполагаю, что она может себе позволить подобный номер.

Также, это единственная комната в отеле, где я не занимался сексом. Не то чтобы это имело какое-то к ней отношение, просто мама и папа после свадьбы провели свою брачную

ночь именно в "Лэйквью". Поэтому я старательно избегал заниматься сексом в этой комнате.

— Да, есть, — говорю я. — Это будет стоить сто семьдесят пять долларов в сутки.

— Хорошо, — не раздумывая отвечает она.

Так я и думал. При деньгах. Интересно, это папочкины деньги она тратит или, может быть, у нее есть муж?

Она не выглядит на столько, чтобы быть замужем, хотя кто его знает — возраст нынешних женщин.

Пару месяцев назад я путался с одной цыпочкой, которая выглядела на двадцать, но ей на самом деле было тридцать. Чудеса пластической хирургии.

Я быстро пробежался взглядом по ее безымянному пальцу. Ничего нет.

Взяв ручку, я пометил эту неделю в журнале.

Затем я достаю из ящика бланк регистрации и толкаю его по поверхности стойки в ее направлении, рядом кладя ручку, которой только что писал в журнале.

— Впишите сюда Ваше имя и домашний адрес.

Она берет ручку. Я замечаю, что ее рука дрожит. Странно. Она нервничает или боится?

Я не дал ей ни одного повода бояться, поэтому я склоняюсь к первому варианту — нервничает.

Хотя чего бы это такая красотка, как она, нервничала в моем присутствии? Есть только одна причина. Она тоже хочет меня. Им всем всегда этого хочется.

Эй, вы не подумайте, я вовсе не высокомерная задница. Просто я в курсе того, как выгляжу. И многим женщинам нравится то, как я выгляжу. Нет, вообще-то всем женщинам нравится то, как я выгляжу. Они без ума от моих волос и татуировок. Им нравятся плохие мальчики, а я плохой. Что тут еще сказать?

Но эта девушка не похожа на других. Я уверен. Она неопытна, поэтому-то и нервничает. Может быть, она вообще еще девственница?

Неа, она не может быть девственницей, с ее-то внешностью.

Она заканчивает заполнять бланк и возвращает его мне. Ее пальцы слегка прикоснулись к моим, и она так отдернула от меня руку, как будто боялась заразиться от меня чумой.

Ничего себе. Девушки обычно дождаться не могут, чтоб потрогать меня.

Я смотрю на ее имя на бланке, что держу в руке.

Мия Монро.

Ха. Прямо как Мерлин Монро. Но не совсем.

Я ведь не произнес все это вслух, ведь правда?

Я кидаю на нее беглый взгляд. Она смотрит по направлению гостиницы.

Нет, кажется пронесло, я ничего не говорил.

— Мне еще необходимы данные вашей кредитной карточки, и на этом все. Оплата будет снята при выезде из отеля.

— Хорошо, — она наклоняется вниз к своей сумке. Я пользуюсь моментом и перегибаюсь через стойку, чтоб оценить ее попку.

Аппетитная. Очень аппетитная.

Мне не следовало этого делать, потому как мой дружок снова начинает подавать признаки жизни.

Она выпрямляется, сжимая карточку в руке.

Я ввожу необходимую сумму и передаю электронное устройство для карточек ей.

— Вставьте вашу карточку... введите Ваш пинкод.

Потом я забираю прибор из ее рук и жду, когда он закончит выполнять все необходимые операции.

Когда все готово, я вытаскиваю карточку и передаю обратно ей.

Я замечаю, что в этот раз она очень старается не задеть меня снова.

Она засовывает свою карточку в задний карман джинсов. На какую-то долю секунды я пожелал быть той карточкой.

Я беру ключи от «Лэйквью» и выхожу из-за стойки.

— Сюда, пожалуйста.

Она снова наклоняется, берет свои сумки и с трудом закидывает их себе на плечо. И тут я осознаю, что она выглядит очень уставшей.

Вот он я, оценивающе обглядываю девчонку, как самый последний придурок, а она просто с ног валится от усталости. Я чувствую себя такой задницей. Моя мама воспитала меня намного лучше, чем я веду себя.

— Давайте я вам помогу, — я протягиваю свою руку, чтоб взять ее сумки.

Она выглядит неуверенно. Ее пальцы крепче сжимаются вокруг ручек ее сумок.

Она что, думает, что я собираюсь убежать с ее барахлом?

Убирая руку, я чешу свой затылок.

— Нести багаж постояльцев входит в мои обязанности. У нас нет носильщиков, — я улыбаюсь, чтоб доказать, что я не такой уж и засранец. Она гость в нашем отеле, в конце-то концов.

Смертельная хватка ее пальцев ослабевает, и она снимает сумки со своего плеча, передавая их мне.

— Спасибо, — говорит она своим милым голоском.

Она много не разговаривает, но когда все же открывает рот... у нее очень приятный голос.

Она улыбается.

Я назвал ее сногсшибательной до этого. Я беру свои слова обратно. С такой улыбкой на губах она выглядит невероятной красавицей.

Я не припомню, чтоб когда-нибудь я употреблял слово «красавица» в отношении какой-либо девушки. Все когда-нибудь случается в первый раз.

Если у нее получается выглядеть красивой с этими дурацкими огромными очками, закрывающими, как я предполагаю, самую лучшую часть ее лица, то представляю, как она выглядит без них.

Или как она будет выглядеть подо мной.

Без одежды.

Я вешаю ее сумки себе на плечо и иду по коридору в направлении «Лэйквью».

Ты не можешь заниматься с ней сексом, Метьюс.

Мой член, конечно же, не согласен со мной. М-да, мой член абсолютно уверен, что он сможет наслаждаться этой девчонкой все две недели, и ему это даже не надоест.

Кого я обманываю? Мне она надоест уже через неделю. Именно на столько меня хватило с Жуаной, а у нее ведь были просто безразмерные буфера и длиннющие ноги.

Но даже при наличии всех этих своих достоинств она и близко не была настолько хороша, как Мия Монро.

Хороша или нет, я, к сожалению, не могу похвастаться постоянством. И в данный

момент деньги для нас с отцом важнее. И доказать Бет, что я смогу держаться от Мии подальше, тоже очень важно.

Я останавливаюсь перед «Лэйквью». Отпираю дверь, прохожу внутрь и ставлю ее сумки на кровать.

Повернувшись, я замечаю, что она все еще топчется в коридоре.

Она выглядит очень напряженной и немного испуганной. Я кидаю взгляд на ее руки и вижу, что они снова дрожат.

Что с ней не так, с этой девчонкой? Я думал, что это от моего обаяния, но кажется, я ошибся. Что-то ее тревожит.

Она скрещивает руки на груди и выпрямляет спину.

Осторожно я направляюсь в ее сторону, и она отступает на шаг назад, чтобы дать мне пройти.

— Ключи, — я протягиваю их ей, соблюдая разумную дистанцию между нами.

Она забирает протянутые ей ключи.

И теперь уже я стараюсь не дотрагиваться до ее руки во время передачи. Хотя мне очень хотелось дотронуться до нее, но что-то подсказывало, что мне не стоит этого делать.

— Завтрак подается с семи до полдевятого, — завтра мне придется готовить завтрак, так как у Паулы выходной день. Паула работает у нас в качестве горничной и повара. Сколько я себя помню, столько она у нас и работает, очень долго.

— И мы не подаем обед и ужин, но в округе полно ресторанов, — добавляю я.

— А в отеле есть другие постояльцы? — ее голос звучит очень тихо и глухо.

Я поворачиваюсь к ней.

— Нет. Но мы ожидаем несколько гостей на следующей неделе. А пока что здесь только вы и я.

Выражение ее лица в этот момент приводит меня в замешательство. Она в ужасе.

Какого черта?

— Не переживайте, это очень тихое и безопасное место, — быстро вставляю я, — у нас очень надежная система сигнализации, и также в здании имеется огнестрельное оружие. Так, на всякий случай, — я даже подмигнул ей.

При упоминании огнестрельного оружия ее фигурка словно каменеет и кажется, что она вот-вот готова сорваться с места и бежать.

Или ее вырвет.

Окей, кажется, мне не следовало этого говорить.

— Да я же пошутил, нет у нас тут никакого огнестрельного оружия.

Это не совсем правда. У нас есть пистолеты. Мой отец раньше был копом, и у него все еще хранится оружие, а также есть охотничьи ружья. Я даже умею стрелять. Я отлично умею стрелять. Меня научил отец, когда я был еще совсем мальчишкой, но я думаю, что не следует делиться с ней всей этой информацией.

Я поднимаю руки ладонями вверх, чтобы показать, что говорю правду.

— Никаких пистолетов. Клянусь. Нет надобности, потому что, как я уже сказал, у нас тут безопасно.

Она снова тянет себя за губу. Затем заправляет свои короткие волосы за уши. От меня не укрывается тот факт, что ее руки снова дрожат.

— С вами все в порядке? — я делаю небольшой шаг к ней.

— Да, все хорошо.

Я знаю, что она врет, но я не настаиваю. Это не мое дело.

— Вот и отлично. Если вам что-нибудь понадобится, просто нажмите кнопку «ресепшен» на телефоне, и я подниму трубку. Спокойной ночи, Мия, — я шагнул назад.

Ее брови сошлись на переносице.

— Откуда вы знаете, как меня зовут?

Черт, мне следовало назвать ее мисс Монро, но у меня язык не поворачивается обращаться к ней иначе, кроме как Мия.

Теперь, кажется, я веду себя как в отношениях пятого уровня.

Просто замечательно.

— Так было написано на бланке регистрации, что вы заполнили, — улыбаюсь я.

— Ах, ну да, точно, — она смеется, и от ее смеха у меня разливается приятное тепло в груди.

Какого черта?

— А вас как зовут? — спрашивает она.

Я бы мог ей дать миллион ответов на этого вопрос, но все они будут звучать непристойно.

Я опираюсь плечом о стену и засовываю свои руки в карманы.

— Джордан.

Она немного разворачивается и повторяет мою позу, только лишь руки не в карманах, а скрещены на груди.

— Это Ваш отель, Джордан? — мое имя, произнесенное ее губами, звучит необыкновенно.

Я усмехаюсь.

— Нет. Он принадлежит моему отцу. Его сейчас нет, так как он уехал присматривать за моим дедом, поэтому я пока за старшего.

— О, надеюсь, что с вашим дедом ничего серьезного.

— Нет, обычное недомогание, ему на две недели прописали постельный режим, вот мой отец и уехал, чтобы ухаживать за ним.

Она кивает своей хорошенькой головкой.

— Спасибо еще раз, — она улыбается в последний раз, прежде чем исчезнуть в своей комнате.

Дверь закрывается. Я слышу щелчок замка.

Я все еще продолжаю подпирать спиной стену.

Резюме: в моем отеле останавливается чертовски привлекательная, иногда нервная, иногда очень дружелюбная девчонка, и мне нельзя заниматься с ней сексом ни при каких обстоятельствах.

Кажется, будет весело.

Я чувствую себя неудовлетворенным. Хотя очень рад, что в отеле есть новая постоялица. Я отталкиваюсь от стены и направляюсь вниз, кормить моего другого постояльца.

Хотя он у нас скорее резидент, чем гость. Гости имеют обыкновение покидать наш отель, а этот торчит тут у нас уже около года.

Он отлично заменяет нам охранную сигнализацию, но при этом он очень слюнявый и волосатый. И он единственный, кому я позволяю спать в моей постели. Мы могли бы спокойно обойтись без еще одного голодного рта в нашем семействе, но когда он появился

на пороге нашего дома, будучи еще совсем маленьким щенком, около года назад, мы с отцом не смогли просто закрыть глаза и оставить его на улице. Мы приютили его, и с тех пор у нас появился пес. Теперь уже огромный пес.

Я бреду на кухню и вытаскиваю из посудомоечной машины его миску. Достāju банку его любимой еды из кладовки и вываливаю ее в миску. Черт возьми, собачья еда так отвратительно пахнет. Я также высыпаю в еду его любимые печеньки и зову его.

— Дозер, ужин готов.

Я слышу топот его огромных лап по полу, пока он бежит из нашей с отцом гостиной в кухню.

Он пронесится в открытую дверь кухни и передними лапами запрыгивает на меня, почти что сбивая меня с ног.

— Черт возьми, Дозер, — ругаюсь я, схватившись за кухонный стол чтоб не упасть.

Ворча, он садится у задней двери, не спуская с меня своего жалобного взгляда.

— Бульдозер, — смеюсь я, качая головой.

Я беру его миску с едой и иду в его направлении. По пути я достāju бутылку пива из холодильника.

Я включаю свет на заднем дворе и открываю дверь, выпуская Дозера наружу. Я ставлю его миску на ступеньку, и его морда тут же жадно в нее погружается.

Я сажусь рядом с ним и делаю глоток пива.

— У нас в отеле новая гостя, Дозер, и она очень хорошенькая, но при этом пугливая, поэтому постарайся не крутиться у нее под ногами, мы же не хотим ее отпугнуть. А твоя страшная морда однозначно может ее напугать.

Дозер поднимает свою морду от еды, посылая мне обиженный взгляд и рычит.

— Чего? — усмехаюсь я, глядя на него.

И затем он портит воздух.

— Какого хрена, Дозер! — я закрываю нос рукой. — Ты, вонючая задница! Уверен, ты сделал это специально! Сегодня не будешь спать на моей кровати после того, что натворил.

Я стараюсь не смеяться, потому что если засмеюсь, то придется вдохнуть воздух в легкие, а вонь от этого пса способна отравить. Я серьезно.

Дозер с силой пихает меня своей головой, заваливая меня на один бок. Он хочет залезть на меня, тычась мне в голову своим влажным носом.

— А ну слезь с меня, ты, сумасшедший чертов пес, — мне не хватает дыхания, я смеюсь и, конечно же, при этом вдыхаю воздух, тут же закашлявшись.

— Боже, Дозер, от тебя несет! Ладно! Ладно! Беру свои слова обратно, можешь спать на моей кровати. А теперь давай, отгребись, — я отпихиваю его от себя.

Радуюсь своему выигрышу, он слезает с меня и возвращается обратно к своей еде.

Снова принимая вертикальное положение, я беру в руки свое пиво.

— Сумасшедший чертов пес, — бормочу я, усмехаясь.

Я делаю еще один глоток пива и откидываюсь назад, опираясь на свой локоть. Я вытягиваю ноги перед собой и смотрю в ночное звездное небо.

Сегодня будет очень длинная ночь, потому что наверху поселилась богиня секса, спит в одной из моих кроватей, а мне даже думать о ней нельзя. И единственное существо, с которым я буду делить постель этой ночью, — это мой пес Дозер и его шептуны. Просто чудесно.

Готов поспорить, что Мия спит в сексуальной пижамке. Такая, полупрозрачная которая.

И без какого-либо нижнего белья.

Вот дерьмо. Это будут очень долгие две гребаные недели.

Мне необходимо будет найти себе кого-то еще, чтоб занять себя, пока Мия будет находиться в нашем отеле. Мне надо предпринять все возможное, чтоб держать свои руки подальше от нее. Надо найти кого-то, кого не надо долго обхаживать и охмурять. Не такая уж непосильная это задача. В нашей округе всегда полно девчонок, что приезжают на отдых со своими родителями. Полно скучающих и ищущих развлечений.

Таких развлечений, которые я с радостью могу им предоставить.

Завтра надо будет наведаться в зону отдыха Маунтайн и найти себе новую секс-подружку.

С подобными мыслями в голове я иду обратно в дом, чтобы принять холодный душ, который поможет мне пережить эту ночь.

Мия

Шум. Кто-то кричит.

— Тсссс, — ворчу я, погружая голову в подушку.

Все равно слышны крики.

— Что за черт..? — Я перекатываюсь на другой бок, моргаю заспанными глазами, шурясь из-за тусклого света, пробивающегося через занавески.

Кто кричит? Кто-то снаружи, на улице.

У меня останавливается сердце.

Форбс. Он нашел меня!

Мой пульс начинает бешено стучать, тело тревожно напрягается.

Приподнимаясь и садясь в кровати, я прислушиваюсь.

Мне однозначно слышится мужской голос... но нет, это не Форбс. Я бы узнала его голос из тысячи.

Я облегченно выдыхаю и ложусь обратно.

Наверное, это Джордан. Мне становится интересно, чего это он раскричался.

Бросив взгляд на часы, я вижу, что сейчас десять утра.

Я тянусь к стакану с водой на прикроватной тумбочке и делаю глоток. У меня першит в горле. Я вчера немного перестаралась.

Я опускаю глаза на свою правую руку — на руку, которая помогает мне избавляться от всех моих бед и ненависти к самой себе. Она немного ноет и чешется. Я тру пальцем загрубевшую кожу на своих костяшках пальцев, стараясь уменьшить зуд. Она загубела от постоянного трения зубов о мою кожу. Годы и годы я искусственно вызываю у себя рвоту, вот у меня и появились эти мозоли на руках.

Я подумываю достать крем из сумки, чтобы успокоить зуд, как снова слышу крики Джордана.

Любопытство берет верх, поэтому я выбираюсь из постели и иду к раздвижным дверям, не забывая прихватить солнечные очки по пути, и напяливаю их на лицо.

Я раздвигаю шторы, открываю дверь и выхожу на балкон.

Первое, что бросается мне в глаза — это озеро. Понятно, почему эта комната называется «Лэйквью». Вид на озеро просто восхитительный.

Джордан снова что-то кричит, так неожиданно и громко, что я аж подпрыгиваю на месте.

Он намного ближе, чем я думала.

С гулко стучащим сердцем я подхожу к перилам и наклоняюсь вперед, чтобы узнать, почему он кричит.

Мои глаза натываются на Джордана, который находится всего в двадцати футах от того места, где я стою. Он стоит спиной ко мне. На нем черные рабочие ботинки, синие джинсы и черная футболка с коротким рукавом, которая не скрывает соблазнительные контуры мышц на его руках и плечах.

Он запустил руку в волосы. Мышцы на его руках изгибаются под узором татуировок, пока он откидывает волосы назад. Его волосы выглядят такими мягкими...

Картинка, как я запускаю свою руку в его волосы, проскакивает перед моим мысленным взором. Я быстро моргаю глазами, чтобы прогнать это наваждение.

Он немного поворачивается в мою сторону. Поднимая руки ко рту, он выкрикивает нечто похожее на слово «Дозер».

— Все в порядке? — спрашиваю я с балкона.

— Боже Иисусе! — Он резко разворачивается на месте, руки сжаты в кулаки. — Ты меня до смерти напугала.

— Извини, — я отступаю немного от перил, но все еще продолжаю за них держаться руками. Мой взгляд застыл на его сжатых кулаках. — Я просто услышала, как кто-то кричит, и вышла узнать, все ли в порядке.

От нервного напряжения у меня пересохло во рту, поэтому я увлажняю губы языком.

Его взгляд падает на свои сжатые кулаки, потом обратно на меня.

Я вижу, как его руки расслабляются, пальцы выпрямляются, принимая нормальное положение.

— Извини, я ээээ... — он смотрит себе через плечо, затем обратно на меня, — я не могу найти своего пса.

У него есть собака? Я обожаю собак. У меня никогда не было собаки, но мне всегда хотелось завести щенка.

— Я утром выпустил его погулять, и он исчез. Он никогда никуда не убегал до этого. Он всегда бегает только по территории отеля.

По его голосу понятно, что он очень взволнован.

— Помочь тебе искать его? — слова вылетают из моего рта, прежде чем я успеваю их хорошенько обдумать.

Джордан засовывает руки в задние карманы и смотрит вниз на свои ботинки. Он выглядит так, как будто обдумывает мое предложение. Я тоже обдумываю его.

Какой черт дернул меня это ему предложить?

Господи, неужели я настолько безнадежна, что мысль провести немного времени с этим кажущимся нормальным парнем, чтобы помочь ему в поисках его собаки, звучит настолько отвратительно?

Да. Да, я совершенно точно безнадежно испорчена.

Вытаскивая одну руку из кармана, Джордан откидывает ею от лица свои волосы, затем наклоняет голову набок и смотрит вверх на меня.

— Конечно, — кивает он, — если тебе не сложно.

Ну вот, теперь уже поздно брать свои слова обратно.

— Конечно, мне не сложно, — улыбаюсь я и пытаюсь не замечать того, как мои внутренности завязались в тугий узел. — Я только переоденусь и через минуту спущусь вниз.

Я забегаю в комнату, закрыв за собой раздвижные двери.

Замерев на мгновение, я закрываю глаза и делаю глубокий вдох, чтобы успокоиться.

Я в состоянии сделать это.

Затем, снова открыв глаза, я быстро натягиваю джинсы и футболку. Я на ходу чищу зубы и запрыгиваю в свои кроссовки. Наскоро пробежавшись пальцами по растрепанным волосам, я привожу их в порядок — вот в чем вся прелесть коротких волос, — и снова напяливаю солнечные очки.

Я быстро несусь по коридору к ресепшен и затем выхожу наружу через главную дверь. Я обхожу здание отеля и нахожу Джордана недалеко от того места, где он был до этого.

Я подбегаю к нему.

— До сих пор не нашел?

— Нет. — Он снова откидывает волосы, убирая их с глаз.

Глаза цвета клинового сиропа. Изумительные глаза.

— Он никогда не убегает далеко от дома, — продолжает он.

— Не переживай. Мы найдем его. Как его зовут?

— Дозер.

Интересное имя.

— Где мне следует искать?

Он указывает на лес впереди нас.

— Я везде уже посмотрел. Обычно он не бежит в лес один, он не любит шататься по лесу, но, может быть, в этот раз он погнался за зайцем или что-нибудь в этом роде... — объясняет он.

Он хочет, чтобы я пошла в лес? С ним?

Тревога сжимает мою грудь своей ледяной рукой.

Мысль остаться наедине с Джорданом в лесу не дарит мне энтузиазма.

Мия, не будь идиоткой.

— Хорошо, — я нервно сглатываю, — пошли в лес.

В полном молчании мы идем рядом по направлению к деревьям.

— Какой он породы? — спрашиваю я, стараясь отвлечь себя от плохих мыслей.

— Мاستифф. Дозер! — выкрикивает он, как только мы входим в лес.

Повторяя за ним, я прикладываю руки ко рту и кричу: «Дозер».

Звук моего голоса разносится эхом среди деревьев вслед за эхом Джордана.

Мы оба прислушиваемся, надеясь в ответ услышать что-нибудь вроде лая, но ничего не слышим.

Мы продвигаемся вглубь леса, по очереди выкрикивая имя Дозера.

Проходит несколько минут безрезультатных поисков, как вдруг я улавливаю звук проезжающих где-то недалеко машин.

— Мы недалеко от дороги? — спрашиваю я.

На его лице появляется понимающее выражение, а потом вдруг омрачается паникой. Я тоже начинаю паниковать.

Джордан бросается бежать. Я бегу за ним, стараясь не отставать, но у него ноги длиннее моих, и он бежит намного быстрее чем я.

Наконец я нагоняю его у опушки. Он смотрит по сторонам и выкрикивает имя Дозера.

Я все еще задыхаюсь после бега, и у меня начинает колоть в боку. Я не в самой лучшей форме.

Наклонившись вперед, я упираюсь руками в колени и пытаюсь восстановить дыхание.

Звук дорожного движения намного громче слышится с этого места, что означает, что мы совсем недалеко от дороги.

Сдерживая свое учащенное дыхание, я выпрямляюсь и пытаюсь прислушиваться к звукам вокруг, надеясь услышать хоть что-то, отдаленно напоминающее собаку.

Ничего.

— Давай ты пойдешь в ту сторону, — предлагаю я, указывая в правую сторону от Джордана, — а я пойду в эту, — я наклоняю голову влево.

— Договорились, — он делает шаг назад. — Крикни мне, если найдешь его. Я тебя

услышу.

— Хорошо... и Джордан... я уверена, что с ним все в порядке.

Он кивает головой, а затем разворачивается и удаляется в заданном ему направлении.

Я тоже поворачиваюсь и медленно иду.

— Дозер! — кричу я.

Слышится шум очередной проехавшей машины.

Я продолжаю идти вперед, прислушиваясь и осматривая каждый кустик, надеясь найти хоть что-то. Затем я снова выкрикиваю имя пса.

И тут вдруг я слышу, как кто-то скулит. Этот звук был очень слабым, но я однозначно слышала его.

Мое сердце начинает учащенно биться в груди.

— Дозер! — зову я его снова.

Кто-то скулит.

Идя на звук, я выхожу на небольшую полянку... и вот тут-то я его и нахожу — огромный, рыжеватый мастифф беспомощно лежит под деревом.

Я бегу к нему, во весь голос зовя Джордана, молясь всем святым, чтоб он меня услышал.

Я падаю на колени перед Дозером. Он очень тяжело дышит, грудь с трудом вздымается и опускается, все его тело дрожит.

— О, Боже, бедный песик! С тобой все будет в порядке, Дозер. — Я простираю к нему свои руки, не зная, можно ли его трогать или нет. Я предполагаю, что его сбила машина, и каким-то образом он все же смог отползти сюда, на эту полянку.

— Меня зовут Мия, — обращаюсь я к Дозеру. — Я помогала Джордану тебя искать. Он очень переживает, что ты пропал.

Дозер немного приподнимает свою лохматую голову. Большие карие глаза устремляются в мою сторону.

Мне следует проверить, нет ли у него каких повреждений.

— Так, Дозер, я не ветеринар, но учусь, чтобы стать доктором, мой отец тоже был врачом, поэтому я знаю, что я делаю. Я сейчас осмотрю тебя, чтобы узнать, что именно у тебя болит. Хорошо? Я знаю, что ты не можешь ответить мне...

Просто замечательно, я разговариваю с собакой.

Дозер опускает голову на землю и закрывает глаза, и я расцениваю это как «да» с его стороны.

Я снимаю свои солнечные очки и водружаю их на макушку, чтобы лучше видеть, когда я начну осматривать Дозера на предмет повреждений. Я очень мало знаю о собаках, но мне кажется, что с медицинской точки зрения они мало чем отличаются от людей.

Очень осторожно я кладу свою руку на дрожащее тело Дозера и именно в этот момент появляется Джордан и падает на колени со мной рядом.

— Черт, Дозер! Ты в порядке, дружище?

Дозер издает звук, похожий на ворчание.

— Мне кажется, его сбила машина, — говорю я.

Он смотрит на меня какое-то время. Неверие, злость и пару других эмоций, которые я так и не уловила, сменяют друг друга на его лице.

— Грязный ублюдок! — он трясет головой. — Когда я узнаю, кто это сделал... дерьмо!

Я стараюсь держаться спокойно во время вспышки его ярости.

Он ведь злится не на меня. У него есть право быть злым в данный момент. Кто-то причинил боль его псу.

— Надо отвезти его к ветеринару, — поспешно говорит Джордан.

Но все, на чем я сконцентрирована в данный момент, — это злость, что слышится в его голосе, и физическое напряжение, которое исходит от него. Я делаю над собой нечеловеческое усилие, чтобы не сорваться с места и не бежать от него подальше.

Мне надо успокоиться.

Поэтому я переключаю все свое внимание на Дозера, отключившись от всего остального вокруг. Только так я смогу держать себя в руках.

— Дай я сначала его осмотрю. Надо убедиться, что его можно шевелить и двигать с места. — Мой голос звучит автоматически, без каких-либо эмоций. Я ненавижу, когда так происходит.

Не обращая внимания на вопросительный взгляд Джордана, я ощупываю руками собаку, ища у него ушибы, возможные переломы или внутреннее кровотечение.

Дозер взвизгивает, когда я дотрагиваюсь до его правой передней лапы.

Я наклоняюсь ближе, хорошенько рассматривая его ногу. У него раздроблена кость. Перелом. Возможно, даже не один. Крови нет, а также нет никаких выступов на лапе, что очень хорошо. Это означает, что кость не порвала кожу.

Я не нашла никаких признаков внутреннего кровотечения, поэтому я могу сказать, что худшее что мы имеем — это поломанная лапа.

— У него сломана нога, — говорю я, откидываясь на пятки, — есть также небольшой ушиб в области ребер, но, как я поняла, трещин нет. Мне кажется, у него там будет огромный синяк и больше ничего. Я думаю, что его просто задело проезжающей мимо машиной. Я смотрю на Джордана. Его глаза широко раскрыты, он не мигая рассматривает мое лицо.

Не обращая внимания на его взгляд, я смотрю опять на Дозера.

— Его можно двигать, но нести его до отеля к твоей машине — это не вариант. Он слишком большой, чтобы так далеко его тащить.

— Я смогу сам дотащить его, — говорит Джордан.

— Я тебе верю, но для Дозера это будет очень мучительно. Может, лучше ты возьмешь свою машину и выедешь на дорогу, которая, кажется, тут совсем недалеко? Его можно будет донести отсюда до дороги, причинив ему намного меньше боли.

Джордан смотрит по очереди на меня и на Дозера, нахмутив брови.

— Ты побудешь тут с ним?

— Конечно.

— Я буду через пять минут. — Быстро поднявшись на ноги, Джордан бежит в сторону отеля.

— Потерпи совсем немного, малыш, — я чешу Дозера за ухом. — Джордан пригонит машину, и мы отвезем тебя к ветеринару. Ты быстро поправишься.

Снова наклонившись, я опять осматриваю поврежденную лапу Дозера. На нее следует наложить шину. Таким образом ему будет не так больно, когда мы понесем его к машине.

Я оглядываюсь вокруг в поисках подходящей палки. Совсем недалеко от нас я замечаю одну палку как раз подходящей длины и, протянув руку, беру ее.

Зубами я пытаюсь порвать нижний край моей футболки. Мне удастся порвать ее с одной стороны — спасибо низкокачественному дешевому материалу — и, далее используя свои зубы и руки, я тяну ткань в стороны, разрывая ее вверх по шву. Я останавливаюсь, когда

разрыв доходит до уровня моей груди. Придерживая футболку чуть ниже груди, я начинаю рвать ее поперек.

Когда я заканчиваю, у меня остается достаточный лоскут футболки, чтобы прикрыть грудь, и достаточно материала, чтоб подвязать ногу Дозеру.

— Отлично, Дозер. Сейчас я наложу тебе шину с помощью этой палки и вот этого, что некогда было моей футболкой.

Его карие глаза грустно смотрят на меня.

— Не буду врать — тебе будет немного больно, но я постараюсь сделать все очень быстро, обещаю.

Дозер закрывает глаза и шумно выдыхает.

Не думаю, что он меня укусит, потому что ему слишком больно, но все же я принимаю все меры предосторожности, ведь он огромный и устрашающий пес. Он запросто сможет оттяпать мне руку.

Очень аккуратно я беру его поврежденную лапу в свою руку. Он рычит, обнажая зубы. Я замираю на месте, его лапа все еще у меня в руке.

— Я хочу помочь тебе, Дозер. Помни, пожалуйста, об этом, если вдруг захочешь вонзить в меня свои зубы, ладно?

Он больше не издает никаких звуков. Только лишь тяжело дышит, затем захлопывает пасть, пряча зубы.

Я глубоко вдыхаю и делаю еще одну попытку.

— Мне необходимо выпрямить немного твою лапу... Готов? Вот и все. Он снова рычит, и я осознаю, что он рычит не на меня, а от боли.

— Хороший мальчик, — я шумно выдыхаю. Мое сердце колотится о ребра как сумасшедшее.

Я беру палку и прикладываю ее к его лапе. Затем беру кусок материала и оборачиваю его вокруг лапы с импровизированной шиной, очень туго, чтобы нога больше не сгибалась.

Почти закончив, я разрываю оставшийся конец материи надвое. Один конец я еще раз оборачиваю и затем завязываю в узел с другим.

Отпустив его лапу, я удовлетворенно вздыхаю.

— Умничка, Дозер. — Я глажу его по голове.

Через минуту я слышу рев мотора. Полагая, что это Джордан, я вскакиваю на ноги и отряхиваю землю и траву с коленей.

— Я вернусь через секунду, — говорю я Дозеру.

Я выхожу с поляны на обочину дороги и вижу, как красный Мустанг, что был на территории отеля, мчится в мою сторону.

Джордан останавливается рядом со мной и выпрыгивает из машины.

— Ну как он?

— Ему больно, но он держится молодцом. — Я бегу следом.

Джордан садится на корточки рядом с Дозером

— Эй, старина. Сейчас я отвезу тебя к ветеринару.

Он осторожно просовывает свои руки под Дозера и затем одним резким движением, прилагая минимум усилий, поднимает его на руки и встает.

Вау.

Это ужасно огромный пес. Он весит, наверное, килограммов восемьдесят, не меньше.

Джордан намного сильнее, чем кажется. Не то чтобы он выглядел дохляком, это совсем

не так. Нет. Даже совсем наоборот. Он выглядит очень мужественным. Он просто не такой мускулистый с точки зрения бодибилдинга. У него более атлетическое телосложение, нет ни одного лишнего грамма на теле, он в отличной форме. Ну, насколько я могу судить по его фигуре, облаченной в одежду, во всяком случае.

Джордан выглядит так, как должен выглядеть парень... говорю я и мои скудные познания противоположного пола.

Единственное мужское тело, которое когда-либо было в моем распоряжении, — это тело Форбса, и у него была фигура как у полузащитника (Полузащитник — один из игроков в бейсболе). Полная противоположность Джордана.

Но мне больше нравится телосложение Джордана. Оно просто... идеально.

Пока я смотрю на него, в мою голову врываются фантазии...

...Джордан поднимает меня на руки. Я обнимаю его ногами за талию. Он прижимает меня спиной к дереву, прикладывая своими губами к моим. Его рука опускается все ниже, между моих ног, и дотрагивается до самого заветного места...

— Ты готова?

Готова?

— Что?

Я смотрю ему в лицо. Он наблюдает за мной, смотря на меня сверху вниз. Брови нахмурены. Дозер без единого движения повис у него на руках.

Собаку. Сбила. Машина.

Мы едем к ветеринару.

— Ах, да. Я готова. Поехали.

О, Боже.

Так держать, Мия. Тебя заводит вид симпатичного парня с больной собакой на руках.

Я так себя обычно не веду. Но в присутствии Джордана я вдруг перестаю быть нормальной.

Может быть, это не так уж и плохо.

С покрасневшими от стыда щеками я бегу впереди Джордана к его машине.

Добежав до нее, я открываю дверцу со стороны пассажирского сидения идвигаю кресло вперед чтоб освободить как можно больше пространства для доступа на заднее сидение. Это двухдверная машина, поэтому не так-то и легко затащить Дозера внутрь, но Джордан блестяще справляется с этой задачей.

— Я сяду сзади с Дозером, — говорю я, положив руку на крышу машины и занеся ногу, готовая запрыгнуть внутрь в любую секунду.

Я замечаю, как взгляд Джордана пробегает по моей рваной футболке, а затем останавливается на моем лице. Он хмурится.

Мой подбитый глаз. Дерьмо.

Я тут же надеваю очки, пряча под ними свой стыд.

— Ты перевязала ему ногу? — Он не отрывает глаз от моего лица.

— Да.

— Спасибо.

Втянув голову в плечи, я залезаю внутрь на заднее сидение и втискиваюсь в крошечное пространство, что Дозер оставил для меня.

Джордан двигает пассажирское кресло на свое место, захлопывает дверь и садится за руль.

Я пристегиваюсь ремнем безопасности, а затем осторожно приподнимаю голову Дозера и кладу ее себе на колени.

— С тобой все будет в полном порядке, Дозер.

Я прижимаю свою ладонь к его грудной клетке и считаю удары сердца. Я хочу удостовериться, что с ним все хорошо, и еще для того, чтоб хоть чем-то себя занять.

Джордан разворачивает машину, и я чувствую, как она начинает набирать скорость, мчась по направлению к ветеринарной клинике.

Джордан

Кто она такая, эта девчонка?

Осмотрела Дозера... Говорит о его повреждениях со знанием дела... Перевязала ему лапу. И с таким живописным фингалом под глазом.

Никогда еще я не был так зол, как тогда, когда увидел ее подбитый глаз. Уж поверьте мне: какой-то мудака сбил своей гребаной машиной мою собаку, что жутко меня разозлило, а ее фингал просто вывел меня из себя.

Теперь мне понятно, какого черта она не расстается со своими солнечными очками. И то, как она поспешила скрыть свой фингал обратно, когда поняла, что я его заметил... Этот синяк не случайность. Кто-то ударил ее.

Скорее всего, именно поэтому она так сильно нервничала вчера в моем присутствии. Она такая маленькая, и милая, и добрая. Как у кого-то рука на нее вообще поднялась, я этого никогда не пойму.

То, как она оказала помощь Дозеру... То, как она сейчас заботится о нем... Боже, мой бедный гребаный пес.

Если только я найду этого ублюдка, который сбил мою собаку, он после встречи со мной будет питаться через трубочку, — точно так же, как и ублюдок, который поставил Мие синяк под глазом.

Возможно, Дозер слишком много ест и занимает большую часть моей кровати, но он член семьи, которая не такая уж и многочисленная. Я не могу его потерять.

— Как он? — спрашиваю я через плечо.

— Он дышит с трудом.

Я кидаю быстрый взгляд на заднее сидение.

— Что это значит?

— Это значит: езжай быстрее.

Я до упора вдавил педаль газа.

Через несколько минут я торможу у ветклиники.

Выпрыгнув из машины, я резко рванул пассажирское сидение вперед и протиснулся назад. Мия подалась вперед, стараясь помочь мне взять Дозера.

Я поднял его на руки.

Черт меня дерит! Мои кости трещат под его весом. Кажется, что он стал в два раза тяжелее, чем когда я поднял его на руки там, в лесу.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Я прижимаю Дозера к своей груди, стараясь распределить его вес на своих руках, и двигаюсь так быстро как могу к зданию ветклиники. Мия бежит позади меня.

Она опережает меня немного и открывает дверь. Я быстро проскакиваю внутрь.

Увидев девушку на ресепшен, я направляюсь к ней.

— Мою собаку сбита машина, и ему срочно нужна помощь.

Девушка выходит из-за стойки ресепшен.

— Идите за мной, пожалуйста.

Я бегу следом за ней по коридору и затем в кабинет. Мужчина средних лет в белом

халате сидит за столом и что-то печатает на компьютере.

— Доктор Келли, к нам поступила собака, сбита машиной.

Ветеринар бросает на нас взгляд и тут же поднимается на ноги.

— Положите его сюда, — он указывает на смотровой стол.

Дозер вздрагивает немного, когда я опускаю его на стол.

— Прости, дружище, — шепчу я ему.

— Как его зовут? — спрашивает доктор Келли, вставляя в уши стетоскоп. Он принимается прослушивать сердце Дозера.

— Дозер, — мой голос звучит хрипло, и я прочищаю горло.

— Я следила за его сердцебиением по пути сюда.

Я поворачиваюсь, услышав голос Мии. Я совсем позабыл, что она стоит позади меня. Она прямо смотрит на доктора Келли, пока объясняет:

— Сперва оно было стабильным, 60 ударов в минуту, но пять минут назад его дыхание стало затрудняться. У него ушиб в области груди, но не слишком серьезный, насколько я могу судить по моему беглому осмотру. И еще у него сломана передняя правая лапа — возможно, это всего лишь небольшой перелом. Я наложила шину с помощью того, что мне удалось найти.

И я повторю еще раз — кто, черт возьми, такая, эта девчонка?

Она говорит очень уверенно, точно так же как и там, в лесу, когда осматривала Дозера. Ничего общего с той тихой, милой и нервной девушкой, которая появилась в нашем отеле вчера вечером.

Доктор Келли внимательно смотрит на нее, убирает стетоскоп из ушей и вешает его на шею.

— Ветеринар или доктор? — спрашивает он Мию.

Я сгораю от нетерпения услышать ее ответ.

— Студентка медицинского факультета, — тихо отвечает она, — на втором курсе.

А я-то уж было решил, что не существует ничего, что сделало бы ее еще привлекательнее в моих глазах.

Доктор Мия Монро.

Да-да, ее привлекательность возросла на миллион пунктов согласно шкале сексуальности.

Мой воспаленный мозг тут же сгенерировал кучу секс-сценариев про доктора (Мию) и пациента (я). Все они просто потрясающие.

Доктор Келли разворачивается и направляется к металлическому стеллажу. Он берет в руки шприц.

По мне пробегает дрожь. Я ненавижу чертовы иглы.

Моя мама постоянно была утыкана ими, пока проходила лечение.

Лечение, которое ей не помогло.

Доктор Келли идет обратно к Дозеру со шприцем в руке.

— Отличная перевязка, — обращается он к Мие, затем смотрит на нас обоих.

— Я бы попросил вас обоих подождать снаружи.

— Вы собираетесь воткнуть это в Дозера? — я киваю в сторону иглы в его руке.

— Не переживайте, это всего лишь обезболивающее. Это не причинит ему боли.

Чертов лжец. Иглы причиняют много боли.

Я делаю шаг вперед.

— Мне просто необходимо знать... с ним все будет в порядке? — мой голос внезапно слабеет. Это напоминает мне то, как он звучал тогда в больнице, когда выяснилось, что лечение не помогло моей матери. Ее смерть была неизбежна.

В горле образовался комок, и глаза наполнились влагой. Собака. Я совсем расклеился из-за чертовой собаки.

Я прочищаю горло.

— С ним все будет в порядке, — доктор Келли мягко мне улыбается.

Девушка с ресепшен открывает перед нами дверь. Я обращаю внимание на бейджик с именем на ее груди — Пенни.

— Вы можете подождать в комнате ожидания на ресепшен. Как только я смогу, я дам вам знать о самочувствии Дозера, — говорит Пенни.

Вслед за Мией я выхожу из кабинета. Остановившись, я поворачиваюсь к доктору Келли.

— Не подведите его.

Он кивает мне в ответ.

Пенни закрывает за нами дверь, оставшись с доктором Келли и Дозером в кабинете.

Я продолжаю стоять, уставившись на дверь, в глазах снова собралась влага.

Перестань вести себя как размазня, Мэтьюс.

— Может, присядем? — раздается из-за спины голос Мии.

Глубоко вдохнув, я моргаю глазами, чтобы избавиться от влаги в глазах, и поворачиваюсь.

Первое, на что натывается мой взгляд — это голый живот Мии.

Он плоский, с нежной шелковистой кожей, которая так и напрашивается, чтоб ее облизали. Я поднимаю глаза и, конечно же, не могу не задержать взгляда на ее груди.

Если только она поднимет руки вверх над головой, они однозначно покажутся из-под края футболки.

О, святой Боже! Какого черта со мной происходит?

Она пожертвовала своей футболкой, чтобы помочь Дозеру, а я, как последний кретин, которому сперма ударила в мозг, стою и разглядываю ее формы.

— Я тебе должен футболку, — я показываю на ее оголенный живот, который я только что плотоядно рассматривал.

Она смотрит вниз. Ее щеки стали пунцовыми, и она тут же прикрывает голую кожу руками.

— Не беспокойся о футболке. Она самая дешевая, из Уоллмарта.

Она водит дорогущий Мерседес и носит вещи из Уоллмарта? Эта девушка никак не укладывалась у меня в голове.

— Уверена?

— Уверена.

Слегка кивнув, я поворачиваюсь и иду к ресепшен.

Я знаю, что она идет следом, поэтому, когда я подхожу к ряду стульев, я отхожу в сторону, позволяя ей первой сесть на кресло и затем сажусь рядом с ней.

Видите, я не совсем конченный засранец, я умею быть джентльменом.

Я наклоняюсь вперед, уперев локти в колени. Мои руки до сих пор болят после таскания Дозера. Я нахожусь совсем близко от Мии. От нее пахнет так же как и вчера — ванилью.

Никто не имеет права так вкусно пахнуть. Это затрудняет работу моего мозга. Или он

вообще на хрен перестал работать, если вы понимаете, о чем я.

Я не помню, чтобы я когда-нибудь так сильно хотел какую-нибудь девчонку. Я просто «счастливчик», что не имею права даже дышать в ее сторону.

— Спасибо...за все, что ты сделала для Дозера, — говорю я. Я не смотрю на нее. Если я хочу сохранить ясность мыслей, то тогда это просто отличная идея — избегать с ней взгляда.

— Не за что.

У нее такой мягкий голос, точно такой же, как и ее кожа. Мягкая и горячая, и могу поспорить, что она очень узкая там, внизу...

— Я люблю собак, — продолжает она, — животных вообще. Они намного добрее, чем люди.

В ее голосе внезапно появляется грусть, и я, не в силах больше сдерживать себя, бросаю на нее взгляд.

Уголки ее губ опущены вниз, и я отмечаю про себя, что те ужасные солнечные очки все еще на ней.

— Можешь снять свои очки, знаешь ли. Здесь только мы, и я уже видел то, что ты под ними прячешь.

Все ее тело напряглось.

Между нами повисла долгая пауза, во время которой Мия даже пальцем не пошевелила. Я даже не уверен, что она вообще продолжала дышать. Интересно, я опять сказал что-то не то?

Я не хочу расстраивать ее. Почему? Я сам толком не знаю.

Я обычно никогда не интересуюсь эмоциональной стороной женщин. Но с ней все как-то... по-другому.

Она подносит руку к лицу и убирает очки.

Я вижу, как дрожат ее тонкие пальцы, пока она складывает дужки очков внутрь и кладет их себе на колени, прикрыв рукой.

Затем я замечаю на костяшках ее правой руки загрубевшую, местами ободранную кожу. Я это заметил, потому что эти мозоли выглядят неестественно по сравнению с остальной ее нежной и идеальной кожей.

Может, у нее экзема или что-то в этом роде?

Я поднимаю свой взгляд на ее лицо.

Ее глаза закрыты. Синяк так четко виден.

Во мне снова закипает ярость, такая сильная, что я могу пробить кулаком дыру в стене, и она все равно не уляжется.

Я сжимаю руки в кулаки на коленях.

— Этот ублюдок, который сотворил с тобой такое...?

Она кусает себя за губу и смотрит в сторону.

Пещерный человек внутри меня в этот момент бьет себя в грудь, готовый вытрясти все дерьмо из этого мерзкого ублюдка, который посмел ее обидеть. Ни одна женщина не должна терпеть подобное. Особенно не она. Однозначно не она.

— Я могу накостылять ему, Мия. Скажи всего одно слово — и он покойник.

Я слышу, как она судорожно делает вдох. Огромные голубые глаза встречаются с моими.

Боже, она невероятно красивая. Даже с синяком под глазом.

Ее глаза настолько прекрасны, насколько я и предполагал. Они одного цвета с водами

лагуны.

Закончив школу, я отправился путешествовать с несколькими своими друзьями — это было до того, как заболела мама и мне пришлось вернуться домой. Мы были на Ломбоке, острове в Индонезии, где мы взобрались на гору Ринджани. Там была лагуна, в которой горячая вода никогда не остывает из-за активного вулкана в недрах горы. Та вода была чистейшего синего цвета. Все возможные оттенки смешались вместе, чтобы произвести самый необыкновенный оттенок синего, какой я когда-либо видел.

Глаза Мии были именно такого синего оттенка, что и вода в той лагуне.

Опустив глаза вниз, она принимается рассматривать свои солнечные очки в руках, как будто от этого зависит вся ее жизнь.

Я не думаю, что она собирается мне отвечать, и я не имею понятия, о чем с ней дальше говорить.

— Никто не бил меня, это был всего лишь несчастный случай.

Ее голос звучит очень глухо, и у меня создается такое ощущение, что меня с силой толкнули в грудь.

Я качаю головой.

— Люди обычно не скрывают последствия несчастного случая, как ты скрываешь этот синяк. И уже одно то, что ты пытаешься убедить меня, что это был несчастный случай, только сильнее убеждает меня в том, что это дело рук человека.

Она бросает на меня рассерженный взгляд. В ее глазах горит огонь. Мне это нравится. Это значит, что она сильная.

— Ну а если кто-то и ударил меня, тебе-то какое дело?

Вау, меня это задело. Почему меня это так задело?

Я стискиваю зубы и откидываюсь на спинку сидения.

— Ты права. Это не мое дело.

Ее гнев тут же куда-то испарился. Так быстро, что я даже удивляюсь.

— Боже, прости меня. Я это сказала, как... Мне не.., — она ерзает на месте и пальцами снова начинает тереть свою полную нижнюю губу. — Я совсем не хотела вести себя стерва. Я очень благодарна тебе за твое участие, но причинять... ему боль... нет необходимости.

Я поворачиваю голову и смотрю ей прямо в глаза.

— С того места, где я сижу, мне видится очень большая необходимость свернуть ему шею.

Она снова роняет руки на колени.

— Платя насилием за насилие, не решить проблему.

Этот кусок дерьма ставит ей синяк под глазом, и у нее все равно такие мысли. Она либо гребаный ангел, либо просто дура.

Исходя из того, что мне уже известно о ней, я все же склоняюсь к варианту с ангелом. Буду очень надеяться, что я не ошибаюсь.

— Может быть, и так, — я замечаю, что она смотрит на мои губы и инстинктивно их облизываю, — но, поверь мне, это единственный язык, который этот ублюдок, что сотворил с тобой такое, поймет. И мне станет намного легче, если я буду знать, что он больше и пальцем не посмеет до тебя дотронуться, после того как я преподам ему урок хороших манер.

Серьезно, после того как я хорошенько отделаю его, он в ее сторону даже дышать

больше не будет. У меня так и чешутся руки сломать ему что-нибудь. Так же сильно, как и мое желание оказаться у Мии между ног.

Почему? Я ведь едва знаком с ней. Это потому, что я хочу трахнуть ее намного сильнее, чем я когда-либо кого-либо хотел трахнуть до этого?

Нет, это совсем не так. Так что это, черт побери, тогда такое?

Я смотрю на нее и вижу, что ее глаза наполнились слезами.

Дерьмо. Только не плачь. Я не переносу плачущих девчонок.

— Послушай, — произношу я очень быстро, чтобы не дать ей расплакаться, — я просто сказал, что если ты захочешь, чтоб я преподавал этому подонку урок, я это сделаю. Давай будем смотреть на это как на мою плату за то, что ты помогла мне с Дозером. Если не хочешь, то и не надо, я не настаиваю.

Кусая себя за губу, она кивает. Одинокая слеза срывается с ее длинных ресниц и падает на джинсы.

У меня сдавливает грудь. Что за черт?

Я смотрю в другую сторону, позволив ей побыть немного наедине с собой, пока она руками вытирает свои влажные глаза.

И еще для того чтобы избавиться от этой тупой идиотской боли в груди.

— Мия, пойми, не все мужики такие мудаки.

Какого? Черта?

Не все мужики мудаки. Святой Боже, Метьюс. Да мы все поголовно мудаки. Просто делимся на разные категории.

Я мудак. Такой мудак, который никогда, конечно, не поднимет руку на женщину, и я презираю тех, кто себе такое позволяет. Зато я без каких-либо угрызений совести могу подцепить девчонку, трахнуть ее и тут же позабыть о ее существовании буквально через секунду после того, как вытащу из нее свой член.

Вот, к примеру, как-там-бишь-ее-звали? Ту, с которой я вчера расстался? Воот, я уже даже имени ее не помню. Это показывает, насколько я конченный мудак.

Очень странно... но мне не хочется, чтобы Мия думала, что я подлец. Я хочу нравиться ей.

Скорее всего, я так веду себя из-за стресса. Так и есть. То, как она позаботилась о Дозере, то, как она была нежна с ним. Наверно, это все заставляет меня так к ней относиться.

Это все вытворяет со мной какую-то хрень.

Я осторожно бросаю на нее беглый взгляд, и ее огромные блестящие голубые глаза смотрят на меня в ответ. Длинные изогнутые ресницы обрамляют эти глаза.

Боже, она прекрасна.

Она облизывает губы и поджимает их. Мой взгляд задерживается на ее губах.

Я хочу их поцеловать.

Ее поцеловать.

Везде.

Провести языком по каждому миллиметру ее мягкой шелковистой кожи.

Готов поспорить, что по вкусу она напоминает ваниль. На вкус она такая же, как и запах, исходящий от нее.

Я хочу развести ее ноги в стороны и погрузить свою голову между ее бедер. Облизывать ее, пока она не начнет выкрикивать мое имя. Затем засунуть свой член в нее и трахать, пока

нам обоим не сорвет крышу от наслаждения.

Я еще даже и не целовался с ней, но уже совершенно точно знаю, что секс с Мией Монро будет просто охренительным. У меня чутье на такие вещи.

Да, я знаю, сейчас абсолютно неподходящее время думать о подобных вещах, но люди в стрессовых ситуациях ищут поддержку, ведь так?

Дозер меня поймет. Этот пес такой же озабоченный засранец, как и я. Он отымел почти что всю мебель у нас в доме. Однажды я застал его, делающим подобные непотребные вещи с деревянным столом у нас в саду. Чертов пес так сильно хотел кончить, что даже не побоялся получить себе кучу заноз в самом чувствительном месте. Надо будет найти ему сучку для спаривания.

Черт! Дозер ведь девственник.

Это просто настоящее преступление.

Клянусь Богом и всеми святыми прямо вот тут на этом месте, что, как только Дозер поправится, я сведу его с самой горячей сучкой, какую только смогу найти. Не то чтобы я разбирался в горячих сучках.... Ну, вы меня поняли, у меня такое же обалденное чувство юмора, как и моя внешность. В общем, я думаю, что какая-нибудь милая собачка вроде пуделя или что-нибудь в этом вроде однозначно понравится Дозеру.

— Итак, Джордан, — то, как звучит мое имя в ее устах, невероятно меня заводит, — Дозер не совсем обычное имя для собаки. Почему его так зовут? — ее губы складываются в улыбку, и мой член тут же на нее реагирует.

Она решила сменить тему разговора, и я совсем не против. Я усмехаюсь и отвожу от нее свой взгляд, чтобы не сделать какую-нибудь глупость, как, например, вообразить себя Дозером и начать заниматься сексом с ее ногой.

— Дозер был бездомным щенком. Я обнаружил его на пороге нашего дома, когда он был еще совсем маленьким. Он был очень голоден, поэтому мы занесли его внутрь и накормили. Потом мы развесили по округе объявления, но никто за ним так и не пришел, поэтому мы оставили его себе. За первую неделю жизни с нами он сломал кучу вещей — вазы, тарелки, стаканы, даже окно.

Я снова смеюсь, вспоминая как разозлился мой отец, когда Дозер бросился в окно с разбегу, головой вперед, надеясь поймать птичку, что сидела на веранде. Окно превратилось в кучу осколков.

— Другими словами, Дозер ломал все, к чему прикасался, и мой отец повторял, что этот пес, как бульдозер, рушит все на своем пути, и это имя как-то приклеилось к нему. Потом мы его сократили до имени Дозер. — Я улыбаюсь и смотрю в направлении операционной. — Он всегда казался мне неуязвимым.

— Он обязательно поправится, Джордан. У него всего лишь перелом лапы. Ну, то есть, я имею в виду, что не всего лишь, потому что перелом ноги — это очень болезненно, просто я...

Ее лицо залила краска. Она засмущалась. Так мило.

— Я знаю, что ты имела в виду, — я ей улыбаюсь.

На ее губах появляется крошечная улыбка.

— Кроме перелома ноги, я правда думаю, что тебе не стоит больше ни о чем переживать. — Она пальцами дотрагивается до моей руки. Это очень мимолетное прикосновение, едва уловимое. Но, несмотря на это, моя кровь начинает буквально закипать в жилах.

Она убирает свою руку. На лице написано удивление.

Удивлена, малышка? Ты в своем удивлении не одинока.

Горячая лава, что струится по моим венам вместо крови, устремляется в направлении моего дружка в штанах, и я продолжаю чесать языком, чтоб развеять свое возбуждение.

— Значит, ты хочешь стать врачом, — говорю я, только что вспомнив эту деталь. Как вообще я умудрился об этом забыть?

Черт, она моя ходячая мокрая мечта.

— Я пока что только учусь, — тихо отвечает она.

— Где?

Она бросает на меня беглый взгляд.

— В Гарварде.

Ох, ну ни черта себе, Гарвард. Она не только удивительно красивая, но еще и умная.

В ней все кажется идеальным. Кроме того дебила, что был ее парнем.

— Лига плюща, круто, — киваю я.

В ответ она пожимает плечами и устремляет взгляд в пол, стуча своими кроссовками друг об друга.

Значит, она из Бостона. Интересно. Я не помню упоминания этой информации на вчерашнем бланке регистрации, но, с другой стороны, я ведь был чрезвычайно занят раздеванием ее глазами, чтобы прочесть то, откуда она приехала.

Какого черта она здесь делает, так далеко от дома? Могу предположить, что приехала на каникулы, но женщины так редко проводят свои каникулы в одиночестве, и они всегда путешествуют, заранее все спланировав до мелочей. А она так внезапно появилась у нас в «Голден Оуксе»... сразу видно, что это путешествие не было ею запланировано. И я руку даю на отсечение, что это все имеет какое-то отношение к тому ублюдку, что изуродовал ей лицо.

— Ты, получается, сама из Бостона?

Я вижу, как она замялась. Все ее тело снова напряглось.

— Да. Всю свою жизнь там прожила.

— А что тебя привело в Колорадо?

Она заерзала на стуле, немного отклоняясь в сторону от меня.

— Я пытаюсь, ээээм... — она прочищает горло. — Я приехала сюда, чтобы разыскать свою мать.

Я совсем не ожидал подобного поворота событий.

— Тебя удочерили?

Я уже говорил, что у меня нет тормозов?

Она качает головой.

— Нет, мой отец... Я жила со своим отцом. Моя мать уехала, когда я была еще младенцем.

— Вот черт, — говорю я, — Твой отец ... он не против, что ты одна приехала сюда в поисках своей матери?

И почему это он не надрал зад этому мерзавцу, что подбил ей глаз?

— Мой отец умер.

Чееееерт! Кажется, это и есть ответ на мой вопрос. Но что удивляет меня больше всего, так это равнодушие в ее голосе, когда она сказала, что ее отец умер.

Смерть моей матери была огромным ударом для меня, не описать словами. Я обожал

свою мать. Если бы я потерял отца... Мой мир разлетелся бы на мелкие осколки.

— Я очень тебе соболезную, — это, конечно, дерьмовые слова в подобных обстоятельствах, но что еще я мог сказать.

— Спасибо, — снова ноль эмоций. Странно.

Я разворачиваюсь на своем стуле в ее сторону.

— Значит, твоя мать живет здесь?

Она убирает золотистые пряди волос, что упали ей в глаза.

— Кажется, да. У меня есть ее адрес, но ему уже более двадцати лет, так что я не знаю, живет ли она еще по этому адресу или нет.

Я понимающе киваю головой.

— Как зовут твою маму? Я тут с рождения живу, и если она все еще здесь, то, может быть, я ее знаю. Если нет, то мой отец уж наверняка ее знает, он раньше был полицейским. Он знает тут каждую собаку.

Она закусила свою верхнюю губу. В моей голове тут же появляется картинка, в которой я делаю то же самое с ее губой.

— Анна Монро. Это ее фамилия после замужества. Я не знаю ее девичью фамилию.

Я роюсь в своей памяти, стараясь найти там какую-нибудь Анну. Единственная, кто приходит мне на ум — это Анни Паркер, и она всего на несколько лет старше меня. У нее рот был как пылесос. Приятные воспоминания.

— Извини, — я мотаю головой.

— Все нормально, — говорит она с грустной улыбкой.

— Эй, как насчет того, если я поищу ее адрес на моем телефоне? Может, она все еще живет по этому адресу.

— Давай. Я как-то до этого не додумалась. Спасибо. — Она тянется к своей сумке, вытаскивает оттуда помятый листочек бумаги и передает его мне.

Я вытаскиваю свой мобильный из кармана, ввожу адрес с листочка и имя Анны Монро в поисковик.

Результат заставляет мое сердце сжаться из-за жалости к Мие. Мне даже не хочется ей его озвучивать.

— Ну что там? — Господи, в ее голосе слышится столько надежды.

Я смотрю ей в глаза.

— По адресу, где раньше жила твоя мать, теперь расположен овощной магазин.

— О!

Черт, я почти что физически ощущаю ее разочарование.

Мою грудь снова сжимает. Нет, серьезно, что это за хрень? Я тру свою грудную клетку пальцами.

— Некоторые дома в округе пришлось снести, а потом на том месте построили магазины и прочую муть, — объясняю я. — Мне очень жаль.

— Не стоит, в этом нет твоей вины. — Она забирает у меня обратно листочек бумаги и держит его в своей руке.

Она улыбается натянутой улыбкой.

Она выглядит такой подавленной. Такой грустной. На нее больно смотреть.

— Я могу помочь тебе в поисках твоей матери, если хочешь.

Какой черт меня дернул это сказать! Я вообще в своем уме?

Я не провожу время с девчонками за пределами спальни. Кроме Бет, но это только

потому, что мы с ней из одной команды.

Если я буду тусоваться с Мией, я прекрасно знаю, к чему это приведет. Я не могу допустить, чтобы все зашло слишком далеко.

Да, возможно, я провел последние пять минут, представляя ее на спине и себя, вдалбливающимся в нее, как отбойный молоток, но все же я не конченный кретин.

Я не знаю всей ее истории, но мне понятно, что этой девчонке пришлось хлебнуть немало дерьма с тем подонком, что поставил ей фингал, и сейчас она разыскивает свою мать. Мать, которая бросила ее, когда она была еще совсем крошкой.

Мия, возможно, самая привлекательная девушка, какую я видел... да, она самая привлекательная за всю мою жизнь и самая милая. И я так ее хочу, что мой член пребывает в агонии. В невыносимой агонии.

Но у нее и без меня проблем хватает.

И для меня проводить огромное количество времени со сногсшибательной девчонкой, в которую я не могу воткнуть свой член... это просто невыносимо.

С таким же успехом я могу сидеть в тюрьме.

Или в аду.

Точно, я в аду.

Это расплата за то, что я трахал замужнюю женщину.

Ну да, я до этого врал. Я прекрасно знал, что она была замужем, прежде чем начать подкатывать к ней.

— Правда pomoжешь? — В ее голосе звучало столько надежды. — Я имею в виду, я даже не знаю с чего начать, а ты знаешь жителей этого города. Наверно, ты знаешь, у кого мне следует спросить о ней.

— Конечно, помогу. — Вот дерьмо, давай, продолжай чесать языком, придурок. Давай, усложняй свое и без того безнадежное положение. — Как я говорил ранее, я перед тобой в долгу за то, что ты сделала для Дозера.

— Ты мне ничего не должен, Джордан. Я сама вызвалась помочь тебе.

Она снова назвала меня по имени. Я пропал.

— Я тоже хочу помочь тебе.

Я тоже хочу помочь тебе. Боже, какая же я слабохарактерная задница.

Заявляю официально — у меня съехала моя гребаная крыша.

Она улыбается. Широко, искренне и ослепительно, и меня как-будто с силой пихнули в грудь. И по яйцам.

Моя жизнь с этого момента невероятно усложнилась.

Прости меня, дружок, нам придется нелегко.

Мия

Не могу поверить в то, что только что произошло.

Я только что призналась Джордану, — парню, которого я едва знаю, — что Форбс ударил меня. И я также рассказал ему про свою мать. Мать, которая бросила меня. Мать, ради которой я пересекла семь штатов, чтобы узнать, что она больше не живет по тому адресу.

Какая же я глупая.

Почему я не проверила заранее, до того, как пересечь чуть ли не всю страну в идиотской попытке разыскать ее?

Но что мне еще оставалось делать? Вернуться обратно в свою квартиру и согласиться на отношения втроем, что предлагал мне Форбс?

Ну уж нет.

Джордан, наверно, думает, что я настоящая размазня. И дура.

И он будет прав в обоих случаях.

Думаю, что мне лучше всего просто убраться отсюда. Я вернусь в отель, возьму свои вещи и уеду... Но куда?

Я найду другой отель и затем подумаю, как мне дальше быть.

Я надеюсь, что он никому не разболтает о том, что ему известно, что Форбс меня избил. Хотя зачем ему это? Он не похож на сплетника. Но он также сказал мне, что его отец раньше был полицейским. Что, если...?

Нет, только я сама могу заявить в полицию, и мне не кажется, что местная полиция заинтересуется какой-то девчонкой только лишь из-за того, что у нее фингал под глазом.

Но мне правда пора сматываться. Сейчас же.

Только лишь я подумала о том, чтобы подняться на ноги, придумать отговорку и уходить отсюда к чертовой матери, как он произнес:

— Я могу помочь тебе в поисках твоей матери, если хочешь.

Что? Он хочет помочь мне в поисках моей матери?

Пару минут назад он предложил надрать Форбсу зад, что практически растопило лед в моем сердце и заставило слезы навернуться на глаза. До этого никто и никогда не предлагал мне подобную помощь. А если взять во внимание то, что она исходит от мужчины, то это делает ее еще более поразительной и невероятной.

А теперь еще и это...

Помощь в поисках моей матери.

Его доброта безгранична.

Он собирается пожертвовать своим собственным временем, чтобы помочь мне. Зачем ему это надо?

Может быть, потому что он правда хороший парень, Мия.

Я чувствую, как у меня подступает комок к горлу от его доброты, поэтому я стараюсь говорить, как можно спокойнее.

— Правда, поможешь? — я не могу скрыть надежду, звучащую в моем голосе. — Я имею в виду, я даже не знаю с чего начать, а ты знаешь жителей этого города. Наверно, ты

знаешь у кого мне следует спросить о ней.

А теперь я его еще и умоляю. Просто замечательно.

— Конечно, помогу, — говорит он. — Как я уже говорил, я перед тобой в долгу за то, что ты сделала для Дозера.

Он помогает мне только потому, что я помогла ему. Даже если так, это ведь не плохо, правда? Это совсем не делает его плохим.

— Ты мне ничего не должен, Джордан. Я сама вызвалась помочь тебе.

— А я хочу помочь тебе, — говорит он. Его голос звучит так по-дружески, с такой теплотой, что я не могу сдержать дурацкую улыбку, что расплывается на моем лице.

— Тогда спасибо. Я с радостью принимаю твое предложение.

— Отлично, — он тоже улыбается.

Он такой хороший.

И такой симпатичный.

Меня внезапно посещает непреодолимое желание протянуть руку и прикоснуться к его лицу.

Я сцепляю пальцы рук вместе, удерживая их на коленях.

Мы какое-то время сидим в тишине, а потом Джордан говорит:

— Интересно, как долго они будут возиться с Дозером?

Я смотрю на часы, как будто это поможет.

— Я уверена, что они скоро закончат. Скорей всего, они делают рентгеновский снимок его поврежденной лапы, а так же грудной клетки, чтоб удостовериться, что ни одно ребро не поломано.

Он с улыбкой смотрит на меня.

— Что? — спрашиваю я, начиная волноваться.

— Ничего, — он трясет головой. — Ты просто становишься совсем другой, когда несешь всю эту докторскую дребедень. Ты становишься похожа...

— На доктора? — улыбаюсь я.

— Угу, — смеется он. — На доктора.

— Ну, мне до этого еще далеко... если я вообще когда-нибудь им стану, — говорю я тихо.

— Это еще почему?

Я смотрю мимо него, не зная, что ответить, и недоумевая, зачем я вообще об этом заикнулась.

Вдруг Джордан направляет свой взгляд куда-то поверх моей головы, затем обратно на меня, а затем на мои солнечные очки в руках. Я слышу шаги позади себя, поэтому быстро напяливаю очки и беззвучно, одними губами, благодарю Джордана.

Он слегка кивает головой и тут же вскакивает на ноги. Я за ним.

— Ну как он? — спрашивает Джордан у доктора Келли.

— С ним все в полном порядке. Он все еще под действием анестетиков, но совсем скоро должен проснуться. У него сломана лапа, как ты и сказала, — он направляет свой взгляд на меня, а затем опять на Джордана. — Проблема в том, что кость поломана сразу в двух местах, поэтому мне пришлось вставить ему спицы, чтоб перелом заживал правильно.

— Но он ведь поправится? — спрашивает Джордан, не скрывая своего беспокойства. У меня сжимается сердце.

Доктор Келли улыбается.

— Конечно, поправится. Я наложил ему гипс, так что ему придется походить пока так, а потом, через шесть недель, мы уберем спицы. Совсем скоро он будет как новенький.

— Когда я смогу забрать его домой?

— Ему необходимо немного времени, чтобы прийти в себя. Я хочу, чтоб он остался здесь еще какое-то время, чтобы присматривать за ним. Ты можешь забрать его после полудня.

— Во сколько?

Доктор Келли взглянул на свои часы.

— Скажем, в полпятого он точно будет готов к выписке.

К нам подходит Пенни.

— Не могли бы Вы пройти со мной, мне нужно записать некоторые ваши данные, — обращается она к Джордану.

— Конечно, — отвечает он.

Я собираюсь было пойти за Джорданом на ресепшен, но доктор Келли останавливает меня.

— Ты отлично справилась с осмотром Дозера. Шина, что ты наложила, почти ювелирная работа. Ты будешь отличным врачом, — он очень искренне мне улыбается. Жаль только, что я так не думаю.

Я не хочу быть врачом. Я не хочу быть тем, кем Оливер хотел, чтоб я стала.

Я опускаю глаза.

— Спасибо.

— Ну, удачи в учебе.

— Спасибо, — снова говорю я и киваю головой.

— Отлично. Мне надо вернуться к работе.

Я смотрю, как он идет обратно в кабинет, затем поворачиваюсь и иду к Джордану. Он как раз заканчивает заполнять какие-то бумаги.

— Готова? — спрашивает он.

— Угу.

Мы идем к его машине.

— Проголодалась? — спрашивает он, как только мы залезаем в машину.

Я кладу руку на свой урчащий живот.

— Немного.

— Неудивительно, ты ведь проспала завтрак.

— Мне очень жаль. Обычно я не сплю так долго, но вчера я была просто разбита. Надеюсь, это не причинило отелю никакого ущерба.

— Да нет, — он трясет головой. — Пойдем перекусим где-нибудь.

Он отъезжает от ветклиники, выезжает на дорогу и вскоре начинает переключать каналы радио.

Я снимаю очки и осматриваю машину. Я никогда не ездила на Мустанге до этого. Это очень хорошая машина. Крутая тачка. Знаю, я вчера сказала, что подобная машина — это членоувеличитель, но после знакомства с Джорданом мне правда кажется, что ему не надо ничего увеличивать. Не то что бы я видела у него что-то, чтобы знать это наверняка, но просто он такой уверенный в себе, и эта машина так ему подходит. Она отражает его уверенность и магнетизм.

— У тебя классная тачка, — говорю я.

Наконец определившись с радиостанцией, он кладет свою руку снова на руль.

— Спасибо. Я ее выиграл.

— Выиграл? Типа в лотерею или вроде того? — поддразниваю его я.

Джордан рассмеялся.

— Нет. В карты. Я выиграл ее в покер.

— Ух ты. Ты, наверно, настоящий шулер, — говорю я.

Отрывая правую руку от руля, он веером выгибает пальцы между мной и им. На губах появляется дьявольская усмешка.

— О, детка, ты даже не представляешь.

Детка? Обалдеть. Он что..?

Он что, заигрывает со мной?

Нет. Не может быть.

Но все равно краска смущения заливает мои щеки.

Притворяясь, что его слова абсолютно меня не тронули, я откашливаюсь.

— Тебе нравится играть в карты?

— Раньше да, — в его голосе послышались грустные нотки. Они моментально возбудили мое любопытство.

Обычно я не такая шумная. Я не задаю другим людям вопросы, потому что не хочу, чтобы они задавали мне вопросы в ответ. Но он уже знает про Форбса, и есть в Джордане что-то такое, что заставляет меня хотеть узнать о нем побольше. У меня такое ощущение, что я могу сидеть и слушать его часами, и мне это не надоест.

— Раньше? — спрашиваю я.

Я вижу, как он барабанит пальцами по рулю.

— Раньше я немного увлекался азартными играми. Мне нравилось играть в карты. Но после того как умерла моя мать это... эх, меня сильно затянуло.

— Твоя мама умерла, — я прижала руку к груди, — Боже, мне так жаль, Джордан.

Он кивнул головой.

— Мы оба потеряли одного из родителей. Думаю, что это у нас с тобой общее.

— Не очень-то приятная общая вещь, — говорю я.

Ну, я же не могу ему сказать, что день, когда умер Оливер, был самым счастливым днем в моей жизни.

Он никогда этого не поймет.

— Да, ты права, — тихо ответил он.

— Из-за чего она умерла? Если ты, конечно, не против со мной поделиться.

Он качает головой, глаза неотрывно смотрят на дорогу.

— Рак легких. Четвертая степень. И это при том, что она за всю свою жизнь даже сигарету не выкурила. Меня не было дома, я путешествовал с несколькими приятелями в юго-восточной Азии, когда позвонил отец и сообщил мне, что она заболела. Я сразу же прилетел домой. Ей сделали операцию... химиотерапию... ничего не помогло.

Его плечи поднялись и опустились при глубоком вздохе.

— После того как она умерла, я, эээ... ну, в общем, моя жизнь покатила под откос.

Он бросил на меня беглый взгляд. Я уловила боль в его глазах, прежде чем он направил их обратно на дорогу.

— Затем в моей голове что-то щелкнуло, и я решил изменить мой прежний стиль жизни. И вот он перед тобой: новый, почти что ответственный, я. — Он обводит свою

фигуру рукой, улыбаясь, но я безошибочно могу сказать, что эта улыбка ненастоящая.

Именно в этот момент я вижу его боль и уязвимость. Он не так потрепан жизнью, как я, но все же есть что-то. Похоже, что он взвалил на себя тяжкий груз чувства вины из-за смерти своей матери.

Я поворачиваюсь на сидении так, чтобы смотреть прямо на него.

— Знаешь, я не была знакома с Джорданом из прошлого, но Джордан настоящий невероятно добрый.

Он смеется, но этот смех скорее напоминает самокритичную усмешку.

— Да, добрый. Я такой.

— Я правда так думаю. Ну, мне так кажется, — я дергаю себя за губу, глубоко вдыхая.

Он снова бросает на меня взгляд, и наши глаза не просто встречаются, между нами появляется какая-то связь.

Мои щеки вспыхивают, во рту пересыхает, а сердце принимается стучать как сумасшедшее.

Во мне возникает неожиданное и очень сильное желание наклониться и поцеловать его.

Оторвав от него взгляд, я отворачиваюсь и начинаю счищать несуществующие ворсинки с моих джинсов. Ни он, ни я не произносим больше ни слова, до тех пор пока он не останавливается напротив кафе.

Я надеваю очки и выхожу из машины.

— Я тут вчера ужинала, — говорю я ему через плечо.

— Я знаю.

Я резко разворачиваюсь, мои мышцы натягиваются от напряжения.

— Откуда ты знаешь? — в моем голосе проскакивают металлические нотки, но я ничего не могу с этим поделать.

Он немного хмурится. Оперевшись рукой о крышу машины, он отвечает:

— Бет, та девушка, что обслуживала тебя вчера вечером, она моя близкая подруга. Она мне вчера позвонила, чтобы предупредить о твоём приезде.

— Ааа, понятно.

Ты вечно все истолковываешь не так, Мия.

Проведя рукой по волосам, я смеюсь, но мой смех звучит глухо.

— Так вот почему она порекомендовала мне твой отель — будучи подругой и все такое.. Конечно, она так поступила. Не то что бы твой отель был ужасным или что-то в этом роде. Нет, даже наоборот. Он просто великолепный. Самый лучший отель, в котором мне когда-либо доводилось останавливаться.

Святой Боже. Заткнись, Мия. Сейчас же.

Находясь рядом с ним, я постоянно хочу наесться, а потом избавиться от всего...

Джордан сдавленно усмехается. Затем обходит машину и направляется в мою сторону с клетчатой рубашкой в руках.

— Мне подумалось, что, возможно, ты захочешь это чем-нибудь прикрыть, — он кивает в сторону моего голого живота.

Боже, поверить не могу, что я совсем забыла, что на мне порванная футболка. Я совсем на себя не похожа в последнее время. Обычно я очень озабочена состоянием своей одежды. Мне приходилось так вести себя из-за отца.

И из-за Форбса.

Я тут же стараюсь прикрыть обнаженный живот руками. Затем одной рукой беру

рубашку из его протянутой руки.

— Спасибо, — говорю я, натягивая на себя рубашку. От нее пахнет по-мужски. Дреvesиной. Она пахнет им. Не думаю, что я захочу когда-нибудь снять эту рубашку с себя.

Подойдя ближе ко мне, он запахивает полы рубашки и начинает застегивать пуговицы.

— Не хочу, чтобы окружающие подумали, будто бы я напал на тебя, — говорит он низким голосом, при этом улыбаясь.

Я ощущаю его близость каждой клеточкой своего существа.

Я не могу пошевелиться. Я просто пялюсь на него, наблюдая, как его глаза двигаются от пуговицы к пуговице, пока он их застегивает, и напоминаю себе, что нужно дышать.

С ловкостью застегнув последнюю пуговицу, он смотрит на меня.

Я стараюсь не замечать, что его дыхание так же участилось, как и мое. Или то, что его руки все еще сжимают ткань рубашки, находясь совсем недалеко от моей груди, хотя все пуговицы уже застегнуты.

Я с трудом сглатываю.

— Спасибо, — шепчу я срывающимся голосом.

Кивнув, он отступает от меня.

— Пойдем, раздобудем тебе чего-нибудь поесть.

Кровь стучит у меня в висках, и я следую за Джорданом в кафе. Он не дожидается, чтобы к нему подошел официант и усадил за свободный столик, он просто проходит мимо пустующей стойки у входа. Я иду следом за ним, все еще не придя в себя после всей этой истории с застегиванием рубашки.

Он делает жест, приглашая меня сесть, и я падаю на кресло. Джордан садится напротив меня.

Я замечаю Бет, что направляется к нам. Ее взгляд перескакивает с меня на Джордана, и ее красивое лицо хмурится.

Похоже, ей не нравится видеть нас тут вместе, и мне становится любопытно, не приходится ли они друг другу более чем друзьями? Мне почему-то не нравится, как мысль об их предположительных близких отношениях заставляет меня себя чувствовать.

Ревность.

Напряжение.

Ревность.

— Эй, ты, — она ерошит его волосы своей рукой.

— Поосторожней с моими волосами, — рассмеявшись, Джордан убирает ее руку.

Она сжимает его за плечо.

— Не переживай, ты все равно выглядишь хорошеньким. — Ее взгляд перемещается на меня, а потом обратно на него.

— Бет, сколько раз тебе повторять, что мужчины не «хорошенькие». Мы привлекательные. Сногшибательные. Чертовски сексуальные. Но только не хорошенькие.

Снова смотря в мою сторону, она закатывает глаза. Я не могу сдержать своего смеха.

Губы Джордана растягиваются в искренней улыбке.

Она вызывает табун мурашек на моей коже. Особенно это чувствуется в южной части моего тела.

— Бет, ты уже знакома с Мией, — он указывает на меня.

— Да, — она улыбается. Ее улыбка кажется искренней, и это немного расслабляет меня.

— Спасибо еще раз за рекомендацию отеля, — говорю я.

Она снова смотрит на Джордана, а он смотрит на меня. Ее глаза снова возвращаются на мое лицо. И я отмечаю про себя, что они светятся любопытством и, возможно, юмором немного.

Это возбуждает любопытство и во мне.

— Не за что, — она снова улыбается.

— Не ожидала увидеть тебя тут сегодня, — говорит она Джордану.

Его лицо становится мрачным.

— Какой-то гребаный придурок сбил Дозера машиной.

— О, нет! — она прикрывает руками рот. Присаживаясь рядом с Джорданом, она заставляет его подвинуться немного. — С ним все в порядке?

Джордан кивает в моем направлении.

— Благодаря Мие, с ним все хорошо.

Я чувствую, как мои щеки начинает заливать краска.

— Я ничего особенного не сделала.

— Да, сделала, — он посылает мне выразительный взгляд, затем снова поворачивается к Бет. — Она осмотрела его и, обнаружив, что у него поломана лапа, не задумываясь, порвала свою футболку, чтобы наложить ему шину. Она учится на врача, — сообщил он Бет.

— Ух ты! — говорит Бет, смотря в мою сторону.

Я нетерпеливо ерзаю на своем месте. Меня напрягает этот разговор и чужое внимание. Я не люблю быть в центре внимания.

— Думаю, теперь понятно, почему ты одета в одну из рубашек Джордана, — добавляет она с широкой улыбкой.

Мое лицо в ту же секунду вспыхивает.

— Ах, да, — я смотрю вниз на рубашку, теребя одну из пуговиц, и стараюсь спрятать свое лицо.

— Ну что, закажем себе чего-нибудь поесть? Мия ничего не ела с прошлого вечера, — говорит Джордан, меняя тему разговора. Мне кажется, он чувствует мое смущение из-за всего этого разговора про рубашку. — Она пропустила завтрак, помогая мне искать Дозера, поэтому я привез ее перекусить, до того как поехать обратно за Дозером.

Бет кивает головой.

— Конечно, — она хлопает его по плечу и поднимается на ноги. — Давайте я принесу вам что-нибудь поесть. Кажется, вы оба страшно проголодались. Джордан, тебе как обычно?

— Ага.

— Мия, а тебе что принести? — она смотрит на меня.

Я беру меню со стола и быстро пробегаюсь по нему глазами.

— Мне сэндвич с салатом из цыпленка и диетическую колу, пожалуйста.

Она улыбается.

— Отлично. Я мигом.

Я смотрю, как она удаляется по направлению кухни.

Джордан снова садится на то место, где сидел — напротив меня.

Он складывает руки на столе, наклоняет голову набок и пристально смотрит на меня. Только в этот момент я осознаю, что снова дергаю себя за губу. Я опускаю руки на колени.

— Ты всегда так делаешь, когда нервничаешь, — это звучит как утверждение.

Я киваю.

— Ты нервничаешь сейчас. Почему?

Я поднимаю плечи, и гляжу куда угодно, но только не на него.

— Я не уверена.

Он поддался вперед, сцепив пальцы рук.

— Тебе нет необходимости нервничать в моем присутствии, Мия.

Я встречаюсь с его глазами, которые излучают теплоту.

— Я знаю, — я снова киваю головой.

— Хорошо, — он улыбается и, расслабившись, откидывается назад.

— Я раздумывал над тем, как найти твою маму, — он берет пакетик с сахаром со стола и начинает вертеть его в руках, — я подумал, что нам лучше всего начать с элементарного — Гугл, Белые страницы, общественные акты регистрации и все в таком роде.

— Звучит как отличный план.

Без сомнения. Для меня любой план будет звучать отлично, потому что я просто ума не приложу, как и где искать свою мать.

Положив пакетик с сахаром обратно на стол, он вытаскивает свой сотовый из кармана.

— Окей, мы можем начать прямо сейчас.

— Сейчас? — мой взгляд скрещивается с его.

— По-моему, данный момент — самое подходящее время... конечно, если ты не думала повременить с этим немного?

— Нет. Давай начнем сейчас, — я выдавливаю из себя улыбку, прекрасно зная, как неестественно звучит мой голос.

— Уверена?

— Уверена. — Я уверена, что мой голос прозвучал намного жестче, чем мне хотелось бы. Просто мне страшно. Я очень хочу найти мою маму, но страх перед неизвестностью внезапно притупляет мое желание.

Джордан глядит на меня с жалостью на лице.

Я гляжу на него в ответ, пока не сдаюсь и не перевожу взгляд в другую сторону. Я ненавижу жалость.

Отвернувшись, я смотрю в окно.

— Ну ладно, — выдыхает он, — я начну с актов гражданской регистрации.

— Хорошо, — мямлю я. Я не знаю, куда деть свои руки, поэтому я пристраиваю их на своем животе, который внутри скрутился в жгуты.

— Напомни-ка еще раз как звали твою маму?

— Анна Монро.

Он что-то печатает на своем телефоне. Мной овладевает страх и паника.

Не думаю, что я готова к этому. У меня так и чешутся ноги вскочить и убежать отсюда.

Мне надо уйти. Мне надо много-много еды. Мне надо побыть одной.

Джордан с шумом выдыхает воздух, тем самым привлекая мое внимание. Его брови сошлись на переносице в задумчивости. Он выглядит так мило. И вдруг мне становится интересно, что же он обнаружил.

— Я проверил имя твоей матери по Колорадо и также по Нью-Мексико, так как этот штат совсем недалеко от нас, и поисковик выдал мне целых десять Анн Монро. Ни одной в Дюранго. Но в соседних городах живет три Анны Монро. Одна в Монтросе. Другая в Ганингтоне и третья в Фармингтоне, штат Нью-Мексико, что отсюда всего в часе езды. Так что, я думаю, нам лучше всего начать именно с этих трех дам.

Он кладет свой телефон на стол, запускает руку в свои волосы и встречается со мной

взглядом, который сосредоточен на его лице.

Бесконечная теплота в его глазах цвета клинового сиропа заставляет мое сердце звучать так, как будто бьют в барабаны.

— Мы можем скачать всю доступную информацию о них, адреса и все такое. Я займусь этим, как только мы вернемся обратно в отель.

Мне нравится то, как он заботится о тех вещах, о которых я бы даже и не подумала. Мне бы никогда в голову не пришло проверить также Нью -Мексико. Несмотря на мой страх, я очень рада, что он помогает мне. Думаю, что мне удастся разыскать ее намного быстрее с его помощью.

— Спасибо за все, что ты для меня делаешь.

— Перестань постоянно благодарить меня, я серьезно. Я занимаюсь только тем, чем хочу. И я хочу помочь тебе, хорошо?

Никто и никогда не говорил со мной и не относился ко мне так, как он. Как будто я ему небезразлична. Как будто ему есть до меня дело.

Это наполняет мое сердце теплотой и заставляет его трепетать как никогда до этого.

Я знаю Джордана всего ничего, но это не имеет никакого значения, пока мы сидим тут с ним вместе.

Это меня будоражит. Будоражит в положительном смысле слова.

Мне нравится это. Мне нравится Джордан.

— Хорошо, — отвечаю я.

Джордан

Я сказал Мие, что я теперь новый человек, не такой, как раньше. Что я теперь ответственный. Ну да, конечно. Я больше не играю в азартные игры, но....

Если бы она только знала, почему я перестал увлекаться игрой в карты, она была бы самого низкого обо мне мнения.

Я очень стараюсь быть ответственным, стараюсь не влезать в неприятности, но они, похоже, просто преследуют меня, куда бы я ни пошел. Или, может быть, я притягиваю неприятности, как магнит.

«Может быть» надо выкинуть. Я совершенно определенно их притягиваю.

Даже после всего, что случилось, я все равно доставляю своему отцу хренову тучу неприятностей.

Я спутался с замужней женщиной, думая исключительно своим членом, и на пороге нашего отеля не замедлил появиться разгневанный муж.

Я испытал непередаваемое облегчение оттого, что отца в этот момент как раз не было. Хотя он узнал обо всем этом позже, но я был очень рад, что ему не пришлось стать свидетелем той неприятной сцены. Я не хочу, чтоб он снова разгребал дерьмо из-за меня. Он и так уже слишком много потерял по моей вине.

Он, конечно, в этом никогда не признается. Он никогда в жизни меня не упрекнет за то, что случилось. Отец никогда никак не показывал мне, что он очень разочарован во мне, но я знаю, что это так и есть.

К счастью, разборки с обманутым мужем не дошли до драки, и все благодаря Бет и ее таланту успокаивать разгневанных мужиков.

Но мне нужно прекратить впутываться в истории, подобные этой.

Проблема в том, что я не знаю, как быть хорошим. С азартными играми покончено, но их место заняли женщины. Мне необходимо, чтобы мои мозги были постоянно заняты, чтобы не возникало острого желания снова сесть за карточный стол, что случается довольно часто.

Это охренительно помогает. Поэтому я очень часто занимаюсь сексом.

Мне просто надо быть очень осторожным в выборе своих секс-партнерш, потому что я не хочу, чтобы то, что я творю, каким-либо образом отразилось на моем отце.

Так что замужние не значатся в моем меню. Точно так же, как и гости отеля, — следовательно, Мия Монро под запретом.

Список причин, почему я должен держаться от нее подальше, продолжает расти.

Она — гость нашего отеля. У нее больше багажа за плечами, чем во всем аэропорту имени Джона Ф. Кеннеди. Но самая главная причина — это то, что она слишком хороша для такого конченного кретина, как я.

Ничего хорошего не выйдет из наших с Мией разгоряченных спаренных тел. Ну вообще-то хорошо, конечно, будет, но после оргазма реальность быстро вернет меня с небес на землю.

Она заслуживает намного большего чем то, что я могу ей предложить.

И я хорошо справляюсь, мне кажется. Я вот уже некоторое время тусуюсь с ней. Ладно,

я знаю, что вы думаете, что я пробыл в ее компании всего-то неполный день. Но, поверьте мне, для меня это настоящий рекорд, что за все это время я ни разу даже не пытался заигрывать с ней.

Единственный раз я оступился с ней в машине, когда позволил себе небольшой невинный флирт. Это ничто по сравнению с тем, как я обычно подкатываю к девушкам.

Я просто не смог перебороть себя. И то выражение на ее лице... она была такой обалденно хорошенькой. Ее щеки порозовели, и она выглядела удивленной и смущенной. Такое ощущение, что до этого с ней никто и никогда не флиртовал, но если судить по ее внешности, то в это верится с трудом.

Мы вернулись в отель, и я готовлю для нас кофе на кухне. После того как мы пообедали в кафе, у меня оставался еще целый час перед тем, как поехать и забрать Дозера, поэтому я привез Мию обратно и скачал всю найденную мной информацию. Я все это распечатал, пока Мия ходила переодеть свою разодранную футболку. Перед этим она вернула мне мою рубашку. Мне совсем не стыдно признаться в том, что я понюхал ее, как только Мия вышла из комнаты.

От рубашки так приятно пахло. Возбуждающе.

Нет, серьезно, если бы Мия Монро была ароматом, заключенным в бутылку, я бы разбрызгал его по своей подушке. И по всей своей одежде. Дьявол, я бы и себя всего им обрызгал бы.

Когда она вернулась после переодевания, распространяя ванильный аромат вокруг себя, она была свежей после душа — ее волосы были до сих пор немного влажными. На ней был бледно-розовый топ и джинсы, обтягивающие попку. Мой член чуть не выпрыгнул из штанов при виде нее. Она выглядела умопомрачительно.

Мне потребовалось несколько минут, чтоб заставить свои мозги снова работать, перед тем как мы уселись и принялись изучать добытую информацию.

Она выглядела притихшей, пока я объяснял ей все то, что мне удалось раздобыть. Я затем оставил ее на веранде, полагая, что, может быть, ей требуется какое-то время, чтобы побыть одной и все обдумать.

Вот поэтому-то я и торчу на кухне, готовя для нас кофе.

Я догадываюсь, что она рассматривает распечатанные мной бумаги. Я даже представить себе не могу, как должен чувствовать себя человек, которого бросила собственная мать.

Меня никто и никогда не бросал, но зато мне пришлось пережить смерть своей матери.

Моя настоящая, биологическая мать, Абби, умерла при моем рождении. У нее были проблемы с сердцем, которые врачам не удалось вовремя установить, и поэтому она умерла при родах.

Они с папой не были женаты. Они были очень молоды, влюблены, не думали о противозачаточных средствах, и поэтому через девять месяцев случилось то, что случилось — привет, Джордан.

После того как умерла Абби, отец растил меня в одиночку, при поддержке моего деда. Когда мне исполнилось два года, Бель — моя приемная мать, к которой я относился как к родной матери, потому что у меня никогда не было другой матери, — вернулась в город, и они с отцом снова начали встречаться. Они были парочкой еще с самой школы. Маме пришлось уехать сразу после школы, чтобы поступить в университет, а отец остался здесь и поступил в полицейскую академию. Перед тем как она уехала, они расстались. После этого папа встретил Абби, и на свет появился я.

Моя мама умерла четыре года назад, и отец с тех пор не взглянул ни на одну другую женщину.

У отца была очень непростая жизнь. Он потерял двух женщин, которых любил. Я думаю, смерть их обеих убила в нем всякую веру в любовь. И я его прекрасно понимаю.

Именно поэтому я предпочитаю не ввязываться в отношения. Я обращаю внимание на противоположный пол, только когда мне необходима сексуальная разрядка.

Вдруг зазвонил телефон.

— «Голден Оукс».

— Привет, сынок, как у тебя дела?

— Привет. У меня все отлично. Как там дед? Он еще не свел тебя с ума?

Он смеется.

— Потихоньку сводит, ты же знаешь своего деда. Как дела в отеле?

— Замечательно. У нас новая постоялица. Она пробудет тут целых две недели.

— Она? — тишина. — В отеле остановилась женщина?

— Да, пап, — я вздыхаю.

— Она одна?

— Угу.

— Сколько ей лет?

— Не знаю. Примерно моего возраста. Может, на пару лет младше.

— У нее есть парень?

— Черт возьми, пап! — я снова вздыхаю. — Я не в курсе ее личных дел, — ложь. — Потому что мне это не нужно. Я не собираюсь соблазнять ее, окей? Она не в моем вкусе.

Последняя фраза — небольшая ложь. Мия не в моем обычном вкусе. Она нравится мне гораздо больше, чем девушки, которые в моем вкусе.

— По-моему, нет такой девушки, которая была бы не в твоем вкусе, Джордан.

— Нет, есть, — я говорю с усмешкой. — Я никогда бы не лег в постель со страшной девушкой. Черт, ты можешь поверить мне хотя бы раз в жизни?

— Боже, Джордан. Неужели тебе так необходимо чертыхаться в таком количестве?

— Да, мне это жизненно необходимо.

И как только родителям удастся в считанные секунды превратить тебя из взрослого молодого человека в гребаного подростка?

— Итак, значит она страшная? — спрашивает он, не желая заканчивать этот разговор.

— Кто? — я включаю «дурочка».

Он громко вздыхает в трубку.

— Эта девушка, с которой у тебя совершенно нет намерения оказаться в одной постели.

— Ну... нет, она не совсем подходит под мое понимание «страшной».

Отец расхохотался. Очень громко.

Меня этот разговор реально напрягает.

— Послушай, па, я знаю, что ты думаешь, что я безответственный и безалаберный, и я также знаю, что у тебя есть все основания так полагать, но поверь мне, я смогу держать свои руки при себе и не распускать их. Я даже не приближаюсь к этой девчонке. Она гость в нашем отеле. И точка.

— Эээй, успокойся, сынок. Во-первых, я не думаю, что ты безответственный и безалаберный. Ты меня понял? Просто я за тебя переживаю. Я как отец имею на это право. Я просто хочу, чтобы ты был счастлив, но у меня складывается такое ощущение, что ты ищешь

счастье в неправильных местах. Особенно в последнее время.

Наш разговор принимает слишком серьезный оборот, и мне это не нравится. Я не люблю, когда мне лезут в душу. Особенно когда это делает мой отец.

Я опираюсь рукой о стену и прислоняюсь к ней лбом.

Я выдыхаю.

— Я в порядке, па. И счастлив. Слушай, мне надо идти. Передавай привет деду от меня ладно?

— Передам, — в его голосе звучит смирение, и я этому рад. Я хочу закончить этот разговор как можно скорее. — Береги себя, сынок. До скорого.

Я вешаю трубку и тут же осознаю, что забыл рассказать ему о том, что случилось с Дозером. Ну и ладно. Я не в том настроении, чтобы звонить ему прямо сейчас. Позже я все ему расскажу.

Я выхожу наружу с нашим кофе. Мия сидит за столом. Она сняла свои солнечные очки и откинулась на спинку кресла. Ее голова откинута назад, а глаза уставились в небо.

Я неотрывно наблюдаю за ней немного дольше, чем положено.

Внезапно она поднимает голову, и я пойман с поличным — разглядывающим ее.

Делая вид, как будто нет ничего странного в том, что я разглядывал ее, я улыбаюсь, направляюсь к ней, и ставлю ее кофе перед ней на стол.

— Спасибо, — она улыбается мне, глядя снизу-вверх, и меня снова посещает такое чувство, как будто меня с силой толкнули в грудь.

Эта хрень серьезно начинает сводить меня с ума. Не ее улыбки... нет, они прекрасны. Я говорю о своей реакции на ее улыбки, она выводит меня из себя. Моя реакция на нее.

Я сажусь напротив Мии. Устроившись поудобнее, я отпиваю свой кофе и ставлю чашку обратно на стол.

— Есть идеи, с чего бы ты хотела начать? — я киваю в сторону бумаг, что лежат перед ней на столе.

Мия делает глоток кофе, ее глаза неотрывно смотрят в мои из-за края кружки.

— Я подумываю начать с Анны Монро, что живет в Фармингтоне. Это самый большой город из нашего списка, так ведь? Просто я подумала, что если бы я была на ее месте и собралась куда-то переезжать, то я бы поехала именно туда. Переехала бы в другой штат, чтобы меня было сложнее найти.

Уголки ее губ поползли вниз. Я почувствовал укол боли от... сам не знаю, чего. Все, что я знаю — это то, что мне не нравится видеть ее грустной.

— Будь немного позитивней, Мия. Начинай с того, что есть, и двигайся дальше.

Она поднимает на меня взгляд.

— Ты прав. Я завтра туда съезжу...

— Мы, — поправляю я ее.

Правда, я не горю желанием тащиться в Фармингтон. Я старался держаться подальше от этого города как от чумы из-за той истории, в которой отцу пришлось принять участие. Но я не могу допустить, чтобы она отправилась туда одна. Вероятность, что я встречу кого-нибудь посреди бела дня, кого не желаю видеть, практически равна нулю.

Мои бывшие приятели выползают из своих нор только к вечеру, чтобы засесть за игровой стол.

Мия ставит свою кружку на стол.

— Тебе не нужно ехать со мной. Ты и так уже много для меня сделал, и ты не можешь

вот так просто оставить отель без присмотра.

Откидываясь назад, я скрещиваю ноги, поместив лодыжку на колено другой ноги.

— Если ты еще не заметила, то отель не очень-то заполнен. Ты — моя единственная гостья, так что давай назовем это спецпредложением «все включено», — я широко улыбаюсь, чтобы она не подумала, что в моих словах есть какой-то подтекст.

Она смеется.

Добрый знак.

Она выгибает одну бровь и принимается дергать себя за чертову губу.

— Итак... что именно это спецпредложение «все включено» подразумевает?

Хмммм. Она со мной флиртует. Интересно.

Очень. Нафиг. Интересно.

— Ничего конкретного. Это нечто вроде «попробуй и узнай».

— Понятно, — она так и не отвела свои глаза в сторону.

Мне очень нравится оборот, который принимает наш разговор. Мне следует остановиться, но я не в состоянии. Мия флиртует со мной, и я не собираюсь отступать, пока не узнаю, что это все значит.

Мое дыхание учащается, поэтому я делаю глоток кофе, чтобы скрыть это, но все же не отрываю от нее своего взгляда.

— Но что однозначно входит в это спецпредложение — это то, что я еду завтра с тобой. Я правда думаю, что это для тебя небезопасно — шататься там одной.

Она немного нахмурилась, и в ее глазах загорелся огонь. Это так сексуально, но я догадываюсь, что разозлил ее. Все шло так замечательно, но мне надо было открыть свой поганый рот и все испортить.

Она скрестила руки, и от этого ее грудь немного приподнялась; великолепная грудь, на которую я очень стараюсь не смотреть.

— Джордан, я одна проехала семь штатов, чтобы доехать сюда. Я могу самостоятельно справиться с поездкой в соседний город. — Она выглядит такой гневной, ее губы плотно сжаты. Я не могу сдержать смешок.

Она чертовски очаровательна. Меня так и подмывает послать всю свою осторожность к черту, взять ее лицо в свои руки и поцеловать ее в ее соблазнительные губы.

— Я в курсе, — говорю я, стараясь скрыть свою ухмылку. — Ты сама можешь позаботиться о себе. Но просто прими от меня совет. Как ты уже знаешь, мой отец — бывший полицейский, я прекрасно знаю, чем может закончиться поездка на большие расстояния для женщины в одиночестве. Черт, одна мысль, что ты это уже сделала, заставляет меня почувствовать, что я вот-вот покроюсь отвратительной сыпью. И это будет не смешно. Ты же не хочешь быть виноватой в том, чтобы я выглядел полным уродом, ведь так? Таким уродом, что в самый раз ходить и пугать маленьких непослушных ребятишек, — я корчу рожу, и она смеется.

Я, конечно же, все это выдумываю, потому что не хочу подавлять ту ее уверенность в себе и независимость, которые она так отчаянно пытается показать мне — уверенность, которой тот ублюдок лишил ее в тот самый момент, когда тронул ее своими погаными руками.

Но я также не могу отпустить ее туда одну.

Она смотрит вниз на стол и задумчиво водит кончиком пальца по краю стола. Я уже знаком с этим выражением ее лица, которое она принимает, когда что-то обдумывает, и у

нее в данный момент именно такое выражение.

Она поднимает голову и смотрит прямо на меня.

— Я не хочу, чтобы из-за меня изуродовалось такое симпатичное лицо, как твое, поэтому... ладно, ты можешь поехать со мной.

— Ты считаешь мое лицо симпатичным? — я наклоняю голову набок, хитро улыбаясь.

Конечно, из всего ее предложения я уловил только это словосочетание. И я, конечно же, жажду услышать ее ответ. Мия — единственная девушка, которая заставляет меня теряться в догадках: нравлюсь ли я ей или нет.

Она такая сдержанная, что я почти никогда не могу догадаться, о чем она думает.

И это просто выносит мне мозг, мягко говоря.

Ее лицо заливают краска смущения так, как я и предполагал. Я никогда еще не встречал такую стеснительную девушку, как она.

Я никогда не встречал такую девушку, как она. Точка. Она совершенно другая. Она понятия не имеет, насколько она замечательная на самом деле, и мне так хочется, чтобы она об этом узнала. Только не знаю, как сообщить ей об этом.

— Хмм... эээ... ну, — она проводит рукой по волосам и не спускает глаз со своей чашки кофе. — У тебя красивые черты лица, ну, в смысле, правильные.

— Я буду рассматривать твои слова как комплимент, — улыбаюсь я. На самом деле мне ужасно хочется вскочить и пуститься в пляс от радости. — У тебя тоже симпатичное лицо, Мия. Очень симпатичное.

Я слышу, как она с шумом делает вдох, и также замечаю, как ее шея и грудь залились краской. Я ей небезразличен.

Чтоб меня черти драли!

— Спасибо, — тихо произносит она, пытаюсь сдержать улыбку.

— У тебя серьезные проблемы.

— Что? — она поднимает на меня взгляд, который тут же из мягкого превращается в очень жесткий.

Я пытаюсь не хмурить брови, так как догадываюсь, почему она реагирует подобным образом — как будто ожидает от меня какого-то подвоха, когда я собираюсь что-то сказать или сделать. Но это совсем не значит, что мне нравится подобная реакция. Тот кретин, ее бывший, сломил ее, лишил уверенности в себе... черт, да мне даже половины ее истории не известно. Я искренне надеюсь, что фингал под глазом — это самое страшное, что ей пришлось пережить.

— Твои бесконечные «спасибо». Ты постоянно меня за все благодаришь, — отвечаю я.

— Ах... Правила приличия... мне их надежно вбили в голову, — беззаботность ее голоса никак не сочетается с ее наполненными грустью глазами.

Если бы я так пристально за ней не наблюдал, я бы и не заметил, как вдруг потух ее взгляд, но я наблюдал, и эта маленькая деталь заставила все мои внутренности съежиться от непонятного плохого предчувствия.

Было что-то еще, помимо фингала под глазом, поставленным ей ее ублюдком-бывшим. И от этого я начинаю закипать.

Я хочу знать остальную часть истории... мне просто необходимо это знать, чтобы помочь ей. Но я не могу прямо спросить ее об этом, не хочу, чтобы она опять расстроилась, как до этого. Следовательно, мне придется подождать, пока она сама не захочет мне все рассказать.

Если это вообще когда-нибудь случится.

— Тебе незачем помнить о правилах приличия в моем присутствии, — я стараюсь говорить ровно и спокойно, чтобы опять вернуть улыбку на ее лицо. — И если ты еще не заметила, то я жутко неприличный.

На ее губах появляется крошечная улыбка.

— Ну не знаю, мне показалось, что ты ведешь себя очень вежливо со мной.

Мои брови ползут вверх.

— Я чертыхаюсь. Постоянно.

Она смеется. Ее смех расслабляет меня.

— Да, правда, ты очень много ругаешься, но мне кажется, твою речь это нисколько не портит.

— Не портит мою речь? Не ожидал. Тебе следует сказать об этом моему отцу, потому что он думает иначе. Кстати, применять нецензурные слова и выражения в разговоре с гостями отеля строго запрещено, — говорю я, притворяясь, что просто в ужасе, при этом пожимая плечами.

Я не знаю, что именно ее рассмешило, но она откинула голову назад и принялась хохотать. Настоящим, искренним смехом, который походил на звон серебряных колокольчиков. Я не смог сдержаться и тоже засмеялся.

Хватаясь одной рукой за живот, она пытается успокоиться и восстановить свое дыхание, изящным движением головы откидывая свою челку с лица.

Ее синие глаза сияют.

Она словно поэзия. Словно небо в летний жаркий день. Словно туз в моей руке, который принесет мне выигрыш.

Ну, короче, вы меня поняли. Она прекрасна.

— Ты такой смешной, — она все еще улыбается, — ты заставляешь меня смеяться.

Так, стоп. Надо прояснить один момент. Я не против быть клоуном в классе, но только не дурачком-посмешищем всей деревни.

— Смешной из-за моего чувства юмора или смешной, потому что «с приветом»?

Она наклоняется вперед, ставит локти на стол и опирается подбородком на руки. Ее губы плотно сжаты, и я чувствую, как она окидывает меня оценивающим взглядом. Не могу припомнить, чтобы какая-либо девушка оглядывала меня подобным образом. Или чтоб кто-нибудь когда-нибудь заставлял меня так нервничать, ожидая ответа на мой вопрос. Я просто в шоке, если честно.

— Смешной из-за твоего чувства юмора, — говорит она наконец.

Уф, слава всем святым.

— Ты остроумный, прямой и не пытаешься притворяться кем-то еще.

— Итак, если я правильно понял, ты хочешь сказать, что я обычный, — поддразниваю я ее.

Она прикусывает свою губу и кидает на меня быстрый взгляд. Это меня невероятно заводит.

— Ты все что угодно, но только не обычный.

— Буду считать это еще одним комплиментом.

— Это и так был комплимент. — Я заметил, как изменился ее голос. И то, что она стала учащенно дышать. И что ее замечательные округлые груди, что виднеются в вырезе футболки, снова покрылись краской смущения.

Воздух между нами как будто наэлектризовался. Мне требуется вся моя выдержка, чтобы не послать все к чертям собачьим и не начать с ней флиртовать.

Черт, как же я хочу пофлиртовать. То, как она смотрит на меня...

Она меня хочет.

Поверьте мне, уж в чем я отлично разбираюсь, так это в том, хочет ли меня девушка или нет. И Мия меня хочет.

Я снова гляжу ей в глаза и вспоминаю о ее синяке под глазом.

Гори оно все огнем.

Она такая хрупкая.

Ей через многое пришлось пройти, и я не тот парень, которого она заслуживает.

Отодвинув стул, я поднимаюсь на ноги. Мия смотрит на меня. Готов поклясться, что я заметил мимолетную вспышку разочарования в ее глазах. Меня это радует и огорчает одновременно.

У меня не все в порядке с головой, ведь так?

— Мне пора за Дозером, — я смотрю на свои часы.

— Не против, если я поеду с тобой? Мне бы очень хотелось провести его, — спрашивает она своим милым голоском.

Я собираюсь сказать «против», потому что мне необходимо время, чтобы освободить свои мозги от мыслей о ней... о том, чем мне хотелось бы с ней заняться.

Я даже раскрыл было рот, чтобы отказать ей, но в итоге, конечно же, сказал «не против».

Хватило всего одного взгляда в ее синие бездонные глаза, чтобы заткнуть мой здравый смысл.

Затем она улыбнулась, и я окончательно растаял.

И я даже не могу винить во всем этом свой неутомонный член, так как он все это время не подавал никаких признаков жизни.

Поездка в ветклинику была спокойной. В основном из-за того, что я никак не мог придумать, с чего бы начать с ней разговор. На меня это совсем не похоже. У меня всегда есть что сказать или с чего начать разговор с девушками, но в данный момент я копошусь в своей собственной голове в попытке понять, что же на самом деле со мной происходит.

Почему Мия так необычно на меня действует?

Может, потому что неизвестность и запретность подогревают мой интерес.

И я вовсе не секс имею сейчас в виду, — даа уж, докатился. Знаю, это из разряда фантастики. Видите, какое пагубное влияние она на меня оказывает. Я вдруг осознаю, что мне вообще-то нравится болтать с ней. Она умная. И забавная. Я ей нравлюсь, и мне бы хотелось проводить с ней как можно больше времени.

Такое. Со мной. Впервые.

И мне это все не нравится.

Эта девчонка в конце концов просто сведет меня с ума, я спинным мозгом это чую.

Может, мне просто совратить ее, позаниматься с ней пару раз сексом и покончить со всем этим дерьмом, наплевав на гребаные последствия?

Она очень сильно меня возбуждает, с самой первой минуты как я ее увидел. Может быть, если бы я...

— Мне кажется, ты только что проехал нужный нам поворот.

— Что? — голос Мии возвращает меня с небес на землю.

— Ты проехал поворот, — она показывает пальцем куда-то назад.

Я кидаю быстрый взгляд назад и вижу, что я действительно проехал нужный поворот, — так был занят мыслями о ней.

— Вот дерьмо, — бубню я себе под нос.

Удостоверившись, что на дороге нет других машин, я резко разворачиваю свой мустанг и еду обратно. Я сворачиваю в нужном месте и останавливаюсь перед ветклиникой.

Войдя в здание, я звоню в звоночек на стойке ресепшен, так как в холле никого не было. Тут же в холл входит Пенни.

— Привет еще раз, — она лучезарно улыбается. — Дозер ждет не дождется, когда отправится обратно домой. Присаживайтесь, пожалуйста, я сейчас его приведу.

Я присаживаюсь на скамейку рядом с Мией, и меня поглощает необъяснимое чувство тревоги. Я сам не знаю, что именно заставляет меня чувствовать себя таким взвинченным. Может быть, это от моего сексуального перенапряжения?

— С тобой все в порядке? — спрашивает Мия.

Я прослеживаю за ее взглядом, который направлен на мою отбивающую ритм ступню.

— Да, все нормально.

— Ты переживаешь из-за Дозера? — она мягко мне улыбается и кладет свою ладонь мне на руку.

От ее прикосновения по моему телу пробегает электрический разряд. Мой мозг плавится, и я теряю способность ясно мыслить из-за жара ее ладони, что обжигает мою кожу.

Нет, ну правда, что за хрень со мной происходит?

— Из-за кого?

Она приходит в замешательство.

Я открываю свой рот, чтобы ответить, и тут же закрываю, потому что из коридора появляется Пенни с Дозером.

— А вот и он.

Дозер, прихрамывая на одну лапу, бредет ко мне. Его передняя лапа загипсована, и он выглядит недовольным. На шее у него огромный пластиковый конус.

Мне приходится прикусить губу, чтобы не рассмеяться. Несчастный засранец. Ему крепко досталось.

— Привет, дружище, — я иду ему навстречу и сажусь перед ним на корточки. — Ну, как у тебя дела?

Он ворчит и трется своим пластиковым конусом о мое плечо.

— Как долго он должен носить эту штуковину на шее? — я поднимаюсь и беру поводок из рук Пенни.

— Это будет зависеть только от него. Доктор Келли надел ему конус, потому что Дозер повадился жевать свой гипс.

— Понял, Дозер? Перестань жевать свою загипсованную ногу и тогда сможешь избавиться от этого конуса.

Он кидает на меня недоверчивый взгляд, затем вырывает поводок из моей руки и ковыляет к Мие.

Я наблюдаю за ними. Она приветствует его, совсем не показывая страха. Дозер очень крупный пес, и люди обычно относятся к нему с опаской, но только не Мия. Даже когда он

роняет свою огромную голову ей на колени, осторожно ее обнюхивая и обслонявливая джинсы, она не выказывает своего страха перед ним. Она ни секунды не колеблется, просто уделяет ему внимание, которого он так жаждет.

Дозер никогда не ведет себя так дружелюбно с незнакомыми людьми. Обычно он на них рычит. Он всегда был таким, и, возможно, именно поэтому его выкинули, и таким вот образом он оказался на пороге нашего дома.

Но Мия ведь позаботилась о нем, после того как он попал под машину, она отнеслась к нему с нежностью и добротой — добротой, которой у многих людей попросту нет. Это расположило его к ней, и вообще, Мия не может не вызывать симпатию. Уж кому как не мне об этом знать.

Я наблюдаю, как она чешет его за ухом, воркуя над ним, и он просто тает от блаженства. Везучий засранец. Чего бы только я не отдал за то, чтобы ощутить ее руки на своем теле. Серьезно, я бы даже не возражал против чесания за ухом, только бы ощутить ее прикосновения.

Идея сломать ногу кажется мне все более и более привлекательной.

Внезапно Мия поднимает свой взгляд на меня, как будто она слышала все, о чем я только что думал, и застает меня разглядывающим ее.

Ее синие глаза с любопытством впиваются в мои. Я знаю, что мне следует отвести взгляд, но я этого не делаю.

Я не могу.

На ее лице медленно появляется улыбка. Дневной свет, льющийся из окна позади нее, обрамляет ее, словно ореолом. Она похожа на ангела. Это самое красивое, что я когда-либо видел.

Сильный. Толчок. В. Грудь.

Я чувствую, как мне не хватает воздуха в легких.

— Подпишите эти бланки, пожалуйста, и оплатите счет, — говорит Пенни, отвлекая от Мии мое внимание.

— Конечно, — я тру себя в области солнечного сплетения.

Если так будет продолжаться и дальше, то у меня случится сердечный приступ намного раньше положенного времени.

Кивнув, я следую за ней к стойке ресепшен. Я подаю Пенни свою кредитную карточку, стараясь не загружать голову мыслями о том, как, черт возьми, я потом буду расплачиваться за кредит, чтобы оплатить услуги ветеринара. Я подписываю два бланка, что она подала мне.

Я кидаю взгляд через плечо и замечаю, как Мия пристально смотрит на меня. Она однозначно окидывала меня оценивающим взглядом. Особенно мой зад, если быть точным.

Она тут же отводит глаза, когда понимает, что попалась.

Я не могу скрыть своей идиотской радости по этому поводу. Я улыбаюсь, как стриптизерша на вечеринке-мальчишнике.

Закончив подписывать бумаги и истратив деньги, которых у меня нет, я беру из рук Пенни небольшой пакет с лекарствами для Дозера.

— Вот это — болеутоляющее. Давать по одной таблетке три раза в день во время еды. Приведите его на прием через месяц, чтобы мы могли проверить, как заживает его перелом. Сегодня вечером не давайте ему много есть, так как его организм все еще под действием анестетиков. Ошейник и поводок можете взять с собой. Потом вернете обратно, когда у вас будет время.

— Спасибо. Я привезу ошейник и поводок завтра же.

Я записываюсь с Дозером на прием ровно через четыре недели и кладу карточку с датой и временем приема в свой бумажник. Я запихиваю лекарства Дозера в карман и иду к Мие. Дозер так и продолжает жалобно на нее смотреть.

Даже мой пес без ума от Мии.

Не то чтобы я был без ума от нее.

Даже и речи быть не может.

Это невозможно.

Из области фантастики.

— Готовы? — я тянусь за поводком Дозера.

Повернув свою лохматую голову с пластиковым конусом на шее, он отпихивает мою руку. Затем берет конец поводка своими зубами и подает его Мие.

Спасибо, Дозер. Променил меня на какую-то девчонку. Кажется, он забыл, кто его кормит.

Забирая поводок из его пасти, она гладит его по голове.

Она смотрит вверх на меня, уголки губ дергаются в еле сдерживаемой улыбке.

— Ты не против, если я поведу его к машине?

— А разве у нас есть выбор? — я ухмыляюсь, смотря на Дозера, который виляет хвостом. — Кажется, у тебя появился воздыхатель.

Она захихикала. Это самый сексуальный звук, какой я когда-либо слышал.

— Ну, я не против иметь воздыхателя в лице Дозера, хотя я думаю, что я для него просто очередной человек, от которого можно получить чуточку внимания. Я уверена, что тебе не нужно прилагать много усилий, чтобы на тебя обратили внимание, — последние слова она говорит уже Дозеру. — Ты ведь такой милый... не правда ли... Очаровашка.

Она гладит его довольную морду своими руками, и я вообще-то даже чувствую укол ревности.

Я ревную к своей собаке.

Мне срочно нужно заняться с кем-нибудь сексом.

— Ну что, пошли? — Я засовываю руки в карманы, затем выхожу в дверь и направляюсь к машине.

Я помогаю Дозеру забраться на заднее сидение. Повернувшись, я вижу, как Мия переступает с ноги на ногу позади меня, пока Дозер устраивается поудобнее на заднем сидении машины.

— Мне сесть с Дозером? — спрашивает она, кусая себя за нижнюю губу.

Господи, как я хочу сам кусать эту губу. Облизывать ее. Посасывать.

Я замечаю, как Дозер поднял голову и наострил уши.

— Да нет, не переживай за него. С ним все будет окей. На переднем сидении тебе будет удобней.

— Ну, хорошо...

Я наблюдаю, как Дозер роняет свою голову обратно на лапы с едва слышным ворчанием.

Я еле сдерживаю улыбку, пока Мия обходит машину вокруг и забирается на пассажирское сидение. Но все же я, садясь в машину, не могу сдержаться и посылаю Дозеру торжествующую ухмылку.

Серьезно, взгляд, которым он меня одарил после этого... Я думаю, что если бы он мог,

то показал бы мне средний палец.

Ага, ты проиграл этот раунд, Дозер.

Я завожу машину, чувствуя себя удовлетворенным оттого, что Мия сидит впереди со мной.

Затем до меня вдруг доходит.

Я только что соперничал со своей собственной собакой.

У меня нет слов.

Ни единого. Гребаного. Слова.

Я выезжаю на дорогу и еду домой.

Я даже начинаю верить, что Мия обладает какими-то магическими способностями, что именно поэтому я веду себя не так как обычно. Это что-то типа вуду или дерьмо, подобное этому.

Скорее всего, так и есть. Потому что я не могу найти другого логического объяснения тому, что я превращаюсь в самого настоящего слюнтяя.

Все, что мне необходимо сделать, так это избавиться от Мии хотя бы на несколько часов, воткнуть свой член в какую-нибудь девчонку, и я снова стану самим собой.

Вот только сегодня вечером не получится, так как я не могу оставить Дозера без присмотра.

Завтра.

Однозначно завтра.

Я пойду и подцеплю самую горячую цыпочку, какую только смогу найти, и затем буду трахать ее до потери пульса.

Я собираюсь вытрахать из своих мозгов Мию Монро.

Я радостно улыбаюсь своему плану, как вдруг по радио начинает звучать та дурацкая песня Тейлор Свифт «I knew you were trouble».

Я потянулся было, чтоб переключить ее, как краем уха уловил, что Мия тихонько подпевает этой песне. Я кладу руку обратно на руль, оставив радио в покое.

Господи, звук ее голоска — это самый сладкий звук, какой я когда-либо слышал.

Я слушаю, как она поет. Моя кожа покрылась мурашками, когда песня закончилась. Кто бы знал, что эта дурацкая песня может звучать так замечательно!

Я протягиваю руку и убавляю звук на радио.

— Тебе нравится Тейлор Свифт?

— Что? — ее щеки стали пунцовыми. — Ах, да. Она ничего так. Мне очень нравится эта песня. Скорее всего, ты не фанат подобной музыки, а?

— Нет, не особо, — я улыбаюсь.

Как же мне нестерпимо хочется дотронуться до нее в этот момент.

— Извини, — говорит она тихо.

Я кидаю на нее быстрый взгляд.

— За что ты извиняешься?

— За мое пение. Иногда я пою, даже не замечая этого. Я знаю, что у меня просто ужасный голос, и твои барабанные перепонки, наверно, здорово пострадали от этого звука, — она смеется, но ее смех звучит ненатурально, искусственно. Совсем не так, как тот мелодичный смех до этого.

Кидаю на нее еще один беглый взгляд. Я заметил, что она не проявляет никаких эмоций. Только лишь руки скрестила на груди, как будто защищаясь от чего-то.

Повисшее между нами напряжение ощущается почти физически.

— Кто тебе сказал всю эту чушь? — Тот ублюдок, ее бывший, сказал ей. Мне невыносимо хочется набить морду этому гаду. И бить его, пока он не сдохнет.

Она глядит вниз на свои джинсы и начинает счищать несуществующие ворсинки. Я чувствую, как она уходит в себя, наша связь теряется. Мне чертовски не нравится это чувство.

— Нет, мне никто не сказал. Просто у меня есть уши, — она пожала плечами и выдавила из себя еще одну натянутую улыбку.

— Ну, тогда твои уши не в порядке. Я считаю, что у тебя замечательный голос, Мия. Правда, замечательный. Мне понравилось, как ты поешь.

Я чувствую ее взгляд на себе, поэтому гляжу на нее в ответ. Вдруг в меня что-то вселилось, и слова вырвались из моего рта быстрее, чем я их смог обдумать.

— Какие у тебя планы на сегодняшний вечер?

Какой черт меня дернул за язык?

В ее необыкновенных синих глазах мелькнуло удивление. Затем она пожала своими хрупкими плечиками и наклонила голову набок.

— Эээ, нууу.. Я собираюсь взять себе что-нибудь поесть, а затем читать книгу, пока не усну.

— Не хочешь поужинать со мной?

Почему я не могу держать рот закрытым?

Брови Мии взмыли вверх. И то, как прозвучал мой вопрос, наконец доходит до моего гребаного сознания.

Святой Боже, это прозвучало так, как будто я пригласил ее на свидание.

Я не хожу на свидания. Никогда.

Какая муха меня укусила? Предлагаю ей поужинать со мной, когда всего минуту назад я разрабатывал план по вытрахиванию Мии Монро из своей головы.

Нужно срочно внести поправки в мое предложение!

Я сглатываю комок, застрявший в горле. Мои глаза неотрывно следят за дорогой, и я, как последний идиот, выдаю:

— Я... эээ, имел в виду, что собираюсь приготовить себе что-нибудь на ужин и могу тебя угостить, если хочешь. Если не хочешь, то без проблем.

Очень удачная отмазка, Метьюс. Охренительно удачная.

В машине повисла долгая пауза, прежде чем Мия ответила мне.

— Я была бы тебе очень признательна, Джордан. Спасибо.

Ее голос звучит так подавленно и тихо, что я даже не могу заставить себя взглянуть ей в лицо, чтобы не видеть его выражение.

Кто-нибудь, застрелите меня, пожалуйста.

Я слышу, как Доzer издает какой-то звук на заднем сидении.

Я кое-как подавляю желание развернуться и сказать ему пару ласковых, но я догадываюсь, что Мия и так уже думает, что я конкретный придурок, поэтому я этого не делаю.

Вместо этого я протягиваю руку и добавляю громкости радио, чтобы заполнить образовавшуюся между нами неловкость. И, позвольте заметить, что путь назад в отель был таким же спокойным, как и путь в ветклинику.

Мия

Почему меня это так разочаровало?

Я не жаждала получить от Джордана приглашение на ужин, но когда он поспешил исправить свои слова, меня это сильно разочаровало. Это так глупо. Я глупая.

Конечно же, он предложил мне поужинать. Он ведь хороший парень. Я помню, что до этого он сказал, что в услуги отеля ужин не входит, и, скорее всего, он предложил мне это просто из вежливости, так как я единственный гость в его отеле... Но я не могу позволить ему кормить меня бесплатно. Надо будет проследить, чтобы он включил стоимость ужина в мой счет. Уверена, он так и сделает в любом случае, но мне надо будет проследить за этим.

Вы только поглядите на меня — я потеряла голову от первого же парня, который хорошо ко мне отнесся. Это неслыханно даже для меня.

Мне надо сосредоточить все свое внимание на том, из-за чего я сюда приехала — найти свою мать, раздобыть ответы и наладить свою жизнь. Начать все с чистого листа.

Мы вернулись в отель. Я стою в дверях гостиной, наблюдая как Джордан устраивает Дозера поудобней на диване. Он даже включил ему телевизор.

Я кусаю себя за губу, чтоб скрыть свою улыбку. А также непроизвольное чувство влечения к Джордану, что накрывает меня с головой.

Дозер правда много для него значит. Дозер очень счастливый пес. За исключением сегодняшнего несчастного случая, конечно.

Я иду следом за Джорданом на кухню, после того как он позаботился об удобстве Дозера.

Я сажусь на высокий барный стул у кухонной стойки.

— Я не самый лучший повар, — говорит он мне через плечо, направляясь к холодильнику.

— Звучит многообещающе, — ехидничаю я.

Я поражаюсь своей собственной наглости. Обычно я так себя не веду и никогда не разговариваю подобным образом с противоположным полом. Я всегда на чеку и обдумываю слова, прежде чем их произнести.

У меня не было выбора. Одно неверно подобранное слово могло очень дорого мне стоить.

Но с Джорданом я чувствую себя намного свободнее, с ним я могу быть самой собой.

Он слегка поворачивается, выглядя сконфуженным.

— Эй, но я при этом и не самый паршивый. Я готовлю улетный зеленый чили. Я куплю все необходимое и приготовлю это блюдо для тебя в следующий раз, а сегодня... просто скажи, чего тебе хотелось бы и для чего у меня найдутся продукты, — он широко улыбается, — и я приготовлю это для тебя.

Чувствуя себя легко и свободно из-за его добродушного подшучивания, я пожимаю плечами.

— Меня легко удовлетворить. Все, что бы ты ни приготовил, мне понравится.

Его брови поползли вверх. Он полностью развернулся, чтобы прямо смотреть на меня.

Меня легко удовлетворить. Не самое лучшее словосочетание, Мия.

Ну, теперь понимаете, что происходит, когда я не слежу за своими словами? Словесный понос.

— Я... я... имела в виду не то, что меня легко удовлетворить. Просто я не привередлива в еде, вот что я имела в виду. — я заикаюсь, — я... я... ем все подряд, не выбираю.

Его брови взлетели еще выше, и он заулыбался.

Я хочу, чтобы подо мной разверзлась земля и поглотила меня. Сейчас. Ну, пожалуйста.

— Легко удовлетворить, значит. Понял. — Он разворачивается и снова идет к холодильнику.

Ну я и идиотка. Меня правда не стоит выпускать в общество.

Джордан начинает вытаскивать продукты из холодильника и ставить их на стол. Яйца, помидоры...

— Итак, «легко удовлетворить», как насчет омлета по-испански?

Я не могу сдержать свой смех.

— Омлет по-испански звучит очень заманчиво.

Он одаривает меня еще одной улыбкой, прежде чем развернуться снова к холодильнику.

— Тебе помочь?

— Нет, у меня все под контролем. Хочешь чего-нибудь выпить? У меня в холодильнике есть пиво. Или вино, если хочешь?

— Не откажусь от пива.

Я спрыгиваю со стула и иду к холодильнику:

— Тебе достать бутылку?

— Угу.

Я достаю две бутылки.

— Открывалка в выдвижном ящичке, — Джордан указывает мне на нужный ящик огромным ножом, которым он резал помидоры.

Я замираю как громом пораженная, грудь сдавило, а ноги стали ватными. Мой взгляд затуманился. Дерьмо.

Оливер, слегка надавливая, вел ножом от моей ключицы к плечу.

— Где ты взяла это, Мия? — он держал в руках топ, который я купила за день до этого. Очень красивый, с большим вырезом, на тоненьких ляпочках топ, который я тщательно спрятала в своем платяном шкафу. Я так надеялась надевать его по тем дням, когда Оливер был на дежурстве в больнице. Я купила его, потому что мне очень понравился его цвет. Он напоминал мне о лете. Я почувствовала себя такой счастливой, когда примерила его, как будто меня согрели теплые лучики летнего солнца. Я не хотела, чтобы это чувство покидала меня, вот и купила этот топ, несмотря на риск.

— Я к-купила его, сэр.

— А ты спросила у меня разрешение на его покупку?

Я повесила голову на грудь.

— Нет.

Он подошел еще ближе ко мне.

— Это одежда для шлюхи! Этот топ создан для того, чтобы привлекать внимание противоположного пола. Ты этого хочешь, Мия? Ты хочешь привлечь внимание мальчиков?

— Нет, папочка.

Он держал топ перед моим лицом и разрезал его на ленточки ножом, что держал в

своей руке.

Мне хотелось плакать. Из-за топа. Он помогал мне чувствовать себя хоть чуточку счастливей. Всего лишь примерив его, я уже была счастлива, но он отнял это чувство у меня. Снова. Как обычно.

— Сними свой свитер, Мия.

Мои глаза впились в его.

— За-зачем?

— Не задавай вопросов! — взревел он. — Делай то, что тебе говорят!

Трясущимися руками я медленно стянула свитер через голову. Оставшись в одном бюстгальтере, я прижала скомканный свитер к своему животу и вцепилась в него своими дрожащими пальцами.

Страх постепенно овладевал всем моим существом.

Оливер стоял позади меня.

Я крепко зажмурила глаза.

Я услышала, как он положил нож на стол, затем послышался звук расстегиваемого ремня Оливера и то, как он вытащил его из петель своих брюк.

Мои внутренности сжались в клубок. Не важно, сколько раз мне приходилось проходить через подобное, всякий раз страх снова поглощал меня с одинаковой силой.

— Ты послушалась меня, Мия. Ты очень плохо себя вела. Что заслуживают девочки, которые плохо себя ведут?

Я с трудом сглотнула и попыталась побороть свой страх, который сжимал мне горло и заставлял меня дрожать всем телом.

— Они заслуживают наказания, сэр.

Я обняла себя и крепко стиснула зубы.

Я почувствовала обжигающую боль от первого удара ремнем по спине. Стараясь заглушить свои крики и рыдания, я впивалась зубами в губу, пока во рту не появился привкус крови.

— Господи, Мия, с тобой все в порядке?

Я открыла глаза и увидела обеспокоенного Джордана перед собой. Вниз по моему подбородку что-то стекало. Я поднесла руку ко рту. Кровь.

Я прокусила себе губу.

— О, Боже, я..эээ... это вышло случайно.

Случайно? Ну да, потому что нормальные люди постоянно прокусывают себе губы до крови, Мия. Это вполне нормально. Он даже и не подумает заподозрить, что что-то здесь не так.

Не произнеся ни слова, Джордан забирает бутылки с пивом из моих рук и ставит их на стол. Именно в этот момент до меня доходит, что у меня трясутся руки.

— Сядь вот тут, — он пододвигает ко мне стул. Я падаю на него, и мои ноги внезапно превращаются в желе. Он открывает выдвижной ящик и вытаскивает оттуда аптечку.

Черт, я такая неудачница. Застываю на месте, ухожу в себя и прокусываю себе губу. Отлично, Мия. Просто отлично.

— Прости, — мямлю я, когда он начинает промокать мою рану ваткой с антисептиком. Немного жжет, но я привычна к этому жжению, сказываются все те годы, что мне приходилось обрабатывать им мои раны. — Я такая неуклюжая.

Я стараюсь не обращать внимания на близость Джордана или на табун мурашек, что

пробегают по моей коже, когда он ко мне прикасается. И на то, как обалденно он пахнет. И на то, что во мне возникает желание, чтобы он поцеловал меня.

Прямо сейчас.

Да, именно такие мысли витают в моей голове в этот момент.

Я никогда не буду нормальной, как другие люди. Я уже очень давно это поняла.

— Перестань постоянно извиняться, — мягко говорит он, встречаясь со мной взглядом.

— Просто расскажи мне, что с тобой случилось.

Я гляжу ему в глаза.

— Ничего не случилось.

— Ничего не случилось? Пять минут назад ты как будто выпала из реальности. Где ты была?

Я отвожу свой взгляд и смотрю на стену позади него.

— Нигде. Прости.

Он вздыхает. Его теплое дыхание колыхает мне волосы. Его раздражение должно бы нервировать меня, но все, о чем я в этот момент могу думать, так это о том, как его близость заставляет меня чувствовать себя. Взволнованной.

Я не помню, чтобы я когда-либо была такой взволнованной.

— Нет, серьезно. Перестань постоянно извиняться. Тебе не за что извиняться. Я просто беспокоюсь за тебя. — Он снова прижимает ватку к моей прокушенной губе. — Тебя поглотили какие-то мысли о том, что твой бывший сделал тебе? Может быть, мысли о том как, у тебя появился этот синяк под глазом? Я знаю, что иногда подобные события могут всплывать в памяти из-за каких-то незначительных вещей, вызывая временное отсутствие сознания или что-то подобное.

Все мое тело напрягается, а мышцы натягиваются как струны.

Я отрицательно качаю головой.

Это правда, потому что меня испортили задолго до того, как в моей жизни появился Форбс. Он был просто дождем после торнадо.

— Со мной все в порядке, — говорю я, немного резковато. Я совсем не хотела быть грубой, но я правда не могу обсуждать эту часть своей жизни. Только не с ним.

И вообще ни с кем.

Убрав ватку, он делает шаг назад и запускает руку в волосы. Я замечаю, что он растерян. И это я, кто заставляет его чувствовать себя растерянным.

У меня талант раздражать и злить мужчин, и подобная реакция — это то, к чему я привыкла. Доброта смущает меня. Приводит в замешательство.

Злой, раздраженный мужчина более мне привычен.

— Я знаю, что ты почти не знаешь меня, но ты можешь мне доверять. Ты можешь рассказать мне все что захочешь. Я не буду тебя судить... нет, правда, я никто, чтобы судить других людей. — Он опускает взгляд в пол, а потом опять смотрит на меня. Его глаза светятся искренностью. — Возможно, я смогу тебе помочь.

Даже когда он раздражен, он все равно остается добрым. Я не знаю, как к этому относиться и как себя вести.

Мне бы пригодилась его помощь. Больше всего на свете я хочу, чтобы был кто-то, кому я могла бы доверять. Я хочу доверять ему.

Я открываю рот, чтоб позволить словам излиться потоком. Но у меня ничего не выходит. Мои дефекты невозможно исправить.

— Мне уже ничем не помочь, — я трясую головой и начинаю ненавидеть себя за то, что позволила этим словам сорваться с губ. — Я очень ценю... тебя... все, что ты для меня сделал. Но правда, мне нечего тебе рассказать.

Я соскакиваю со стула.

— Спасибо за оказанную помощь, но я, скорее всего, не буду сегодня ужинать. Я очень устала.

— Мия...

Игнорируя умоляющие нотки в его голосе, я выхожу из кухни и бегу в свою комнату.

Джордан

Я поднял руку, чтобы постучать в дверь, но затем опустил ее и отступил назад.

Я стою перед дверью комнаты Мии, раздумывая, стоит ли мне постучать в ее дверь или нет.

Это ведь элементарное действие. Я поднимаю руку. Дотрагиваюсь ею до дерева. Стучу. Она открывает дверь.

Ничего сложного, правда?

Тогда какого черта я раздумываю?

Да потому, что после вчерашнего вечера все, что касается Мии, больше не кажется таким уж легким. Не то чтобы все было просто и гладко до того самого момента, как я ее встретил, но просто с ней все совсем не так, как с другими девушками.

Я не имею понятия, что ей говорить. А ведь я всегда знаю, что и как говорить противоположному полу.

Думаю, мне надо просто вести себя так, как будто вчерашнего вечера никогда и не было.

Ну да, я не буду выглядеть куском дерьма, если так поступлю. Может быть, я смогу как-то дать ей понять, что если она захочет чем-либо со мной поделиться, то я всегда буду готов ее выслушать.

Отлично. Так и сделаю. Я постучу в дверь, скажу, что завтрак готов, спрошу, во сколько она собирается ехать в Фармингтон, и как-нибудь ненавязчиво намекну ей, что я всегда готов ее выслушать.

Плевое дело.

Я снова подношу руку к двери, и внезапно у меня перед глазами появляется вчерашнее выражение лица Мии.

То, как она выглядела. Она полностью отключилась от реальности. Находилась мыслями где-то далеко. И то, как она прокусила себе губу. Я, честно говоря, никогда в своей жизни не сталкивался с подобным.

Я не боюсь признаться в том, что, увидев ее вчера в таком состоянии, я сам чертовски перепугался.

Что заставило ее выкинуть подобное?

Я догадываюсь, что ее секреты намного более серьезные, чем я предполагал ранее. Намного серьезней, чем подонок — бывший, ставящий синяк под глазом. Я понял это после того, как она сказала, что ей уже ничем нельзя помочь и выбежала из кухни, как будто за ней гналась тысяча чертей. В тот момент я хотел было побежать за ней. Постараться помочь ей. Я почти что на это решился. Но остановился в самую последнюю секунду.

Почему? Потому что я полагал, что если так сделаю, то вмешаюсь во что-то очень личное, что она так тщательно скрывает.

Я привязываюсь к ней.

Я не привязываюсь к девчонкам. Я не могу к кому бы то ни было привязаться.

Трахаться? Пожалуйста.

Чувства и отношения? Ни за что.

Я снова отступаю от двери, опираюсь плечом на стену и запускаю руку в волосы.

Я без сил. Я почти не спал прошлой ночью. Со мной в постели был Дозер со своей сломанной лапой, занявший все пространство и оставивший мне всего лишь маленький кусочек матраса. Мое недосыпание никак не связано со странной реакцией Мии вчерашним вечером. Возможно, я и прокручивал этот инцидент в своей голове, но только пару раз. И то не во всех подробностях. Я просто лежал и гадал, что этот вонючий ублюдок мог сделать с ней, чтобы довести ее до такого состояния. Но меня эти мысли только еще больше привели в ярость.

Поэтому я заставил себя думать о чем-нибудь приятном.

Я думал о миллионах способах занятия сексом с Мией. Я пытался представлять себе, каково это будет — целовать ее сладкие губы.

Каковы они будут на вкус.

Какова она вся будет на вкус...

Ее кожа...

Ее узенькая, горячая киска...

Ладно, я всю ночь провел, беспокоясь за Мию и обдумывая всевозможные сексуальные позы, в которых я хотел бы заняться с ней сексом.

Я всю ночь думал о ней.

Теперь вы довольны?

Потому что я, нахрен, нет.

Да пошло все это дерьмо к черту!

Я отталкиваюсь от стены, поднимаю руку с намерением постучать в дверь, как вдруг Мия неожиданно распахивает ее перед моим носом.

— Дерьмо!

— О, Боже!

Моя рука все еще висит в воздухе, и мое сердце стучит как проклятое.

Мия останавливает свой взгляд на моей занесенной для стука руке. Она часто дышит, и ее грудь вздымается в такт дыханию.

Черт, ее грудь выглядит так соблазнительно в этом топе, что она сегодня надела.

И я нагло на нее пялюсь.

Затем с трудом отвожу взгляд и опускаю свою руку.

— Извини, — говорю я с ней в один голос.

Я смотрю ей в глаза и улыбаюсь. Она улыбается мне в ответ.

— Я только...

— Я хотел...

Она смеется.

У нее такой сексуальный смех.

Я хочу ее. Я со всей честностью могу признаться, что еще никогда ничего не хотел в своей жизни так, как ее. Мой бедный член болит. Эта боль граничит с наслаждением.

Наслаждение от ее присутствия.

Боль оттого, что он не может в нее погрузиться.

Он как будто умирает от жажды. Ему жизненно необходимо искупаться в живительном источнике под названием «Мия».

Я что, ступил на путь воздержания? Черт... Кажется, так оно и есть. Теперь понятно, что это такое. Это очень мучительно. Как только монахи это выдерживают, черт его знает. А

я точно знаю, что долго не продержусь, если с кем-нибудь не пересплю в ближайшее время.

— Сначала ты, — говорит она.

Что?

Ах да, мы же болтали. Кажется.

Я засовываю руки в карманы и переминаюсь с ноги на ногу.

— Я просто пришел сообщить, что завтрак готов, и также хотел узнать, во сколько ты хочешь отправиться в Фармингтон?

— Ты все еще хочешь поехать со мной? — она выглядит удивленной.

— Конечно, с чего бы это я поменял свои намерения?

Она опустила глаза в пол.

Я следую своими глазами за ее взглядом, жалея, что ее ноги затянуты в деним. Я замечаю, что на ней сегодня сланцы и что ногти на ее ногах выкрашены розовым лаком.

Это нормально, что один только вид ее пальцев заводит меня?

Ну если нет, то мне все равно. Я хочу опрокинуть ее обратно на постель, снять с нее сланцы, потом джинсы и проложить себе дорогу языком по ее сексуальным ступенькам, с самых кончиков пальцев и вверх, по этим великолепным ногам, пока не достигну ее самого сокровенного местечка.

— Из-за.. нуу, эээ... — ее мягкий голос выдергивает меня из моих мыслей, — из-за прошлого вечера.

Я хмурю брови. Я ничего не могу с собой поделать.

— Ничего серьезного не произошло. — Вру, произошло. — Прошлый вечер... это только твое дело. Если хочешь что-либо мне рассказать, то я к твоим услугам. Если нет... — я пожимаю плечами. — Я все равно к твоим услугам.

Святой Боже, могу ли я вести себя еще более женоподобно? У меня скоро вырастет вагина, если я буду продолжать в том же духе.

Уголки ее губ поползли вверх, складываясь в улыбку.

Наши взгляды встречаются, и я почти вздрагиваю от толчка, что чувствую вдруг в своей груди.

Все это дерьмо действует мне на мои гребаные нервы.

Эта хрень происходит со мной только в присутствии Мии.

Может быть, это..?

Нет.

Не. Может. Этого. Быть.

— Ты готова к завтраку? — спрашиваю я.

Она выглядит немного смущенной от моей резкой смены темы разговора.

— Да.

— Отлично. Пошли.

Я разворачиваюсь и иду прямо по коридору.

Я был краток. Я не планировал так с ней говорить, и я знаю, что мое настроение меняется, как будто я эмоционально неуравновешенный подросток, но просто, кажется, я не в состоянии контролировать себя и свое поведение, когда она рядом. Мои мысли скачут, перегоняя друг друга.

Я слышу, как захлопывается дверь позади меня, и затем слышу приглушенный звук ее шлепанцев по полу.

Этот звук напоминает биение моего сердца.

Я первым выхожу на террасу. Сегодняшнее утро выдалось очень теплым, поэтому я подумал, что, возможно, ей захочется позавтракать на свежем утреннем воздухе.

Я уже накрыл стол. Вчера я позвонил Пауле и сказал ей не приходить сегодня. В отеле не так уж много работы, по крайней мере, нет ничего такого, с чем бы я сам не справился.

В этом нет никакой связи с тем фактом, что мне нравится проводить время с Мией. Наедине.

Вообще никакой связи.

— Не возражаешь, если я позавтракаю с тобой вместе? — спрашиваю я, пока она усаживается за стол.

Она все еще гость у нас в отеле, и мне постоянно приходится себе об этом напоминать. Даже если я позволяю себе немного вмешиваться в ее жизнь.

На ее лице появляется озадаченная улыбка.

— Нет, конечно же не возражаю.

— Круто. — Я иду к двери. — Что будешь пить?

— Кофе, если можно.

Я иду на кухню. Приготовленная для завтрака еда уже стоит на подносе. Я добавляю к этому кофейник, сливки и сахар.

— Я приготовил несколько блюд на выбор, — говорю я, выходя наружу. — Я не знаю, что тебе нравится, а что нет. Хотя прошлым вечером ты упомянула, что не привередлива в еде... — я широко улыбаюсь, в то время как ставлю поднос с вафлями, блинчиками, гренками и ветчиной на середину стола.

— Ты приготовил это все... для меня? — она с трудом сглатывает. Ее глаза блестят.

У меня сжимается в груди. Я переминаюсь с ноги на ногу.

— Ну да. Ты же гость в моем отеле, — пожимаю я плечами.

Выражение ее лица меняется.

— Ну да. Конечно, — произносит она упавшим голосом, и этот тон задевает меня больше, чем если бы она громким голосом кинула бы мне эти слова в лицо.

Какой же я долбаный идиот.

— Черт, это прозвучало как... — я сажусь на кресло напротив нее. — Я не готовлю всем и каждому подобный завтрак.

Вообще-то, я никогда в своей жизни ни для кого не готовил завтрак, если так подумать. Я никогда не готовлю завтраки гостям. Обычно этим занимается Паула или отец. И если бы мне вдруг пришлось приготовить завтрак, то тот гость мог бы считать себя счастливым, если бы я принес ему хотя бы миску с сухими хлопьями.

— Нет? — она, не веря моим словам, изгибает свои брови.

— Неа, слово скаута, — и я прикладываю два пальца к виску.

— Ты был бойскаутом?

— Меня хватило на один день, — улыбаюсь я. — Но я сказал чистую правду насчет завтраков. Я потерял с тобой свою девственность в приготовлении завтраков.

Ее щеки заливаются румянцем от смущения.

Я перегнул палку?

Да какая разница. Я ее хочу. Невыносимо. Пошло оно к черту все, что я говорил себе вчера насчет того, что буду держаться от нее подальше. Я не могу. Я не могу больше себя сдерживать в ее присутствии. Я знаю, что что-то происходит между нами, и мне срочно нужно выяснить, что именно.

Наши взгляды скрещиваются на одно мгновение... другое...

Затем она отводит глаза и смотрит на еду.

— Вафли выглядят такими аппетитными. Я имею в виду, что все выглядит... аппетитным. Блинчики кажутся вкусными, а гренки... — она запинается на каждом слове. За ней так забавно наблюдать.

— Просто гренки, — заканчиваю я ее предложение со сдвинутым смехом.

Как будто по сигналу ее щеки снова порозовели. Она начинает кусать себя за губу. Это ее невинное действие заставляет мой член затвердеть, а мое сердце ускорить свой ритм.

— Давай, ешь. Ты вчера вечером ничего не ела, — я двигаю поднос в ее сторону.

Она тербит себя за нижнюю губу большим и указательным пальцами.

— Я ужасно проголодалась.

Нерешительно она протягивает руку, берет вафлю и кладет ее себе на тарелку.

Я сижу и наблюдаю, как она поливает свою вафлю кленовым сиропом, затем подносит ее к своему рту и откусывает кусочек.

Ее глаза закрываются, и она издает приглушенный вздох, что очень возбуждающе действует на моего друга в штанах.

Черт меня подери.

Этот вздох прозвучал именно так, как те ее вздохи, что я представлял себе вчера полночи.

Я ерзаю на своем сидении, уходя немного из ее поля зрения, затем скрещиваю ноги, чтобы хоть как-то скрыть от ее взгляда свою возрастающую эрекцию.

Я тянусь к блинчикам и кладу себе несколько штук на тарелку.

Дозер вышел на веранду и развалился возле моего кресла, смотря на меня жалобным взглядом.

Я беру блинчик и кидаю ему. Когда я поднимаю свой взгляд, то замечаю, что Мия наблюдает за мной с милой улыбкой на губах.

Снова появляется боль в груди.

— У тебя получились отличные вафли, — говорит она и откусывает еще кусочек. — Можно, я тоже угощу Дозера? — она указывает на моего вечно голодного пса, который только что проглотил целиком блинчик, который я ему кинул, и уже с вожделием смотрит на еду у Мии в тарелке.

— Конечно, — улыбаюсь я.

— На, Дозер, — она ударяет себя ладошкой по ноге, протягивая ему остатки своей вафли.

Дозер подскакивает к ней в доли секунды. Взяв вафлю, он глотает ее целиком, затем кладет свою морду ей на колени и смотрит на нее жалобными глазами, выпрашивая добавки.

И именно так проходит наш завтрак. Дозер полностью завладел вниманием Мии, пока она скармливала ему свою еду, иногда успевая отправить кусочек-другой себе в рот.

А я сижу и смотрю на них. Как гребаный третий лишний.

Серьезно, это все зашло слишком далеко. Мой пес только что утер мне нос. Нам с Дозером предстоит провести серьезный мужской разговор.

Я с таким облегчением думаю о том, что скоро мы с Мией поедим в Фармингтон и я смогу побыть с ней наедине.

Да, я прекрасно осведомлен о том, как по-идиотски я себя веду и думаю.

— Спасибо за завтрак, — говорит Мия, вытирая рот салфеткой. — Все было очень

вкусно. — Она поднимается со своего места и передает мне свою пустую тарелку. Я ставлю ее на поднос.

— Ты уверена, что хорошо подкрепилась? Кажется, Дозер съел большую часть твоего завтрака, — я киваю в сторону его туши, распластавшейся на полу.

— Я наелась, — она прижимает руку к животу, как бы показывая, что он полный.

Я не представляю, как она могла наестся той малой порцией, что съела, но, с другой стороны, она ведь такая миниатюрная.

— Тебе нужна помощь, чтобы привести тут все в порядок после завтрака? — предлагает она мне свою помощь.

— Нет, я сам справлюсь. Я просто сложу грязную посуду в мойку и помою ее позже. Ты готова ехать в Фармингтон?

Она стоит в нерешительности позади своего стула, пальцами вцепившись в спинку.

— Да, конечно, — улыбаясь, отвечает она.

Это одна из ее искусственных улыбок. Я уже научился распознавать их за эти несколько дней.

Я забираю со стола поднос, неся его на одной руке.

— Мы можем отправиться туда чуть позже, если хочешь.

Она обдумывает мои слова какое-то время, а потом качает головой.

— Нет. Поедем сейчас, — ее взгляд встречается с моим, — а то боюсь, что потом я струшу и передумаю.

Мия

— Поедем на твоей машине или на моей?

Я смотрю на его Мустанг, а затем на свой Мерседес.

На Мерседес, который купил мне Оливер два года назад. На следующий день после того, как он сломал мне руку. Как оказалось, он не собирался ломать ее. У него это случайно вышло.

Хотя мне вовсе тогда не показалось, что это была случайность.

Машина в подарок была своего родом извинением.

Эта машина — словно напоминание мне о моей слабости. Напоминание мне о моей прошлой жизни. О каждом наказании, что мне пришлось вытерпеть до нее и после.

Она напоминает мне о нем... о них.

— На твоей, — отвечаю я, — если ты не против.

— Я совсем не против, — улыбаясь, Джордан вытаскивает ключи из кармана своих джинсов.

— Я заплачу за бензин, — идя к его машине, говорю я. Я не хочу, чтобы он думал, что я просто хочу воспользоваться его добротой.

Он останавливается у капота своей машины, его улыбка тут же гаснет, и он хмурит брови.

— Ни за что. — Он трясет головой.

— Нет, я сама заплачу за бензин, потому что мы едем по моему делу, а не по твоему.

Открыв дверь, я забираюсь на переднее сидение.

Машина заметно проседает, когда Джордан втискивает внутрь свое высокое худощавое тело.

— Так не пойдет. Я ни за что не возьму у тебя деньги на бензин. И точка, — говорит он уверенным безапелляционным тоном.

Инстинктивно я втягиваю голову в плечи. Меня наполняет чувство поражения.

Затем, непонятно откуда, во мне зажигается какая-то искра. В моих венах забурлил адреналин, возбуждая неизвестную мне доселе реакцию.

Я знаю, что это сущий пустяк, и я также знаю, что Джордан просто пытается быть добрым и вежливым, не позволяя мне заплатить за бензин... но я так устала, оттого что мужчины вечно мне указывают, что мне делать, а что нет.

И еще больше я устала оттого, что позволяю им так собой командовать.

С меня хватит.

Я открываю дверцу машины, выхожу, хлопаю ею — немного резко — и иду по направлению к своей машине.

Я в курсе, что веду себя вызывающе, но я провела всю свою жизнь, молча подчиняясь и не возражая. Мне уже давно пора начать вести себя уверенно, как женщина, которой я стремлюсь стать, так что с сегодняшнего дня все изменится. Возможно, я избрала неправильную тактику, но я в этом деле пока новичок и, зная наверняка, что мои слова не убедят Джордана, я решила вместо этого действовать.

Я слышу, как он открывает дверцу со своей стороны. Я также слышу его взволнованный

голос позади себя:

— Мия, с тобой все в порядке?

— Нет, — бросаю я ему через плечо.

Я нервничаю, все мое тело дрожит, но я стараюсь быть твердой.

— Что-то не так? — он кажется обеспокоенным. Я слышу, как он захлопнул дверцу машины.

Я оборачиваюсь и бросаю ему на ходу:

— Да, мне не нравится, когда мне указывают, что мне надо делать.

Вау! Не могу поверить, что я только что это сказала. Это было круто!

Здрав подбородок, я продолжаю идти к своей машине.

— Понятно, — его голос звучит растерянно. — Куда ты идешь?

— Поеду в Фармингтон. Одна.

Я слышу звук его быстрых шагов по гравию, он бежит в мою сторону.

Я совру, если скажу, что мое сердце не ушло в пятки. Или что мой пульс не участился до такой степени, что шум стучащей в ушах крови заглушал все другие звуки.

Едва я открываю дверь своей машины, как вдруг его рука, вынырнув откуда-то позади меня, закрывает ее обратно.

Это рассердило меня. Он так близко от меня. Нас разделяют всего какие-то миллиметры.

Мной овладел страх... и возбуждение. Очень сильное, всепоглощающее возбуждение.

Да, я считаю Джордана привлекательным. Ну ладно, мне он безумно нравится, и уровень желания, что я сейчас испытываю, переходит все границы. Оно волнами проходит по всему моему телу. Со мной никогда не случалось ничего подобного.

Мои ноги стали ватными, а трусики намокли. Меня никто так не возбуждал, как он. Еще минуту назад я была настроена твердо и решительно, а теперь чувствую, что готова отдаться ему прямо здесь и сейчас.

Сказать, что я в шоке от самой себя — это значит, ничего не сказать.

Собрав все свои силы, я прилагаю нечеловеческие усилия, чтобы не поддаваться моему затуманивающему мозг возбуждению. Я делаю глубокий вдох, втягиваю голову в плечи и поворачиваюсь к нему.

И вижу, что он... улыбается.

Нет, он ухмыляется.

Что-то еще проскакивает в его взгляде. Мне кажется, я догадываюсь что это, потому что, скорее всего, я вижу в его глазах отражение своих собственных, хотя я могу и ошибаться.

У меня не очень много опыта во все том, что касается отношений с противоположным полом.

Завязать отношения с Джорданом? Я не думаю, что это хорошая идея, даже несмотря на то, что он милый, забавный и сногшибательно красивый. Да, он одним своим видом пробуждает вожделение. Такой чертовски сексуальный. Могу поспорить, он — замечательный любовник. Я могу только представлять, как он выглядит безо всей этой одежды...

Я слышу его сдавленный смешок, и он вырывает меня из моих мыслей о сексе. До меня вдруг доходит, что я пялюсь на его тело, как озабоченная.

Отлично. Просто замечательно.

Мое лицо тут же заливают краска стыда.

— Что смешного? — вспылила я.

— Ничего, — трясая головой, отвечает он, еле сдерживая улыбку.

Я наклоняю голову набок и упираю руки в бедра.

— Почему ты тогда смеешься надо мной?

Его глаза скользнули по моему телу, а потом опять вернулись на мое лицо. У меня появилось такое ощущение, как будто он только что пробежался по всему моему телу руками.

— Ты столь маленькое создание, но при этом можешь быть такой колючей.

Спорить с ним насчет слова «маленькая» было бы неправильно, потому что я действительно не очень высокая. Но «создание»? Хммм... мне так не кажется.

Я скрещиваю руки на груди и выпрямляю спину.

— Я не создание.

Он смотрит на меня какое-то время. Его лицо не выражает никаких чувств. Затем он наклоняется ко мне поближе и говорит почти над самым моим ухом:

— Я неудачно выразился. Ты права. Ты совершенно точно не создание. Ты, Мия... настоящая женщина.

Мой желудок завязался в тугий узел, и я не могу сдержать вздох, что вырывается из моей груди. Я инстинктивно сжимаю ноги.

Судя по его смеху и самодовольному выражению лица, он определённо в курсе того, что он заставляет меня чувствовать.

Это немного раздражает.

И в то же самое время заводит меня.

И того и другого поровну.

Все еще улыбаясь, он запускает руку в волосы.

— Договорились. Будь по-твоему. За бензин платишь ты.

Что?

Так о чем мы говорили?

Ах, да. Бензин.

Ух ты. Надо же, это оказалось проще, чем я думала.

Никогда еще за всю свою жизнь я не одержала верх ни в одном споре. И во мне тут же просыпаются подозрения.

Я сощуриваю глаза, глядя на него.

— Почему ты так быстро мне уступил?

— А почему ты спрашиваешь?

— Потому что... ну... так как..., — Потому что я никогда с подобным не сталкивалась. — Потому что знакомые мне мужчины никогда не сдавались так легко. — Они вообще никогда не сдавались.

Я замечаю жалость, промелькнувшую в его глазах. Я ненавижу то, как это заставляет меня себя чувствовать.

Слабой и незащищенной.

Два чувства, которым я вовсе не хочу сейчас поддаваться.

— Знакомые тебе мужчины, Мия, — говорит он, — не имеют ничего общего со мной. И на удивление, я могу пойти на компромисс. Не всегда, конечно. Так что не привыкай. — Он снова ухмыляется. — Просто я не хочу затягивать наш спор еще Бог его знает на сколько. Потому что знаю, что мне все равно придется тебе уступить.

— Потому что..?

Отступив на шаг, он скрещивает руки на своей широкой груди.

— Потому что ты такая девушка, которой трудно отказать.

Ах. Ну, тогда ладно.

У меня закружилась голова.

И потеплело на душе.

— Ну так что, мы обо всем договорились, и ты сядешь наконец в мою машину, — он небрежно махнул в сторону своего мустанга, — или так и будешь весь день стоять тут и упрямиться?

Я плотно сжимаю губы, чтобы не рассмеяться.

— Ну, вообще-то, я не единственная, кому трудно отказать. — Я одариваю его хитрой улыбкой и, пройдя мимо него, иду обратно к Мустангу.

Он молча идет вслед за мной. Я догадываюсь, что он идет следом из-за скрипа гравия под его ногами.

— Ты в курсе, что ты виляешь задом при ходьбе?

Чего?

Я останавливаюсь как вкопанная, не в силах поверить, что он только что сказал что-то насчет моего зада.

Я чувствую возбуждение. Снова.

Святой Боже.

Сказать по правде, я не была в курсе того, что виляю задом при ходьбе, но это сейчас не так уж важно. Я сердито смотрю на него через плечо.

— И что это значит?

— Ничего не значит. Просто мое небольшое наблюдение. — Он поднял руки вверх, как при поражении, и его глаза сощурились из-за растянувшейся на его губах улыбки. — Это довольно мило, только и всего.

— Мило? — Я хмурюсь, стараясь игнорировать приятное тепло, разлившееся внизу живота. — Я вовсе не милая.

— А я и не говорил, что ты милая. Я сказал, что то, как ты виляешь задом — это мило. — На его губах играет вызывающая ухмылка.

Мое лицо становится пунцовым. Сторая от стыда, я продолжаю идти к машине, стараясь не замечать его приглушенный смех позади себя.

К тому времени как я достигаю Мустанга, я окончательно выбита из колеи. Я чувствую себя уязвимой...

И умирающей от желания.

Я однозначно не ожидала, что буду чувствовать себя подобным образом этим утром. Похоже, что Джордан прекрасно знает, как вывести меня из равновесия, когда ему это угодно. Я никогда не встречала никого похожего на него.

И сегодня что-то в наших с ним отношениях изменилось. Я не совсем уверена, что понимаю то, что между нами происходит, но мне ясно одно — что-то между нами изменилось.

Мы сели в машину практически одновременно. Я пристегиваюсь, пока Джордан заводит машину. Мотор заработал и готов к отправке, но мы не двигаемся с места.

Я вопросительно гляжу на Джордана.

Он наклонил свою голову в мою сторону, его глубокие, словно озера, глаза уставились

на меня, а выражение его лица очень трудно определить.

— Что? — спрашиваю я, чувствуя себя неловко. Я заправляю свои короткие волосы за уши, закипая под его внимательным взглядом.

Он покачал головой.

— Ничего. Я просто восхищаюсь твоей напористостью и решительностью. — Улыбка. Затем он глядит назад и разворачивает машину.

Я затрепетала.

Джордан восхищается мной.

И именно после этих слов та корка льда, в которую было заключено мое сердце, начинает таять.

Джордан не смолкая болтает. Я думаю, что он это делает нарочно, чтобы отвлечь меня от моих мыслей по поводу того, зачем я еду в Фармингтон.

Я отлично держалась, пока мы не оказались в десяти минутах езды от Фармингтона. Меня пробил холодный пот. А когда пару минут назад мы въехали в пригород Фармингтона, мое сердце ускорило свой ритм. Без сомнения, приступ паники уже виднеется на горизонте.

Мне требуется какое-то время, чтобы осознать, что машина остановилась.

— Мы уже приехали? — мои глаза округлились в испуге, как у зайца.

— Мы на соседней улице. Я просто подумал, что, возможно, ты захочешь остановиться на минутку и собраться с мыслями, перед тем как мы заявимся на порог дома твоей матери.

— Возможно, это не она.

Я смотрю на него. Я знаю, в моем голосе и глазах нетрудно прочесть отчаяние и надежду.

— Да, может быть не она, — медленно говорит он. — Но что, если это она?

Я пожимаю плечами, как будто мне все равно, хотя на самом деле мне вовсе не все равно.

— Ну тогда это будет означать, что я нашла свою мать.

Мы оба уставились прямо перед собой и просидели так какое-то время в полной тишине.

— Ну что, готова? — спрашивает он.

— Готова.

Джордан заводит машину и выезжает на дорогу, спустя мгновение он поворачивает на подъездную дорожку у красного кирпичного домика.

Я поворачиваюсь к нему.

— Ты пойдешь со мной?

— Конечно, — улыбается он.

Глубоко вдохнув, я надеваю солнечные очки и выхожу из машины.

Я замедляю свои шаги в нерешительности, достигнув ступенек веранды. Джордан берет меня за руку и тянет вперед.

Подойдя к входной двери, Джордан не выпускает мою руку из своей. Затем он наклоняется и жмет кнопку звонка. Аромат его лосьона после бритья, что окутал меня, немного успокаивает и придает сил.

— Что мне сказать? — шепчу я.

— Просто спроси, живет ли тут Анна Монро, а дальше посмотрим.

Встретившись с ним взглядом, я киваю.

Затем я слышу шаги, раздающиеся в коридоре дома. Кто-то подходит к двери. Все мое

тело натягивается, как струна. Джордан крепко сжимает мою руку, чтобы придать мне смелости.

— Все в порядке. Я буду рядом, — тихонько шепчет он.

Дверь открывает китаянка.

Нет. Это не она.

Не странно ли, что я почувствовала облегчение от мысли о том, что это не она?

Совершенно однозначно моя бледная кожа, голубые глаза и светлые волосы не оставляют сомнений в том, что моя мать не может быть китаянкой. Если только она — не Анна Монро.

Мне надо, чтобы она это подтвердила, и тогда мы сможем спокойно убраться отсюда.

— Чем могу помочь? — спрашивает она, переводя взгляд с меня на Джордана и обратно.

— Я бы хотела... ээ, — я откашливаюсь. — Я, эээм... — почему я не могу заставить себя произнести это?

— Живет ли тут Анна Монро? — слышится голос Джордана.

Она, моргая, продолжает смотреть на нас с Джорданом.

— Да, — медленно отвечает она.

— Не могли бы мы с ней поговорить?

— А кто вы?

— Извините. Меня зовут Джордан, а это Мия.

Она качнулась на месте и скрестила руки на груди.

— Я — Анна Монро.

Я с шумом выдохнула воздух, который и не заметила, что держала в себе, затаив дыхание, и поддалась порыву бежать отсюда. Повернувшись, я выдергиваю свою руку из ладони Джордана и бегу обратно по дорожке, оставив их обоих позади.

Я знаю, мне не следовало так бросать Джордана, но мой мозг отключился, и я не в состоянии была остановить свои движущиеся ноги.

Мое сердце сумасшедше бьется о грудную клетку. В висках стучит кровь. И все, чего мне сейчас хочется — это наесться. А затем очистить желудок.

Мне это просто необходимо.

Забираясь обратно в Мустанг Джордана, где я чувствую себя в безопасности, я срываю с себя солнечные очки и крепко сжимаю руки, пытаюсь унять свое рвущееся из груди сердце и привести свои чувства в порядок.

Через несколько минут в машину садится Джордан. Он поворачивается ко мне.

— Значит... она не твоя мама.

— Откуда такое заключение?

Я в данный момент могу только либо плакать, либо смеяться. Мне не очень хочется разреваться сейчас прямо перед Джорданом, поэтому я выбираю смех. Он вырывается из моего горла. Я знаю, что, скорее всего, кажусь умалишенной, но я правда не могу остановиться, и меня это даже не беспокоит.

Когда я наконец снова могу владеть собой, вытирая тыльной стороной руки выступившие от смеха на глазах слезы, я замечаю, что Джордан рассматривает меня с таким выражением лица, какого я никогда не видела у него раньше.

Никто никогда не смотрел на меня так, как он смотрит на меня в данную минуту. Как будто я ему не безразлична. Совсем не безразлична.

Он перестает смотреть на меня так пристально, на его губах появляется ехидная улыбка.

— Кажется, ты неплохо справляешься с первой неудачей в своем поиске.

Его улыбка заставляет меня снова рассмеяться.

— Прости, что оставила тебя одного там, у двери. — Я машу рукой в сторону дома, все еще не в силах восстановить свое дыхание после того сумасшедшего смеха.

— Все нормально. Нам пора выбираться отсюда. — Он заводит машину. — Давай перекусим где-нибудь?

Еда. Это не самый лучший вариант для меня в данный момент.

— Я не голодна. — Я пристегиваюсь ремнем безопасности.

— Зато я голоден. Ты можешь просто посидеть и посмотреть, как я ем. — Он снова обнажает свои белые зубы в улыбке, и я до того ослеплена ею, что даже не спорю.

Мы заехали в кофейню, в которой Джордан раньше очень часто бывал. Как выяснилось, в этом заведении готовили самый вкусный лаймовый пирог в мире.

Мне пришлось поверить Джордану на слово, так как мне совсем не хотелось есть. Не в присутствии Джордана, по крайней мере. Я боялась, что если я начну есть, то потом не смогу остановиться, и тогда ему откроется та часть меня, которую я никому не хочу показывать, особенно ему.

— Выходит, мы зря сюда приехали, — вздыхаю я.

— Зависит от того, как на это посмотреть.

Я ставлю локти на стол и упираюсь подбородком в свои руки.

— И как ты на это смотришь?

Он откидывается назад на своем сидении.

— Одной Анной Монро в нашем списке стало меньше. Теперь у нас только две претендентки. Выходит, шансы пятьдесят на пятьдесят, что следующая Анна Монро, которую мы выберем, окажется твоей мамой.

Или ни одна из них не окажется моей матерью.

— И также, приехав сюда, я снова могу полакомиться своим любимым лаймовым пирогом. Так что назовем это — проигрыш и выигрыш.

— Ты на все вещи смотришь подобным образом?

Его глаза потемнели.

— Нет, не на все.

Он через стол наклоняется ближе ко мне и приглушенным голосом продолжает:

— Только на те вещи, которые невозможно изменить. Но когда есть что-то, чего я очень сильно хочу... я это получаю.

Я с трудом сглатываю. Моя кожа начинает гореть, заставляя мой пульс участиться.

Этот напряженный момент прерывает подошедшая официантка, принеся наш заказ — кофе и пирог для Джордана.

Я чувствую облегчение.

И разочарование.

Он, совершенно однозначно, без сомнений, флиртовал со мной.

Я вовсе не жалею. Это всегда приятно, когда кто-то, такой красивый, как Джордан,

начинает с тобой флиртовать. Но, кажется, я начинаю понимать, что именно меня настораживает — это то, что я не знаю, что для него значит этот флирт. И даже более, я не знаю, что бы я хотела, чтобы он значил для меня.

— Ну, как пирог? — спрашиваю я, наблюдая, как Джордан уплетает его за обе щеки. Как будто это не просто пирог, а настоящая пицца богов.

— Очень вкусно, — отвечает он с набитым ртом. Да, то, как он это сказал, и правда заставляет мой рот наполниться слюной. — Хочешь попробовать? — он протягивает мне вилку с кусочком пирога.

Я качаю головой.

— Ты отказываешься от самого лучшего пирога, какой когда-либо тебе доводилось пробовать в жизни. — Он, поддразнивая, водит вилкой из стороны в сторону перед моим носом.

Рассмеявшись, я снова качаю головой.

Он тоже ухмыляется и отправляет вилку с ее содержимым в рот, издавая немного преувеличенный возглас наслаждения.

На какую-то долю секунды я возжелала быть той вилкой.

Со мной однозначно что-то не так.

Я кладу немного сахара в свой кофе.

— Спасибо, что приехал сюда со мной. Я это очень ценю.

— Мы ведь друзья. А друзья всегда помогают друг другу.

— Мы друзья? — переспрашиваю я, не в силах скрыть улыбочку, что появилась на моих губах.

Он изгибает свою бровь.

— А мы разве не договорились уже об этом?

Я подношу кружку с кофе к своим губам и дую на горячую жидкость.

— Я не помню такого, нет.

— Ну тогда с этой минуты мы будем считаться друзьями. — Он снова погружает вилку в свой пирог. Взгляд его глаз искрится весельем. — Теперь мы друзья.

С взаимовыгодой?

Черт, не могу поверить, что я только что правда об этом подумала.

— Ну и ну... Джордан Метьюс. Не ожидал снова увидеть тебя в наших краях.

Я поворачиваю голову и вижу парня, телосложением и ростом примерно с Джордана, с бритой головой и с татуировками, что покрывают его руки, словно рукава. Он направляется в нашу сторону.

Позади него я вижу двух других парней, оба высокие и худощавые.

Уголком глаза я замечаю, что хорошее настроение Джордана куда-то испарилось. Все его тело напряглось и вытянулось.

Воздух моментально наэлектризовался, и звук вилки Джордана, заскрежетавшей по тарелке, заставляет меня подскочить на месте.

— Разворачивайся нахрен и уходи, Донни, — сквозь стиснутые зубы говорит Джордан. То, с какой злостью он это произнес, насторожило меня.

Донни ухмыльнулся. Он взял стул от свободного стола и, придвинув его к нашему столику, сел на него верхом.

Разглядев Донни поближе, я заметила татуировку у него на шее, которая гласила: «Иди в задницу».

Миленко.

— Это так ты приветствуешь своих старых друзей, — говорит он.

Джордан натянуто смеется.

— Друг — это самое последнее, кем я мог бы тебя назвать.

— Ты разбиваешь мне сердце, Метьюс, — Донни хлопает себя по груди в области сердца и затем переводит свой взгляд на меня. — А это кто у нас здесь?

От того, как он оглядел меня, в моей голове забил сигнал тревоги. Мне очень знаком подобный взгляд. Я часто наблюдала подобный у Форбса.

Я крепко сцепила руки у себя на коленях.

— Ничего не отвечай ему. — Мои глаза метнулись к Джордану. Он в упор смотрит на меня чуть больше секунды, стараясь сообщить мне что-то своим взглядом, но я до конца не могу понять что.

Затем он поворачивается к Донни.

— Не смей даже разговаривать с ней, иначе я...

— Иначе ты что? — Донни наклоняет голову набок. — Что же ты сделаешь, Джордан? Натравишь на меня своего папочку?

Джордан с силой стискивает челюсть.

— У тебя есть ко мне претензии, — резко говорит он, — поэтому давай выскажи все что хочешь, а затем вали обратно в свою пещеру, ты, вонючий кусок дерьма. Не впутывай ее во все это.

Донни снова ухмыляется.

— Ну и ну! Полегче. Тебе эта цыпочка, кажется, реально нравится. Никогда не думал, что доживу до этого дня. Разве твой девиз не «трахай их медленно, бросай их быстро»? Хотя, могу сказать, что я с тобой согласен насчет этой... она — горяченькая штучка.

— Как и твоя бывшая девушка, — отвечает Джордан.

Лицо Донни окаменело, и на какую-то долю секунды мне показалось, что он сейчас ударит Джордана.

Вместо этого его глаза снова скользнули по мне. Он оглядывает всю мою фигуру тщательно и с вождением. У меня все внутренности похолодели от этого взгляда.

— Сучка, когда он отымеет тебя и выбросит, приходи ко мне, и я покажу тебе, что такое настоящий секс.

Джордан соскакивает со своего стула, из-за чего стул с грохотом опрокидывается на пол. Все взгляды в зале прикованы к нашему столику.

— Я сказал: оставь ее в покое! — Джордан кипит от злости.

Донни медленно поднимается на ноги, отставляя свой стул в сторону. Взгляд, который он послал своим друзьям, заставил их тоже подняться. Обстановка накалилась. Я вся начинаю дрожать при мысли о том, что может сейчас произойти.

— Пойдем, — обращается ко мне Джордан отрывистым голосом и протягивает руку.

Я смотрю на Донни, который меряет Джордана тяжелым взглядом. Затем беру Джордана за руку и встаю.

В тот момент, когда моя кожа прикоснулась к его, мне удалось почувствовать всю ярость Джордана, что клокотала внутри него. Она проходила по его телу волнами и передалась мне.

Удивительно, но мне не было страшно. Я больше не беспокоилась о том, что может произойти, когда мы выйдем из кафе, и я останусь с ним наедине. То, что я сейчас чувствую,

мне в новинку.

Я чувствую себя в безопасности в его руках.

Я не сомневаюсь, что Джордан не причинит мне боли. И я отчего-то знаю, что он не позволит кому-либо обидеть меня.

Джордан тянет меня за руку, направляясь к выходу из кафе и подальше от Донни.

— Как дела у твоего отца? — кричит Донни вдогонку.

Джордан резко останавливается. Я впечатываюсь ему в спину. Его рука крепко сжимает мою, причиняя немного боли.

— Я слышал, его лишили значка полицейского. Какая жалость для такой добросовестной и усердной свиньи.

Джордан поворачивается, отодвигая меня себе за спину.

Донни и его дружки стоят посередине кафе. Между нами всего пара столов. Я могу безошибочно определить по их виду и языку жестов, что они ищут драки.

И то, как Джордан клокочет от ярости, говорит о том, что он намерен предоставить им такой шанс.

— Готов поспорить, что ты очень сильно хочешь вмазать мне, не так ли? — Донни в улыбке оскалил зубы. — Как насчет того, что я позволяю тебе ударить меня первым. Только ты и я, один на один. Что скажешь? Победителю достанется твоя девчонка.

Донни небрежно кивает в мою сторону, взгляд его глаз отвратителен.

Он думает, что этим задевает меня. Но он ошибается. Я выросла, испытывая вещи и похуже. Но он однозначно задел Джордана. Я чувствую, насколько глубоко его задела слова Донни.

Джордан засовывает руку в карман, затем вкладывает мне в руку что-то, что похоже на ключи от машины.

Я смотрю на него в недоумении.

— Иди в машину, — говорит он хриплым голосом. — Садись и заблокируй все двери. Если я не приду через пять минут, то езжай обратно в Дюранго. Не вздумай идти обратно в отель, иди лучше в ресторан к Бет.

Я сжала ключи в своей руке.

— А дальше что?

— А дальше... — он медленно качает головой.

Инстинкт самосохранения подсказывает мне делать так, как говорит Джордан — покинуть это кафе. Но разве я когда-то слушалась своего инстинкта самосохранения?

— Я не уеду отсюда без тебя. — Я вздергиваю подбородок и кладу свою ладонь ему на руку.

Я, в здравой памяти и уме, по собственной воле дотрагиваюсь до мужчины, пребывающем в ярости. Для меня это большой прорыв. Огромный, я бы даже сказала.

Джордан сверкнул глазами, но это меня не испугало.

— Не поддавайся на его провокации. Тебе не нужно драться с этим парнем.

Он закрывает глаза, как будто от боли.

— Ты не понимаешь.

— Ну, ты закончил нашептывать всякую милую чепуху этой обладательнице аппетитной попки? Может, начнем уже? — Донни стал щелкать костяшками пальцев.

Джордан отрывает от меня свой взгляд и переводит его на Донни, в нем сквозит презрение.

Я вижу, как некоторые посетители кафе покидают помещение через заднюю дверь.

— Уходите или я вызову полицию, — раздается дрожащий женский голос, скорее всего официантки, позади нас.

— Ну и вызывай, красотка, — смеется Донни, — Я покончу с ним до того, как приедут копы.

Игнорируя всех вокруг, я смотрю только на Джордана.

— Джордан, — он снова смотрит на меня, — может быть, я и не понимаю, но мне и не нужно ничего понимать, потому что я знаю, что насилием никогда не решить проблему.

Драка не поможет уладить то, что происходит между вами.

Он не мигая смотрит на меня. Я вижу в его глазах пляшущий огонь ярости.

Прошла, казалось, целая вечность, прежде чем он шумно выдохнул и ответил:

— Ну хорошо.

Я готова была захлопать в ладоши от облегчения, когда он снова взял меня за руку, забрав у меня ключи.

— Не сегодня, Донни, — повернувшись, бросает он на ходу, ведя меня за руку за собой.

— Чего? Ты уходишь?! Ты — гребаный трус, Метьюс! Чертов гребаный трус!

Мое сердце стучит так сильно, я боюсь, что Донни не позволит Джордану так просто уйти и, скорее всего, последует за ним.

Проходя мимо официантки с круглыми, словно блюдца, глазами, Джордан вытаскивает несколько купюр из кармана и кладет их на барную стойку.

— Извините, пожалуйста, за доставленные неудобства, мэ.м.

И вот наконец мы вышли.

Я оглядываюсь через плечо, чтобы посмотреть, идет ли Донни за нами. Нет.

Джордан сжимает мою ладонь и тащит меня веред.

— Он не будет нас преследовать. Несмотря на его бравладу, он — самый настоящий гребаный трус. Он пытался меня спровоцировать там в кафе потому, что ему нужны были свидетели. Он хочет, чтобы я первым напал на него, чтобы таким образом исказить эту историю и отомстить мне.

Я не спрашиваю, по поводу чего месть. Джордан сам мне расскажет, если захочет.

Мы достигли Мустанга за рекордно короткое время. Джордан открыл дверцу машины, пропуская меня внутрь.

Едва я пристегнула ремень, как вдруг услышала крик Джордана. Отстегнув ремень, я выпрыгиваю из машины как раз в тот момент, когда кулак Джордана с силой обрушивается на деревянный забор, что стоит вокруг парковки.

— Гребаный урод! Чертов гребаный урод!

Обычно в ситуациях, подобной этой, я была бы парализована от страха, но с Джорданом все по-другому. Мои ноги сами несут меня к нему, я даже не успеваю опомниться.

Он стоит, прислонившись лбом к забору, который он только что бил, рукой держась за вздымающуюся и опускающуюся грудь.

— Ты в порядке? — мягко спрашиваю я.

— Со мной все хорошо.

— Мне так не кажется.

— Я же сказал, что все хорошо.

— Можно я взгляну на твою руку?

— Зачем?

— Потому что ты только что отлупил забор, и будущий врач во мне хочет убедиться, что твоя рука не повреждена.

Он поворачивает голову в мою сторону. Его лицо искажено. Глаза холодны. Та теплота, что они постоянно излучали, исчезла.

— Мне не нужна твоя помощь, Мия.

Я чувствую, как мое лицо вспыхивает от его колючих резких слов.

Прочистив мое внезапно пересохшее горло, я отвечаю ему:

— Я не предлагаю тебе помощь. Я просто хочу удостовериться, что ты ничего себе не сломал. И больше ничего.

Он прикрывает глаза.

Отступив от забора, он подходит ко мне и протягивает свою пораненную руку.

Я беру ее в свои, пытаюсь не замечать необычные ощущения от его прикосновения, и принимаюсь осматривать его руку, чтобы удостовериться, что он ничего себе не сломал.

— Все в порядке, — я смотрю вверх на него пару мгновений спустя. — Твоя рука в течение нескольких дней будет опухшей и появится синяк. Тебе лучше всего приложить к ней лед, и нам также следует почистить рану, — я провожу кончиком пальца по его костяшкам пальцев.

Я поднимаю на него взгляд и обнаруживаю, что он внимательно меня рассматривает потемневшими глазами. Воздух между нами моментально наэлектризовывается. Мой пульс учащается. В животе порхают бабочки, и я вся словно горю.

И что же я делаю в этот момент?

Я отпускаю его руку и отступаю на шаг, увеличивая между нами расстояние.

Возможно, я и не боюсь Джордана, но я знаю, как ярость, смешанная с сексуальным возбуждением, действуют на мужчину.

Я не говорю, что мы с Джорданом собираемся заняться сексом. Я просто не хочу, чтобы и без того неловкая ситуация стала еще сложнее и запутаннее.

Он распрямляет свои пальцы.

— Все, что ты делаешь, — это помогаешь нам, Метьюсам, — от меня не ускользает то, как резко прозвучал его голос.

— Мне это не трудно, — я пожимаю плечами.

— Мия... — он откидывает здоровой рукой волосы со лба и громко выдыхает, — я извиняюсь, что ты стала свидетельницей подобной сцены. Нас с Донни объединяет одна большая и уродливая история. Я знаю, это не оправдание, но в данном случае у меня на выбор был либо этот забор, либо его рожа. Забор лучше, ведь, правда?

— Правда, — я улыбаюсь, — но я не думаю, что забор с нами согласен. Я указываю пальцем на вмятину, которую оставил в нем его кулак.

Тело Джордана начинает сотрясаться в беззвучном смехе. Его глаза тоже смеются.

Я позволяю себе скромное хихиканье.

— Не хочешь поговорить обо всем этом?

Его веселое настроение моментально улетучивается. Он рассматривает землю у себя под ногами в течение какого-то времени.

— Нет, — наконец говорит он, поднимая голову. — Сейчас все, чего я хочу — это напиться.

Еще немного рановато для посещения бара... но какая к черту разница. Напиться посреди белого дня — это тоже будет новая часть новой меня.

— Я согласна, — улыбаюсь я.

— Вот это я понимаю, моя девочка, — ухмыляется он.

Его девочка?

Его девочка.

Мия

Мы едем обратно в Дюранго и направляемся прямо в центр города, где расположены бары. Джордан сказал, что оставит свою машину на парковке на ночь, а мы возьмем такси, чтобы потом вернуться обратно в отель.

Это для меня впервые — зайти вечером в бар с намерением напиться.

Я вся в предвкушении. Ну ладно, даже более, не могу дождаться. У меня такое ощущение, что я собираюсь сделать что-то запретное.

Это на самом деле очень грустно, но это правда.

Джордан привез меня в бар, который так и называется «Бар». Я сижу за столиком в самом конце зала. Джордан ушел, чтобы купить нам что-нибудь выпить. Он платит за напитки в этот раз.

В следующий раз платить буду однозначно я.

Он возвращается, держа в руках четыре рюмки и две бутылки пива под мышкой. Кажется, нам предстоит настоящая пьянка.

— Текила, — говорит он, ставя передо мной две рюмки.

Я никогда не пробовала текилу, но, черт возьми, я же теперь новая Мия. Новая Мия — она пьет текилу.

Я беру одну из рюмок, но его голос останавливает меня.

— Сначала соль.

Присаживаясь напротив меня, Джордан берет солонку со стола.

— Руку, — требует он.

Я протягиваю ему свою правую руку.

Когда он берет ее в свою, мое тело моментально реагирует на его прикосновение легкими спазмами в моем самом интимном месте.

Он насыпает тонкую дорожку из соли на мою руку и говорит:

— Облизывай.

Святой Боже. Это прозвучало так сексуально.

Кажется, мне очень понравится пить текилу. Особенно если Джордан при этом будет говорить мне подобные вещи.

Я опускаю голову к своей руке и облизываю насыпанную на нее соль, как мне и сказали.

Джордан не спускает с меня своего взгляда. Я вижу, как его глаза вспыхивают в тот самый момент, когда мой язык касается кожи.

Возможно, я неправильно делаю, слишком медленно слизывая соль с руки, но просто мне очень нравится то, как это действует на него.

Когда соль наконец оказалась у меня во рту, растворяясь на языке, Джордан низким и охрипшим голосом говорит мне:

— А теперь опрокидывай рюмку.

Я снова беру одну из рюмок и, поднеся ее к губам, опрокидываю содержимое внутрь.

— Обалдеть, — у меня горит горло. Я прижимаю руку тыльной стороной к своему рту. Мои глаза наполняются влагой из-за обжигающего эффекта, что произвела на мои внутренности текила.

Джордан смеется.

— Запей пивом, это поможет облегчить жжение. Я забыл принести лайм.

Я делаю большой глоток пива.

Мои глаза все еще слезятся, поэтому я вытираю их руками, чтобы не дать влаге скатиться по моим щекам.

— Никогда не пила текилу до этого? — ухмыляется он.

Я покачала головой.

— Это мой первый раз.

— Ну и как?

— На вкус как дерьмо, — улыбаюсь я, — но пить можно. Я что, одна сегодня пью? — я киваю в сторону его нетронутых рюмок.

Он тряхнул головой и, одним быстрым движением насыпав соль себе на руку, тут же ее слизнул. Он опрокидывает свою рюмку текилы намного более привычным жестом, чем я.

Поставив рюмку обратно, он смотрит на меня веселым взглядом.

Я откидываюсь на спинку сидения, прихватив с собой бутылку пива, и принимаюсь отковыривать на ней наклейку.

— Похоже, что ты в этом настоящий профессионал.

— Ты имеешь в виду текилу?

— Угу, — киваю я.

— Да, я с алкоголем на «ты», что тут еще сказать. — Он улыбается и снова берет солонку в руки. — Ну что, замазать тебе еще раз?

Я вздрогнула. И он это заметил.

— Я имел в виду соль, Мия. Хочешь дорожку соли для следующей рюмки?

Смутившись, я заерзала на месте. Мое лицо горит от стыда.

— Эээ... да, — кусая себя за губу, я протягиваю ему руку.

Вместо того чтобы насыпать на нее соль, Джордан накрывает мою ладонь своей. Подобный жест, по идее, должен был заставить меня чувствовать себя неловко, но когда подобное исходит от Джордана, я так себя почему-то не чувствую. Он держит мою ладонь в своей очень нежно и бережно.

В первый раз в своей жизни я в прямом смысле слова нахожусь у мужчины в руках, и это не вызывает во мне страха. Даже наоборот, я чувствую некую связь между нами, такую, какую я себе даже вообразить не могла.

Разжимая немного свою руку, он переворачивает мою ладонь и проводит большим пальцем по моей открытой ладони. Это прикосновение оставляет за собой шлейф из покалывающих и обжигающих ощущений.

Подняв голову, я встречаюсь с Джорданом глазами. Не отводя от меня взгляда, он пробегает своими пальцами до моего запястья и отводит мою руку немного в сторону.

Он кладет свою руку рядом с моей, ладонь к ладони. Его пальцы слегка касаются места на моем запястье, где у меня бьется пульс.

Я могу только надеяться, что он не чувствует, как сильно он бьется, заставляя мою кровь кипеть в жилах.

Наклонив солонку над нашими сомкнутыми руками он насыпает две дорожки соли.

Одну на мою руку. Другую на свою.

— Ты не против, если я...? — он наклонил голову в сторону наших рук.

Не совсем уверена, что понимаю, чего именно он хочет, я вопросительно поднимаю одну бровь.

— Соль?

Все еще находясь в замешательстве, я все же киваю головой, потому что не хочу выглядеть тупицей. Я очень надеюсь, что, дав свое согласие, я не буду выглядеть глупо в его глазах.

Затем Джордан делает нечто, что навсегда останется в моей памяти как самый возбуждающий и интимный момент в моей жизни.

До меня доходит весь смысл его вопроса, когда Джордан наклоняется вперед и слизывает соль с моей руки. Очень медленно.

Святые небеса.

Не поднимая головы, Джордан смотрит на меня исподлобья через свои густые темные ресницы. Его взгляд заставляет меня трепетать.

— Теперь твоя очередь.

Что? Он хочет, чтобы я слизала соль с его руки?

Ну и ну.

Слизывать соль — это очень сексуально. А я совсем не сексуальна. Я вообще не понимаю, как быть сексуальной.

Ну нет, в самом деле, я справлюсь. Я же теперь новая Мия. Я могу слизать соль с руки Джордана. Запросто.

Сделав глубокий вдох, я наклоняюсь вперед и самым кончиком языка слизываю соль.

Но все, что мне удалось распробовать — это его вкус. Я не чувствую вкус соли. И теперь мне не хочется пить текилу и разбавлять ею его вкус в моем рту.

— Пей, — говорит Джордан, и его голос звучит хриловато.

Прильнув губами к рюмке, я опрокидываю ее одновременно с ним.

Он выпускает мою руку из своей.

Я чувствую себя обездоленной без его прикосновения, у меня слегка кружится голова от выпитого, и я начинаю сомневаться, что все это на самом деле происходит со мной.

Мои руки больше не слушаются команд мозга. Я тянусь к своей бутылке пива.

— Во второй раз легче? — спрашивает Джордан, его голос звучит так, как будто мы только что не слизывали соль с рук друг друга. Хотя, может быть, это вполне нормальное времяпровождение для нормальных людей. Откуда мне знать?

Откашлявшись, я стараюсь, чтобы мой голос звучал беззаботно:

— Намного легче.

Он улыбается.

Я снова начинаю отковыривать этикетку со своей бутылки.

— Так значит... — произносит Джордан.

— Так значит..?

— Я думаю, что мне следует объяснить тебе то, что произошло сегодня в кофейне.

— Только если ты сам этого хочешь.

На его губах проскальзывает еле уловимая улыбка.

— Помнишь, я говорил тебе, что раньше увлекался азартными играми?

Я кивнула.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Он опускает глаза себе на руки.

— После смерти моей матери у меня основательно снесло крышу. Мне всегда нравилось играть в карты... но после ее смерти мое увлечение приняло новый оборот. Я стал играть намного больше и намного чаще, чем раньше. Вначале удача была на моей стороне, и я постоянно выигрывал, а потом она от меня отвернулась. Я пытался отыграться, чтобы вернуть то, что проиграл, но, прежде чем успел опомниться, я уже проиграл очень много денег, которые не в состоянии был выплатить.

— Ты задолжал денег Донни?

Он натянуто рассмеялся.

— Нет, Донни — просто пешка. Я задолжал денег парню, на которого работал Донни — Макс. Я был завсегдаем нескольких игорных домов в Фармингтоне, затем я стал играть в покер в одном из заведений, что принадлежало Макс. Тут в Дюранго не так уж много мест для таких заядлых игроков в карты, как я. Как я был, — поправил он себя. — Зато в Фрамингтоне... там было очень много заведений для опытных и азартных игроков.

Он наклоняется поближе, уперев в стол свои локти, и трет лицо одной рукой. Затем он сцепляет руки вместе и смотрит вниз.

— Мне очень жаль, что ты оказалась втянутой во все это, Мия.

Так вот почему он не хотел называть Донни мое имя. Он не хотел, чтобы эти ужасные люди знали, кто я такая. Он пытался защитить меня.

От этой мысли становится тепло на душе.

— Ничего страшного. Самое главное, что с тобой все в порядке. — Я ставлю свою бутылку пива обратно на стол. — Ты все еще должен им денег? Из-за этого он пытался затеять с тобой драку?

Если это так, то я выплачу его долг. Я могу себе это позволить. Джордан ведь так хорошо относился ко мне все это время, помогает найти мою мать, и, в конце-то концов, я могу потратить деньги Оливера на что-то стоящее. Помочь Джордану выплатить его долг — это очень стоящая вещь для меня.

— Нет, мой долг был выплачен сполна. — Он снова трет рукой лицо. — Мой отец... он оплатил мой долг деньгами, полученными от выплаты за страховку моей матери.

Ах. Точно.

Теперь понятно, откуда у него взялось это чувство вины.

Я пытаюсь придумать что-нибудь подходящее, что можно сказать в такой момент, что-то, чтобы приободрить его, но, как назло, ничего достойного на ум не приходит. Поэтому я говорю единственное, что могу сказать в данной ситуации:

— Мне так жаль, Джордан.

Он делает глоток пива. Вытерев влажные губы тыльной стороной руки, он трясет головой.

— Не нужно меня жалеть. Я не заслужил даже жалости. — Он прикрывает глаза. — Помнишь я говорил, что мой отец раньше был копом?

Я киваю и делаю глоток пива.

— Еще до того, как отец выплатил мой долг, до того, как он вообще что-либо узнал о моем пристрастии к азартным играм и о том, насколько я влип, я как-то раз тусовался в одном баре. Не в этом баре, — добавил он, как будто это могло иметь какое-то значение. — Я зашел пропустить по стаканчику со своими приятелями и позже, вечером я... ээ, собирался

уйти с... одной девчонкой. — Он почесал подбородок, выглядя немного неловко.

Я стараюсь не замечать неприятное чувство, что появляется у меня внутри при мысли о Джордане, покидающем бар с какой-то другой девчонкой, с которой он, без сомнения, хотел заняться сексом.

— Мы направлялись к такси, когда на меня напал Донни и парочка его дружков. Они собирались надрать мне зад в качестве напоминания о невыплаченном долге, а я попытался дать им сдачи — в чем и заключалась моя ошибка. Просто я не тот, кто безропотно подставит правую щеку, когда тебя бьют по левой. — Он пожимает плечами. — И я... в пылу драки, желая разозлить Донни посильнее... упомянул, что занимался сексом с его девушкой.

— А ты, правда, занимался?

— Правда.

У меня похолодели внутренности.

— Оу.

— Это было всего один раз. По ошибке, — вздыхает он, — но после того как я это упомянул... короче, именно после этих слов Донни достал бейсбольную битку.

— Какой кошмар! — ахнула я, закрыв глаза и почувствовав всю его боль, как будто свою собственную. Уж мне ли не знать, насколько ужасными могут быть побои. Особенно когда в дело идет какое-либо оружие.

— И в общем, — он запустил руку в волосы, — девчонка, что была со мной, бросилась обратно в бар, позвала моих приятелей и вызвала полицию...

И невысказанное продолжение я могу прочитать по его глазам.

— Приехал твой отец?

— Ага. В него как будто что-то вселилось, когда он нашел меня в том плачевном состоянии, в котором эти ублюдки оставили меня. Они смылись в ту же секунду, как слышали вой сирен, но мой отец этого просто так не оставил. Вскоре он настиг Донни, успевшего удрать за пару кварталов от места происшествия, и... — он делает глубокий вдох, — он все дерьмо из Донни вытряс, который к тому моменту был безоружным. Он выронил битку, пока удирал. Мой отец избил Донни. Очень сильно избил. Он места живого на нем не оставил.

Джордан ищет глазами мои.

— Пойми, Мия... мой отец... он по природе вовсе не склонен к насилию. Он совсем не такой. Он — хороший человек. Очень хороший. Самый лучший. И он заслужил иметь более достойного сына, чем я. Просто... ну, мама тогда еще совсем недавно умерла, а я был его единственным сыном. Я думаю, что он просто слетел с катушек, когда увидел меня тем вечером.

Я кивнула, чтобы дать ему понять, что я все понимаю. Я могла только мечтать, чтобы мой отец был таким же заботливым и любящим, как у Джордана.

— Отца отстранили от работы, пока шло следствие, — Джордан откинулся на спинку сидения и потер глаза. — А после следствия его признали виновным, лишили значка полицейского и забрали пистолет. Он никогда больше не сможет работать в полиции, и все из-за меня. — Он поднял свою бутылку в издевательском тосте, затем прижал к губам и запрокинул голову.

— А Донни, был ли он как-то наказан за то, что сделал с тобой?

Джордан безрадостно хмыкнул.

— Ему дали год условного заключения.

— А тебе все равно пришлось выплатить долг?

— Угу. Донни и его парни надрали мне зад, но это не означало, что мой долг Максу просто взял и испарился. Поэтому моему отцу пришлось снова вмешаться. Он выплатил мой долг, плюс проценты. А я начал посещать клуб анонимных игроков и постепенно избавился от своей зависимости. Я до сих пор посещаю эти встречи. — Его глаза снова ищут мои, как будто для него это очень важно, чтобы я это знала. — И теперь мы на мели. Стараемся всеми силами держать отель на плаву. А Донни все еще жаждет моей крови за то, что мой отец сотворил с ним, и за то, что я переспал с его девчонкой. — Он слабо улыбается и ставит бутылку обратно на стол.

Игнорируя тупую ноющую боль, которая возникает уже в третий раз при упоминании Джорданом о его прошлой сексуальной активности, я наклоняюсь вперед и кладу руки на стол.

— Мне правда очень жаль, что с тобой случилось подобное.

— Это со мной не случилось. Все, что произошло, было по моей собственной вине. Я сам разрушил свою жизнь и жизнь отца.

— Твоя жизнь не разрушена, и, я уверена, жизнь твоего отца тоже.

— Нет, разрушена, и я сам ее разрушил. Я — нехороший человек, Мия. — Он трясет головой, откидываясь назад.

Я чувствую, что он закрывается от меня, и мне не нравится это чувство.

— Но ты всегда был хорошим со мной, — настаиваю я.

Он снова невесело рассмеялся.

— Ты, наверно, единственный человек во всей вселенной, который может заявить подобное. — Он не мигая смотрит на меня. — И я для тебя ничего особенного не сделал, Мия. Ничего особенного. — Он отводит свой взгляд. — Во мне не осталось ничего хорошего, поверь мне.

— А я думаю, что в тебе очень много хорошего, — не соглашаюсь с ним я.

Очень много.

Он снова смотрит на меня. Его глаза потемнели и сверкают от злости.

— Ты не слышала, что я до этого тебе говорил? Я все испортил. Я сломал жизнь отцу.

— Нет. То, что сделал твой отец, — это было его собственным выбором.

— По моей вине. — Я вижу, как он закипает от злости.

Обычно, когда ситуация доходит до подобного момента, я сдаюсь, соглашаюсь и затыкаюсь. Хотя я никогда не заходила так далеко ни в одном споре. Но с Джорданом я знаю, что могу высказывать свою точку зрения, и поэтому я не собираюсь сдаваться. Только не в этот раз.

— Каждый ответственен за свои собственные поступки.

— Я веду беспорядочную половую жизнь. Я использую женщин только для секса, а потом избавляюсь от них, как от мусора.

У меня перехватило дыхание в груди, и ревность, которую я по идее вообще не должна испытывать, обрушилась на меня со всей своей яростью.

Джодан хватает свою бутылку пива и делает глоток. Он смотрит мне прямо в глаза, как будто ждет, чтобы я первая отвела взгляд. Но я не отвожу.. потому что не в силах сделать это.

Его исповедь никак не сочетается с тем Джорданом, которого я знаю. Хотя разве можно узнать кого-то от и до?

Я знаю это лучше, чем кто бы то ни было.

Но то, что раздражает меня больше всего, так это дурацкий слабый голосок, что постоянно звучит в моей голове. Голос, который все время вопрошает: почему Джордан, будучи таким, каким он себя описал, все еще не начал подкатывать ко мне?

Мне не нравится, что меня посещают подобные мысли. Мне не следует желать, чтобы он начал подкатывать ко мне. Но мне хотелось... я и сейчас этого хочу.

Я чувствую, как зашевелились волоски у меня на руках.

Барабаня пальцами по столу, я старательно пытаюсь скрыть свои чувства.

— Что ты этим хочешь сказать?

Мой вопрос застает его врасплох. Я вижу это по его округлившимся глазам.

Справившись со своим удивлением, он выпрямляет спину, как будто готовится ко второму раунду в нашем споре.

— Я хочу сказать... что я ответственен за все свои действия. И они не являются действиями хорошего человека.

Он пытается выставить себя передо мной в негативном свете. Почему?

Я пожимаю плечами, стараясь выглядеть беспристрастной, хотя на самом деле так себя не чувствую. Затем, используя его собственные слова, что он сказал мне в кофейне, я отвечаю:

— Это зависит оттого, как на это посмотреть.

Его брови ползут вверх.

Я завладела его вниманием.

Он наклоняется вперед, сложив руки на столе.

— И как ты на это смотришь, Мия?

Боже, мне безумно нравится то, как он произносит мое имя.

— Ну... мне ты представляешься «проигрыш/выигрыш» вариантом. Я была знакома с парнями, которые совершали поступки намного хуже, чем просто спать с множеством разных женщин.

Ну ладно, Форбс и этим грешил, но этот факт не поможет мне яснее выразить свою точку зрения, поэтому я просто попыталась поскорей об этом забыть.

Его брови сходятся на переносице.

— Твой бывший?

Я делаю глубокий вдох.

— Мой фингал под глазом был далеко не первым. — Я потеряла руку, по которой внезапно побежали мурашки.

Я замечаю, как напряглась челюсть Джордана после моих слов.

— Как часто? — его слова звучат резко.

— Эээ... — я пожимаю плечами, которые вдруг отяжелели. Моя уверенность в себе начинает таять. В мою голову врываются непрощенные воспоминания. Расплывчатые, размытые воспоминания, в которых мелькает два лица. Оливера... И Форбса.

Я, впечатанная в стену.

Брошенная на пол.

Прижатая к кровати.

Сброшенная с лестницы.

Удар.

Пощечина.

Пинок.

Толчок.

Избита.

Сломанные ребра, запястья, пальцы..

Разбитое сердце. Не подлежит восстановлению.

Сломлена.

Унижена.

С болью.

Постоянно.

Это никогда не прекращалось.

Никто никогда не приходил мне на помощь...

— Мия, — я почувствовала, как Джордан сжал мне руку.

Я заморгала глазами.

— Господи! С тобой все в порядке? — его голос тверд и нежен одновременно.

— Да, я... ах. — Я прижимаю руку к своей щеке, желая стереть те эмоции и чувства, что написаны на моем лице.

— Ты снова ушла на какое-то время в себя. Где ты была? — мягко спрашивает он.

Прикрыв глаза, я медленно качаю головой и высвобождаю свою руку из его.

Я слышу, как скрипят его стиснутые зубы, в то время как он произносит:

— Как часто он обижал тебя?

Проглотив свой стыд, я тихо отвечаю:

— Регулярно.

Его лицо окаменело. Затем на нем отчетливо отражается боль.

— Почему ты не ушла от него? — это прозвучало больше как мольба, чем как вопрос.

— Долго рассказывать.

— У нас есть вся ночь... неделя... год.

— Не стоит тратить свое время на мою историю.

Он снова запускает руку в свои волосы.

— Но ты ведь ушла. Приехала сюда. Что послужило толчком?

— Он пытался меня изнасиловать.

Я замечаю, что мои слова подействовали на него как удар по лицу. Он отпрянул, и костяшки его пальцев побелели от того, как он вцепился в край стола.

Между нами повисла напряженная пауза.

Меня начало тошнить. Меня прошиб холодный пот. По телу пробежала дрожь и осела где-то глубоко в моем желудке. Меня поглотил страх и ненависть к самой себе.

Мне нужна еда. И уединение.

Сейчас же.

Я сжала кулаки, и ногти впились в мою ладонь, в попытке совладать с собой и необходимостью вскочить с места и нестись в ближайший супермаркет.

Джордан все это время смотрел на меня не отводя глаз. В них сменяли друг друга тысяча эмоций. Я не хочу смотреть ему в лицо в данный момент, но при этом не могу заставить себя отвести глаза.

— Что он пытался сделать? — Я не знаю, произнес ли он эти слова вслух или прошептал их одними губами, так как мои уши заложило от напряжения.

Я закусила верхнюю губу. Я моргнула. Затем еще раз.

— Он пытался... изнасиловать меня.

— Какого черта, — гневно прошептал Джордан. Расставив локти на столе, он уронил свою голову на руки.

Мне не следовало ему это говорить. Зачем я только сказала?

Я съежилась на своем стуле, мечтая просто взять и исчезнуть. Мне очень хочется повернуть время вспять.

Атмосфера испорчена. Воцарившаяся тишина больно ранит.

Больше не в силах это выносить, я отодвигаю свой стул.

Джордан вскинул голову на звук отодвинувшегося стула.

— Куда ты собралась?

— Я... эээ, — я смотрю в сторону выхода.

Его взгляд следует за моим, затем он снова смотрит на меня.

— Не уходи. — Он с шумом выдыхает воздух и сдавливая пальцами виски. — Извини, я до сих пор не могу справиться с этой новостью... Просто я... — он затряс головой, наклоняясь в мою сторону, — Боже, Мия, я просто не могу думать о том, что кто-то пытался обидеть тебя... подобным образом, да вообще любым образом.

Из-за его слов у меня сбивается дыхание. Его слова много значат для меня, намного больше, чем мне того хотелось бы.

Его глаза, внимательно всматривающиеся в мое лицо, смягчаются.

— Что я могу сделать... чтобы помочь тебе?

А от этих слов у меня сжалось сердце.

— Ничего. — Я с трудом сглотнула комок, застрявший в горле. — Со мной все в порядке.

— С трудом верится. В твоих глазах ясно читается, что ты далека от того, чтобы быть в порядке. — Черты его лица стали жестче. — Скажи мне, где он живет.

— Ч-что? Зачем?

— А как ты думаешь?

Я напряглась.

— Джордан, я тебе рассказала не для того, чтобы ты поехал и избил его. — А для чего я ему рассказала? — Я рассказала тебе потому что.. — я покачала головой, — я не хочу, чтобы ты бил Форбса.

Он нахмурился.

— Так, значит, его зовут Форбс?

До меня доходит, что впервые почти за целую неделю я произнесла его имя. И я начинаю лихорадочно соображать, чем чревато то, что Джордан знает теперь его имя.

Я ничего не говорю в ответ.

Он отводит взгляд и ставит локти на стол, снова упираясь подбородком в ладони. Напряжение исходит от него почти что физически ощутимыми волнами.

Слегка наклонив голову набок, он снова поднимает на меня свои глаза. В них читается уязвимость, что невероятно удивляет меня.

— Я должен что-то предпринять, Мия.

— Зачем? — произношу я тихо.

— Затем, что... я просто должен, — мягко отвечает он.

— Ты и так делаешь достаточно. Ты стал мне другом. А это уже очень много.

— Мне надо сделать намного больше.

— Нет, — я покачала головой, пододвинувшись на самый краешек своего сидения, — мне не нужно большего. Мне вообще не следовало тебе об этом говорить. Это было ошибкой.

Он сощурил глаза.

— Ты не права. Единственная твоя ошибка заключается в том, что ты не рассказала мне об этом раньше. — Он протягивает руку и берет мою ладонь в свою, таким образом удерживая меня на месте.

Я стараюсь не замечать то, как действует на меня его прикосновение. Возбуждая в моей груди боль желания обладать чем-то, чего я никогда не желала ранее.

— Жаль, что ты не рассказала мне об этом раньше, — тихо добавил он.

Он нежно водит своим большим пальцем по внешней стороне моей руки. Он, скорее всего, делает это неосознанно, но это маленькое движение так много для меня значит.

Прикосновения противоположного пола ко мне никогда не были нежными. Ничего подобного не было. Никогда.

А он был нежен со мной уже дважды за последние несколько минут.

— Ты кому-нибудь еще, кроме меня, рассказывала о том, что он делал с тобой?

Мои глаза распахнулись от ужаса только при мысли об этом. Я все еще находилась в состоянии шока, что не удержалась и призналась ему в этом, так что рассказывать, кому бы то ни было еще.., нет.

— Я расцениваю твое молчание как «нет», — печально заключает он, покачав головой, — тебе необходимо заявить об этом в полицию. Ему не должно просто так сойти с рук все то, что он сделал с тобой.

— Что? Нет. — Паника скрутила в жгуты все мои внутренности.

— Мия...

— Нет! — Мой ответ прозвучал так резко, что я даже сама от себя такого не ожидала. Я подалась назад, вырывая свою руку из его.

Джордан увидел на моем лице нечто, что заставило его сдать:

— Ну хорошо, никакой полиции. — Он сложил свои ладони на столе между нами. — Но тогда сделай для меня следующее... — я ничего не ответила, и он продолжил: — Не скрывай то, что гложет тебя изнутри. Тебе нужно поговорить с кем-то, кому ты доверяешь, например, со мной. Я никогда не буду судить твои поступки. Я никогда не причиню тебе боль. И я никогда не подведу тебя. Возможно, я вытворял всякое дерьмо в прошлом, возможно, я плохо относился к другим людям... к людям, которые не заслужили плохого обращения, но я никогда не сделаю тебе ничего плохого, никогда. Я обещаю.

Его слова бесхитростны, и лицо искренне.

— Я даю тебе слово. Которое не нарушу. — Его губы складываются в подобие улыбки.

Мне так хочется ему верить. Правда.

Но все дело в том, что я просто не способна доверять, кому бы то ни было. Меня Бог не наградил этой способностью.

Я не знаю, что ему ответить. Поэтому я делаю то, что у меня получается лучше всего — меняю тему.

Улыбаясь, я киваю головой и спрашиваю:

— Что будем делать дальше?

Темные глаза Джордана смотрят на меня с любопытством. На какую-то долю секунды мне кажется, что он продолжит тему разговора.

Но он этого не делает.

— Дальше, — говорит он, — мы будем пить еще текилу.

Джордан

Я никогда даже представить себе не мог, что меня когда-нибудь будет тянуть к какой-либо женщине так, как к Мие.

Меня влечет к ней. И я одного не могу понять — почему.

И несмотря на то что она подпустила меня так близко к себе, намного ближе, чем кого бы то ни было другого, я хочу большего.

Я хочу ее всю целиком. Во всех мыслимых и немыслимых смыслах.

Утром, после вечера за текилой, я проснулся с предчувствием, что отношения между нами отныне будут неловкими и натянутыми.

Не из-за того, что мне рассказала про себя Мия... нет, черт возьми.

Это никак не изменило моего к ней отношения, ни моего влечения.

Единственное, что изменилось — это мое желание впечатать свой кулак в рожу того вонючего ублюдка. Оно возросло в тысячу крат.

Я думал, что разозлился, когда узнал, что он поднял на нее руку. Но после того, что рассказала мне Мия в баре тем вечером, моя злость так возросла, что я даже не могу теперь подобрать слов, чтобы описать то, что чувствую. Все, что я знаю, так это то, что я мечтаю убить человека, которого никогда не встречал в своей жизни. И я сделал бы это с огромным наслаждением.

Лицо Мии, когда она рассказывала мне про то, что он пытался с ней сделать... выражало стыд. Как будто в произошедшем была ее вина.

У меня сжалось сердце от боли за нее... и за себя. Мне теперь очень сложно различать, где чья боль. Ее боль каким-то образом переплелась с моей.

В этом вся Мия. Она не из той категории людей, от которых можно просто уйти после первой встречи и забыть.

Она вторгается очень глубоко в тебя и твое сознание, даже совсем не стремясь к этому, так, что у тебя не остается другого выбора, кроме как проникнуться к ней чувствами. Именно это и произошло со мной.

И, благодаря этому, я чертовски счастлив.

Когда я с ней, то чувствую себя словно ожившим, чего не происходило со мной уже очень долгое время.

И я собираюсь провести с ней каждое мгновение, отведенное нам, доказывая, что во всем, что с ней произошло, нет ее вины.

Я заставлю ее увидеть себя такой, какой вижу ее я.

Необыкновенной. Сильной. Красивой.

Такой нереально красивой.

Желать ее с такой силой, с какой ее желаю я, и осознавать, что не имею на это право, причиняет мне невыносимые страдания.

Когда я до конца осмыслил все то, что поведал ей про себя в баре, то уже было решил, что потерял ее навсегда.

Но как же я ошибался.

Моя исповедь не произвела на нее впечатления, ее не отвратили совершенные мной

ошибки. Она не поменяла своего мнения обо мне. Она не осудила меня за мои поступки.

Она видит во мне намного больше, чем другие.

Она видит настоящего меня. Того Джордана, про которого я уже и позабыл.

Того Джордана, который существовал до азартных игр, до вереницы женщин.., до моих гребанных выходок.

Слишком долго я верил, что я плохой человек. И я был непоколебим в этом мнении, пока не появилась она.

Иногда такой малости достаточно. В твою жизнь входит кто-то и переворачивает ее вверх тормашками. Заставляет тебя вспомнить, каким ты был раньше.

Мия возбуждает во мне стремление вновь стать таким, как раньше.

Я знаю, что рассуждаю как размазня, но мне все равно.

Я просто хочу быть с Мией и продолжать наслаждаться теми чувствами, которые она во мне пробуждает.

И я с каждой минутой осознаю, что хочу проводить с ней как можно больше времени.

Вчера мы с Мией ездили в город за покупками. Это было для меня в новинку. Я никогда не таскался по магазинам с девчонками. Даже с Бет.

Возможно, вам это покажется сущим пустяком, но, поверьте, для меня пройтись с девчонкой по магазинам — это подвиг. Самый настоящий подвиг.

Когда она купила все, что ей было необходимо, мы снова отправились обедать в кафе к Бет. Я заметил вопросительно поднятые брови Бет и любопытные взгляды, что она нам посылала, пока мы обедали, но я так и не предоставил ей шанса устроить мне допрос.

Просто я не готов был пуститься в обсуждение всего этого... что бы это ни было.

Мы провели замечательный день вместе, наши откровения друг с другом накануне помогли нам сблизиться. Мы были беззаботны и старались не вспоминать о прошлом друг друга. Мия также не изъявляла желания поехать и навестить еще одну потенциальную мать из списка, а я и не напоминал ей об этом.

Я был счастлив проводить время с ней вместе.

Я сыпал дурацкими шутками. Она все время смеялась. И да, кажется, пытался очаровать ее своим неповторимым обаянием. Я знаю, что мое лицо и тело — этого недостаточно, чтобы заполучить ее расположение. Мне необходимо гораздо больше, чем внешность, и я хочу дать ей намного больше, чем это. Подарить ей всего себя.

Когда мы вернулись в отель, меня ждали кое-какие дела, и Мия настояла на том, чтобы помочь мне. Мы дружно переделали все, что нужно было сделать.

Я приготовил для нас ужин. Сварганил элементарные макароны с сыром, но она заявила, что ничего вкуснее в жизни не пробовала. После ужина мы смотрели фильм в гостиной, с Дозером, расположившимся между нами, как дуэнья.

Мне было очень сложно находиться в такой непосредственной близости от нее в темноте и не предпринимать никаких попыток сблизиться.

Я ищу какие-то намеки в ее словах и жестах, но, в то самое мгновение, когда мне кажется, что я заметил что-то, оно уже исчезает, и мне не остается ничего другого, кроме как теряться в догадках, правда ли я заметил что-то, или просто, благодаря своему воображению, увидел то, что мне страстно хотелось бы увидеть, но чего на самом деле не было.

Я знаю, что веду себя как девчонка, пытаюсь анализировать все это дерьмо — я превращаюсь в настоящего слюнтяя. И да, я прекрасно знаю, насколько я жалок, но это все

из-за нее. Она связала меня в узлы.

Мия не похожа ни на одну девчонку, что я знал. И ее прошлое намного усложняет мне задачу по ее завоеванию. Поэтому у меня остался только один выход — надеяться. Если нам суждено быть вместе, то так оно и будет. Пусть судьба сама нами распоряжается. Не буду торопить события и брать быка за рога.

Я только надеюсь, что судьба пошевелит, наконец, своей задницей, потому что я чувствую — времени у нас с Мией в обрез.

Конечно же, я продолжаю флиртовать с ней. Регулярно. В этом весь я. И даже если бы я решил больше не флиртовать с ней, у меня это все равно не получилось бы. Это было бы то же самое, что просить Дозера не нюхать задницы другим собакам.

Флирт для меня такая же неотъемлемая черта, как для Дозера — нюхать задницы.

И Мия, кажется, ничего не имеет против. Я флирт имею ввиду. Мне нравится то, как она на него реагирует. То, как краснеют ее щеки, дарит мне надежду, что можно ждать на большего.

Боже, как же я хочу намного большего.

И в данный момент я прилагаю все усилия, чтобы не пялиться на ее ноги. Я впервые вижу ее ноги обнаженными.

Спасибо жаркому солнцу — это все, что я могу сказать.

Она расположилась на расстеленном у озера пледе и читает книгу. Дозер, конечно же, ошивается возле нее.

На ней открытая майка и шорты, что она купила вчера. Они доходят ей почти до самого колена.

Девчонки обычно носят такие короткие шорты, что из-за нижнего края виднеются ягодицы, но только не Мия.

Она постоянно одергивает их вниз, как будто чувствует себя неудобно оттого, что оставила неприкрытой так много кожи.

Но знаете, ее целомудренные шорты кажутся мне намного сексуальнее, чем те, в которых видна задница. Они оставляют такой простор для фантазии. И я так же знаю, что тот день, когда мне все же удастся увидеть, что же находится под ними, будет стоить всех ожиданий, потому что только одна мысль об этом уже невероятно меня заводит.

У нее обалденно великолепные ноги.

Мой член затвердевает, и я через силу отрываю свой взгляд от Мии, концентрируюсь на управлении газонокосилкой, чтобы наконец закончить стричь этот чертов газон.

Мой мобильный телефон завибрировал у меня в кармане.

— Бет? — отвечаю я, зажав телефон между ухом и плечом.

— Привет! ... Представляешь, у меня сегодня вечером свидание! Кажется, она в панике.

— А это хорошо или плохо?

— И то и другое.

— Почему?

— Потому что у меня свидание с Тони Страйдер.

— А, понятно.

Тони — девушка, по которой Бет ходит с ума вот уже некоторое время. Она классная девчонка и работает ди-джеем. Очень симпатичная. И, к огромному сожалению всего мужского населения, она — лесбиянка, как и моя лучшая подруга.

Я отдаю себе отчет в том, что Бет невероятно красивая, — я же не слепой, — но даже

если бы мы были разных сексуальных ориентаций, то между нами это ничего бы не изменило. Она моя лучшая подруга, и я отношусь к ней как к сестре, которой у меня никогда не было.

— Я столкнулась с ней в продуктовом магазине, — сказала Бет взволнованно, — у нее сегодня выступление в Гранд Джанкшн, и она пригласила меня.

— Ты уверена, что это было приглашение на свидание, а не просто приглашение на ее выступление? — В прошлом Бет очень часто не так понимала оказываемые ей знаки внимания. Однажды ее даже очень сильно ранили в самое сердце. Я не допущу, чтобы с ней снова такое случилось.

— Да, папочка. Я же не совсем конченная идиотка. Я прекрасно могу определить, когда девушка приглашает меня на свидание. Знаешь, она сказала примерно следующее: «Бет, я хотела спросить, не хочешь потусоваться немного вместе после моего выступления?», а я у нее потом спросила: «Ты имеешь в виду «потусоваться» типа как на свидании?» и она ответила: «Да, я имею в виду свидание».

— Ну ладно. Я понял. Это, и правда, свидание, — рассмеялся я. — Я просто на седьмом небе от радости за тебя.

— Отлично, потому что я хочу, чтобы ты пошел со мной.

— Что? Да ладно, брось, Бет. Ты прекрасно знаешь, что я не откажусь от групповухи с двумя обалденными девчонками, точно так же как и любой другой парень, но только не с тобой.

— Только в твоих гребаных мечтах, Метьюс, я буду заниматься с тобой групповухой, — завизжала она в трубку.

Засмеявшись, я убрал трубку от уха, чтоб от ее визга не лопнули мои барабанные перепонки. У Бет очень сильные голосовые связки, но все же я не могу отказать себе в удовольствии подкалывать ее иногда. Ее так легко задеть.

Я снова прикладываю телефон к уху.

— Ладно, если говорить серьезно, мисс верещалка, зачем я тебе там буду нужен?

— Потому что выступление Тони будет длиться полтора часа, и я не хочу торчать там все это время в одиночестве.

— Ну тогда приходи, когда ее выступление закончится.

— Я не могу. Я уже пообещала ей, что приду на ее выступление. Ну, пожалуйста, Джордан. Ты не представляешь, как я нервничаю. Тони — самая сексуальная девчонка, какую я только встречала. И она крутая. А я нет.

— Ты тоже крутая, Бет.

Она хмыкает в трубку.

— Нам нужно серьезно поработать над твоей уверенностью в себе.

— Хорошо, давай поработаем над ней этим вечером. Ты можешь дать мне советы как себя вести с Тони. Тебе ведь нет в этом равных — болтать с умопомрачительными девчонками и выглядеть крутым. Ты можешь многому меня научить. И если я вдруг начну вести себя как... ну.. как Бет, ты толкнешь меня локтем в бок. И еще я гарантирую, что там будет полно офигительных девчонок — очень богатый для тебя выбор — после того как закончится выступление Тони.

Она полагает, что последнее предложение поможет ей уговорить меня, но я больше не хочу вести себя подобным образом. Я не хочу идти в клуб только для того, чтобы подцепить девчонку. Я хочу быть с Мией.

Остановив газонокосилку, я бросил взгляд в ее сторону. Она была поглощена чтением. Она выглядела такой чертовски соблазнительной. Она выглядит как что-то, о чем я даже мечтать не смел.

Я выключил мотор и снова приложил телефон к уху.

— Молчание означает то, что ты думаешь над моим предложением? — спросила Бет с надеждой.

Мне не хочется подводить ее. И если я решу потусоваться с ней этим вечером, это вовсе не означает, что я обязан завершить свой поход в клуб в постели с девчонкой. Я могу сходить с Бет и уйти, как только Тони закончит свое выступление и присоединится к Бет.

Я с шумом выдохнул.

— Я думаю. Продолжай меня уговаривать.

— Ну, хорошо. Вход свободный, Тони об этом позаботится. И я буду угощать тебя выпивкой весь вечер. И к тому же, это будет разноцветная вечеринка, а это что-то новенькое.

— Что это за разноцветная вечеринка?

— Тони сказала, что будут разбрызгивать разноцветную краску на танцующих.

— Звучит офигительно, — с сарказмом сказал я.

— Не будь занудой. Так ты пойдешь со мной? Пожалуйста.

Мои глаза снова обращаются к Мие, и меня вдруг посещает одна идея ... Я могу попросить Мию пойти со мной.

Я и Мия в клубе... танцуем... разгоряченные и вспотевшие... наши тела сплетаются вместе.

Это может сработать. Или, в крайнем случае, поможет сдвинуть наши отношения с мертвой точки.

— Ну хорошо, я пойду с тобой. Но только я приду не один.

— Ура! Джордан, ты самый лучший друг всех времен и народов.

— Я знаю, — без каких-либо эмоций отвечаю я. — Так во сколько вечеринка?

Пропустив мой вопрос мимо ушей, она спрашивает:

— Итак, с кем ты придешь? Я ее знаю?

— Во сколько, Бет?

Она вздыхает из-за моего упрямства.

— Тони встает за диджейский пульт в девять. Чуть не забыла... не возьми свою машину? Моя в ремонте.

— Проклятье! Так, значит, выпивка, которую ты планировала покупать мне весь вечер — это была...

— Кока-кола.

Я не могу сдержаться и принимаюсь хохотать от ее дерзости.

— Я буду у тебя в долгу.

— О да, в еще каком долгу.

— Что ты заставишь меня делать? Стирать твоё белье или нечто столь же отвратительное?

— Я еще не решил. — Я переключиваю телефон к другому уху. — Но будь спокойна, я придумаю что-нибудь особенное для тебя.

— По рукам, ради свидания с Тони я готова на все, — говорит она мечтательным голосом. — А теперь давай колись, кого ты приведешь с собой? На тебя это вообще не похоже. Может, я что-то пропустила?

— Я заеду за тобой в восемь. — И, прежде чем повесить трубку, я быстро добавляю: — И я беру с собой Мию.

Усмехаясь, я засовываю телефон обратно в карман и спрыгиваю с газонокосилки. Мои последние слова дадут Бет пищу для ума, вместо того чтобы заикливаться на своем свидании с Тони.

Дозер навострил уши, уловив мои приближающиеся шаги. Он поднялся на ноги и заковылял ко мне. Я опустился перед ним на колени, чтоб потрепать его за ухо.

Мия подняла на меня глаза.

— Привет! — улыбнулась она, усаживаясь.

Я отчего-то занервничал. И почувствовал себя неуверенно.

— Интересная книжка? Ты вся поглощена ею.

Перевернув книгу, она уставилась на обложку.

Я расплываюсь в улыбке, заметив на обложке картинку парня с обнаженным торсом, обнимающего полуобнаженную девчонку.

Книжная порнуха. Так держать, Мия.

Осознав, что не следовало показывать мне картинку на обложке, она краснеет до корней волос. Она быстро захлопывает книгу и опускает ее на плед. Задняя обложка сверху и обнаженная парочка снизу.

Ей стыдно.

— Да ничего так, интересная. — Она смотрит в сторону озера. Наклонившись, она погрузила пальцы в воду. — Я, кстати, хотела спросить... в этом озере можно купаться?

— Угу, — отвечаю я, присаживаясь напротив нее на плед. — Я очень часто в нем плаваю. Хочешь искупаться прямо сейчас?

Перед глазами непроизвольно встает картинка Мии в бикини. Это такая соблазнительная картинка.

— Ох нет, не сейчас. — Она закусывает нижнюю губу.

И на этом все. Все мои мысли и рассуждения отправились к черту. Мне требуется целая минута, чтобы вспомнить, зачем я вообще сюда пришел.

Бет. Свидание. Клуб.

— Я знаешь, это... — я откидываю волосы со лба. — Я пришел, потому что только что разговаривал по телефону с Бет. У нее сегодня вечером свидание, и она уговорила меня пойти с ней.

Ее брови поползли вверх.

— А разве в свидании участвуют не двое?

— Обычно да. Но для нее это очень волнующее событие, и ее вторая половина будет диджеить в клубе, поэтому ей придется тусоваться в полном одиночестве целый час или даже больше. Бет хочет, чтобы я пошел с ней, чтобы составить ей компанию. И ей просто невозможно отказать, когда она вобьет что-то себе в голову. Поэтому я согласился пойти с ней и... я хотел бы... эээ, спросить тебя, не хотела бы ты пойти... со мной?

Она округлила глаза. Я не уверен, произошло ли это от шока в негативном смысле либо от удивления в позитивном.

— Ты имеешь в виду что-то типа свидания? — она тут же зажмуривает глаза. — Я что, сказала это вслух? Я сказала это вслух. О, Боже.

Я не могу скрыть свою улыбку и радостные нотки в своем голосе:

— Ага, ты сказала это вслух.

— О, Боже, — простонала она, закрыв лицо руками.

Моя уверенность в себе внезапно вернулась, поэтому я протягиваю руку и отвожу одну из ее рук от лица. Она открыла один глаз.

— Ты хочешь, чтобы я пригласил тебя на свидание?

Она медленно отводит другую руку в сторону.

Мое сердце бешено колотится о грудную клетку, ожидая ее приговора.

— Да, — шепчет она.

Наши пальцы переплетаются.

— Тогда я приглашаю тебя на свидание.

Мия

О, Боже! О, Боже! О, Боже!

Я приняла приглашение Джордана на свидание.

О чем я думала?

Я ни о чем не думала. В этом вся проблема. Я взглянула в его удивительные глаза и сказала "да" прежде, чем до конца осмыслила, на что я соглашаюсь.

Я сама во всем виновата, потому что после всего этого разговора о свидании Бет... я немного запуталась и подумала, что он приглашает меня на свидание... и я выпалила первое, что пришло на ум. Я делаю это постоянно, когда нахожусь рядом с ним. А затем он спросил про свидание, и я не подумав ответила «да».

Мне следует отказаться.

Мне совсем не хочется этого делать, но лучше отказаться. Мой прошлый опыт походов на свидания не принес ничего хорошего. Мне не везет в этих делах.

Но это ведь Джордан.

И я на восемьдесят пять процентов уверена, что могу доверять ему. Он ни разу не дал мне повода сомневаться в нем. И да, я помню, что Форбс в самом начале тоже казался мне достойным молодым человеком, но в те времена я была очень наивная и глупая.

Я теперь совсем другая. Я могу теперь определять людей не достойных моего доверия, и Джордан совсем не такой.

Он не пытается быть чересчур слащавым и обходительным, чтобы скрыть затаившегося внутри него монстра. Он не склонен к тотальному контролю. Он просто Джордан. И, кроме того, он был очень искренен и честен со мной, когда рассказал о своем прошлом.

Если бы единственное, что ему хотелось — это обмануть меня, затащить в свою постель и получить полный контроль надо мной, то тогда он бы так себя не вел. Мужчины, которым нужно все вышеперечисленное, они не искренни. Не сразу, во всяком случае.

С Джорданом очень весело. Он заставляет меня смеяться. Он помогает мне почувствовать себя счастливой. Мне нравится находиться в его компании, и, мне кажется, я заслужила хоть немного быть беззаботной и веселой, заслужила капельку счастья и смеха.

И вообще, это просто свидание. Это же не обязывает меня выходить за него замуж.

Мне следует просто сходить с ним на вечеринку сегодня и немного расслабиться. Мне нечего терять, и к тому же мы не будем с ним вдвоем, так как с нами будет Бет.

Все будет хорошо.

Сделав глубокий вдох, я окидываю себя взглядом в зеркале.

Я сперва долго думала, что надеть. Джордан посоветовал не надевать то, что мне будет жалко испортить, так как в клубе, куда мы идем, будет проходить вечеринка с разбрызгиванием краски. Я никогда о подобной вечеринке не слышала, но мне кажется, что это будет весело. Да и к тому же, я только "за", чтобы попробовать что-то новенькое.

Я танцую не очень хорошо, и мне не жаль испортить свою одежду, поэтому я долго не раздумываю. Вечер будет очень теплым, поэтому я надеваю белый топик на бретельках и льняные брюки цвета хаки. Я также надела симпатичное черно-белое ожерелье из бисера и точно такой же браслет, что я купила вчера, когда мы ходили с Джорданом за покупками.

Мне хочется выглядеть как можно лучше, но выше головы не прыгнешь. С моими короткими волосами особой прически не соорудишь, впрочем, они заметно отросли и в укладке не нуждаются.

Я даже нанесла немного макияжа — тушь для ресниц, румяна и блеск для губ. Я также использовала немного тонального крема, пытаясь замазать остатки своего синяка под глазом. Моя рассеченная бровь осталась такой как есть, она очень быстро заживает.

Я как раз завязывала шнурки на своих кроссовках, когда кто-то постучал в дверь.

Кажется, пришел мой кавалер.

У меня внутри живота запорхали бабочки. Я не мешкая заканчиваю завязывать шнурки, делаю глубокий вдох и подхожу к двери. Я открываю ее и вижу более-чем-когда-либо-красивого Джордана.

На нем простая черная футболка и потертые джинсы. На ногах белые кроссовки. Очень просто, но со вкусом. На Джордане все смотрится отлично.

Я замечаю, что он побрился, так как его недавняя щетина куда-то пропала. Его темные волосы выглядят, как и обычно. Мне так и хочется провести руками по его шелковистым прядям.

Я чувствую запах его лосьона после бритья. Запах чистоты и свежести. Он пахнет так же хорошо, как и выглядит, так, как и должен пахнуть мужчина. Я еле сдерживаюсь, чтобы не наклониться и не втянуть в себя его запах.

Он проводит рукой по своим блестящим волосам.

— Ты отлично выглядишь, — он трясет головой, — я имею в виду, ты очень хорошенькая, Мия.

Я сжимаю бусины браслета своими пальцами, вцепляюсь в них, как утопающий в спасательный круг.

— Спасибо, ты тоже. В смысле, не «хорошенький», а симпатичный. Я имею в виду, ты выглядишь симпатично. — О, Боже, кто-нибудь, застрелите меня.

Джордан ухмыляется и опирается плечом о дверной косяк.

— Ты готова? Я пообещала Бет, что мы заедем за ней в восемь, так что нам пора выходить.

— Готова. Я только кое-что возьму.

Я решила не брать с собой сумочку и положила свои ключи, деньги и блеск для губ в карман брюк. Дверь позади меня захлопывается, и я иду следом за Джорданом по холлу, затем мы выходим наружу и идем к его машине.

Он открывает передо мной дверцу пассажирского сидения. Никто и никогда так не обращался со мной, и я не могу сдержать свою улыбку.

Я сажусь в машину и наблюдаю, как Джордан обходит ее спереди. Его походка и движения — они выглядят так... притягательно. Хотела бы я тоже чувствовать себя так уверенно в своем собственном теле.

Он садится рядом со мной.

Между нами воцаряется неловкое молчание. Я знаю, что это из-за меня и моей дурацкой нервозности по поводу свидания с ним, но мне очень не хватает нашей легкости в общении, что обычно между нами присутствует. Я очень хочу пойти на свидание с Джорданом, но мне не нравится то, как это событие заставляет меня нервничать. Или я сама себя заставляю нервничать.

Он заводит мотор, и музыка, льющаяся из радио, заполняет пространство в машине, но

молчание между нами все равно невыносимо.

— Как ты? — его негромкие слова заставляют меня взглянуть на него.

Я сжимаю и разжимаю руки на коленях.

— Немного нервничаю, мне так кажется.

— Из-за чего?

— Из-за свидания. — Я наматываю браслет вокруг пальца. — Просто я... никогда... — я трясую головой, в попытке найти правильное слово, чтобы описать то, что чувствую.

— Эй, — он нежно вберет меня пальцами за подбородок.

Мне безумно нравятся его прикосновения. Никогда не думала, что такое будет когда-нибудь возможным, но мне кажется, я никогда не устану от его прикосновений, вот только знать бы мне, как сообщить ему об этом. Как выразить, какие чувства он во мне возбуждает... как меня тянет к нему. Я знаю, что не похожа на тех девушек, к которым он привык, и я также знаю, что я никогда не смогу стать подобной девушкой. Боюсь, что я стану большим разочарованием для него.

— Тебе не о чем беспокоиться. Мы просто идем немного развеяться, потанцевать и вымазаться в краске. — На его губах заиграла широкая улыбка.

Просто невозможно не улыбнуться ему в ответ.

— Ну наконец-то. — Он проводит кончиком пальца по уголку моих расплывшихся в ответной улыбке губ. И те дурацкие бабочки принимаются порхать в моем животе с удвоенной силой.

— Сегодня вечером не произойдет ничего, чего бы ты сама не захотела.

Его глаза излучают тепло.

Я делаю глубокий вдох.

— Хорошо.

Бет очень нервничает из-за своего свидания. С того самого момента как она села в машину, она только об этом и говорит. Она словно пучок оголенных нервов, но, если честно, мне это нравится. Она мне нравится. И видя то, как нервничает Бет, я чувствую себя спокойнее насчет моего собственного свидания.

Мне нравятся отношения Джордана и Бет. И то, что он никогда не раздражается и не злится на ее непрекращающуюся болтовню про ее свидание с Тони. Форбс бы никогда не позволил мне так много болтать, но, с другой стороны, Бет же просто подруга Джордана, а не его девушка.

Мне всегда было интересно, почему они просто друзья и ничего больше. Бет ведь очень хорошенькая, и они так прекрасно понимают друг друга. Я получила ответ на свой вопрос уже через пять минут, когда Бет принялась рассказывать что-то о Тони, упоминая о ней в женском роде. Как оказалось, Бет нравятся девочки.

Одна девочка, с которой я училась, тоже была лесбиянкой. Ее постоянно дразнили и унижали по этому поводу. Я помню, как мне было ее жаль, но я, к сожалению, ничем не могла ей помочь. Мне так хотелось хоть что-нибудь для нее сделать, но я не могла разобраться даже со своими собственными проблемами, поэтому помогать другим — это было не для меня. Интересно, Бет тоже пришлось пройти через унижения и оскорбления из-за своей сексуальной ориентации? Если да, то я очень рада, что у нее есть такой друг как

Джордан, потому что, я уверена, он бы вытряс все дерьмо из любого, кому вздумалось бы обижать ее.

Джордан припарковывает свою машину в нескольких кварталах от клуба, и мы пешком идем до него. Тротуар слишком узок для нас троих, поэтому Бет идет впереди, а мы с Джорданом сзади.

Мы идем очень близко друг от друга, так, что наши руки иногда соприкасаются. При каждом едва уловимом прикосновении меня словно ударяет током. Я безумно хочу, чтобы он взял меня за руку. Мы уже держались за руки до этого, Джордан брал мою руку в свою, но это все было до этого момента. Мы тогда были еще друзьями. Теперь же все изменилось, и держание за руки приобрело совсем иной смысл.

— Да пошло оно все! — выругался Джордан сквозь зубы и в то же мгновение взял меня за руку.

Мое сердце ухает в пятки, а затем принимается оглушительно стучать в моей груди.

Он наклоняется поближе к моему уху:

— Ты не против? — Я чувствую его горячее дыхание на своей щеке.

Слегка дрожа, я поворачиваю голову и смотрю ему в глаза.

— Я совсем не против.

Он поднимает вверх наши переплетенные руки, таким образом притягивая меня к себе ближе и прикасается легким поцелуем к костяшкам моих пальцев.

Я не могу оторвать от него своего взгляда. Он становится все более красивым и притягательным для меня с каждой секундой, и это здорово меня пугает.

Он слишком хорош для меня. Форбс был прав, когда сказал, что я ничего не стою. Я не создана для кого-то такого хорошего, как Джордан.

Та радость, которая наполняла меня еще мгновение назад, куда-то испарилась. По спине пробежал холодок. Я смотрю вперед и замечаю Бет, которая пялится на нас через плечо и улыбается.

Затем ее взгляд встречается с моим, и улыбка сползает с ее лица. Я тут же отвожу свой взгляд и натягиваю искусственную улыбку, чувствуя облегчение, когда из-за поворота показывается клуб.

Мы идем следом за Бет к вышибале, что стоит у входа, и, благодаря тому, что Тони включила нас в список гостей, нам не приходится ждать в бесконечной очереди у входа.

Я была в клубе до этого только однажды. Я ходила с Форбсом и его придурковатыми пижонскими друзьями. Тот клуб был более пафосный, чем этот, но тут мне нравится больше. Он выглядит так, как и должен выглядеть ночной клуб. Темный и атмосферный. Обувь слегка прилипает к полу от пролитых на него напитков.

Он кажется настоящим.

В клубе громко гремит музыка, отражаясь вибрацией от пола по моим ногам, и меня снова наполняет восторг. Мне нравится находиться здесь и делать что-то, чего я никогда не делала в своей жизни.

В клубе яблоку негде упасть. Просто море людей. Я заметила, что большинство девушек одеты в намного более открытые наряды, чем я: в шорты и в короткие майки. Хотела бы я тоже носить такую короткую одежду, но наличие шрамов на задней стороне моих бедер не позволяет мне подобную роскошь, точно так же как и моя неуверенность в себе.

Мое хорошее настроение снова пропадает, и я чувствую себя паршиво, не в своей тарелке, и задаюсь вопросом: какого черта Джордан захотел прийти сюда со мной?

Внезапный порыв сбежать отсюда, спрятаться где-нибудь от посторонних глаз и наесться, пока меня не затошнит, завладевает мной.

Я сжимаю руки в кулаки, впиваясь ногтями в плоть, стараясь избавиться от своего порыва.

Джордан как будто угадал, что со мной происходит, и сильнее сжал мою руку. Я смотрю на него, подняв голову вверх.

— Ты как, в порядке? — я скорее прочитала вопрос по его губам, чем услышала в этом грохоте.

Натянуто улыбаясь, я киваю головой.

Он очень долго всматривается в мое лицо, его губы с подозрением сжаты. У меня создается такое ощущение, как будто он пытается заглянуть глубоко внутрь меня, и это заставляет меня чувствовать себя неудобно, поэтому я отвожу глаза.

Он пододвигается ближе ко мне. Я знаю, он просто так от меня не отстанет. Я чувствую, как его тело прижимается ко мне сбоку, и мое тело объявляет войну моей голове. Я хочу, чтоб он был рядом, и в то же самое время я хочу, чтобы он соблюдал дистанцию.

Меня выручила Бет, когда присоединилась к нам, чтобы поболтать.

— Тони начнет выступать через десять минут, так что давайте закажем себе чего-нибудь выпить, а потом мы пойдем смотреть на ее выступление, — она старается перекричать громкую музыку.

Джордан отступает от меня на шаг, освобождая для меня немного пространства. Я готова была вздохнуть с облегчением. Я чувствую его обжигающий взгляд на себе, но не могу заставить себя взглянуть на него в ответ.

Улыбаясь Бет, я отвечаю:

— Отлично. Мне нравится твоя идея.

Бет повела нас к бару. Джордан идет позади меня. Когда мы наконец достигаем бара, я встаю рядом с Бет. Джордан останавливается позади меня и упирается руками в барную стойку по обеим сторонам от меня.

Я чувствую своим телом его близость и хочу, чтоб он был еще ближе. У меня огромное желание протянуть руки назад и притянуть его к себе поближе.

— За выпивку плачу я. Что будете пить? — спросила Бет.

— Выпивка на мне, — послышался позади меня глубокий голос Джордана.

Бет сверкнула глазами в его сторону.

— Ни за что! Мы договорились, что выпивку сегодня покупаю я.

— Договор отменяется. Так что ты будешь пить? — властным тоном сказал Джордан, и мне на удивление понравился его тон. Он заставил табун мурашек пробежаться по моей коже.

Бет, которая быстро сдалась, ответила:

— Хорошо. Я не собираюсь с тобой спорить и сэкономлю пару долларов. Я буду виски с содовой — коктейль «Огненный шар».

— Мия... а ты что хочешь? — спросил он, наклонившись к моему уху. Его голос был хриплым и глубоким.

У меня создалось такое ощущение, как будто он вовсе не выпивку имел в виду. Я знаю, чего именно мне сейчас хотелось бы — его.

Я повернула голову в сторону и обнаружила его губы в опасной близости от своих. И когда я говорю «в опасной», я имею в виду свое непреодолимое желание поцеловать его

прямо сейчас. Если этому суждено случиться сегодня, то, однозначно, барная стойка — не самое подходящее для этого место.

Мои глаза встречаются с его глазами, и я вижу, как они темнеют. Он чувствует то же, что и я... желание близости между нами.

Меня накрывает эйфория.

Кое-как взяв себя в руки, я отвечаю:

— Пиво. Бутылочное. Пожалуйста. — И тут же отворачиваю лицо, снова смотря перед собой.

Краем глаза я замечаю, что Бет смотрит на нас и довольно улыбается. У меня появляется такое ощущение, что ей нравится видеть Джордана вместе со мной.

Джордан убрал свои руки и, встав сбоку от меня, облокотился на бар в ожидании, чтобы его обслужили. Я почувствовала легкое прикосновение к своему плечу и развернулась к улыбающейся Бет. Она отходит немного в сторону от Джордана, и я следую за ней.

— Ну, как тебе Дюранго? — спрашивает она.

Я улыбаюсь, подумав о Джордане, он — то, что мне очень нравится в этом городе.

— Мне тут нравится.

— Да, тут не так уж и плохо. Но знаешь, когда проживешь тут всю свою жизнь, как я, например, этот город начинает надоедать.

Я ее прекрасно понимаю, потому что сама всю свою жизнь провела в Бостоне.

— Ты нигде больше не была? — спрашиваю я.

— Была. Ездила на каникулы, но в общем ничего особенного. Я бы хотела отправиться в настоящее путешествие.

— Да, это было бы здорово.

— Джордан раньше путешествовал.

— Да, он мне об этом рассказывал. В Юго-Восточной Азии, да?

Бет выглядит немного удивленной оттого, что мне известна эта сторона жизни Джордана, затем ее удивленное выражение лица превращается в улыбку.

Я не успеваю до конца осмыслить ее реакцию, как вдруг все мое внимание привлекает писклявый женский голос. Это произошло в основном потому, что она выкрикивала имя Джордана.

Я развернулась и увидела очень красивую барменшу с длинными темными волосами и еще более длинными ногами. Кажется, она хорошо знала Джордана, судя по счастливому выражению ее лица и рукам, что тут же обвилились вокруг его шеи.

У меня стянуло желудок от ревности. Это глупо, я знаю, но я все же ревную.

Он неуклюже похлопал ее по спине и затем стремительно убрал ее руки со своей шеи. Она тут же схватила его за руку, не отпуская его от себя, но он в ту же минуту высвободил свою руку из ее. Она наклонилась ближе к нему и что-то сказала. Он отрицательно покачал головой, что, без сомнения, ей не понравилось, об этом красноречиво говорило оскорбленное выражение ее лица.

Она, уставившись, смотрит на него какое-то время, а затем разворачивается и принимается делать для нас напитки.

Джордан развернулся в нашу сторону, и я тут же быстро отвернулась, чтобы он не заметил, что я за ним наблюдаю.

— Я бы на твоём месте не переживала по этому поводу, — сказала Бет мне почти на ухо, — все девушки начинают вести себя с ним подобным образом.

— Да, но больше всего те, с которыми он уже переспал. — Слова вырвались из моего рта произвольно. Я крепко сжала губы.

Не могу поверить, что я это сказала.

Бет, без сомнения, в курсе личной жизни Джордана, но кто я такая, чтобы вставлять свои пять копеек по поводу его прошлых увлечений.

Она изогнула одну бровь.

— Он многое тебе рассказал. Я очень рада и удивлена, что он поделился подобными вещами. Но все же я буду расценивать это как добрый знак, ввиду того, что у вас с ним сегодня свидание. Он тебе, наверное, очень нравится. — На ее губах появляется широкая улыбка. — И ты ему тоже очень сильно нравишься.

Я не могу сказать, что ее слова никак не задевают меня, потому что это не так. Я хочу нравиться Джордану.

— С чего ты взяла?

— Потому что он никогда не был так откровенен с другой девушкой. Дьявол, он никогда не был на настоящем свидании с другой девушкой. И к тому же, если он поделился с тобой своей историей, ты правда что-то для него значишь. Он хочет, чтобы ты знала о нем правду, а это для него большой шаг вперед.

Я не знаю, что на это ответить, поэтому ничего не говорю в ответ.

— Послушай, я не знаю, как долго ты планируешь тут задержаться, Мия, но я знаю, что Джордан иногда ведет себя как настоящий кретин, но он на самом деле не такой. Не совсем такой. Когда ему кто-то небезразличен, он на все готов ради этого человека. И он очень болезненно переживает потерю такого человека.

— Как, например, его мама?

— Невероятно! Он рассказал тебе про свою мать? Ты ему очень сильно нравишься. — Она широко улыбается и обнимает меня за талию. Этот ее жест застаёт меня врасплох и заставляет все мое тело натянуться как струна. Так происходит каждый раз, когда кто-то малознакомый дотрагивается до меня.

— Только, пожалуйста, не разбивай ему сердце теперь, когда, кажется, он встал на путь истинный. — Она тихо посмеивается.

Мои внутренности сжимаются.

— Я не думаю, что я имею столько власти над ним.

— О, ты просто этого еще не поняла, — ответила она мне, понизив голос.

Я поднимаю взгляд и вижу улыбающегося Джордана, идущего в нашу сторону. В руках он несет наши напитки.

Он передает мне мое пиво.

— Спасибо, — улыбнулась я. Он выдерживает мой взгляд и через мгновение переводит его на Бет.

— Хочешь, пойдём посмотреть выступление Тони? — Он передает Бет ее выпивку.

— Знаешь, — она кидает на меня взгляд, затем быстро переводит его обратно на Джордана, и ее губы расплываются в улыбке. — Все в порядке. Я сама пойду посмотреть выступление Тони.

Брови Джордана в удивлении поползли вверх.

— Уверена?

— Уверена, — ответила она, отступая назад в толпу и оставляя нас наедине. — Вы, двое, развлекайтесь. — Перед тем как окончательно нас покинуть, она поворачивается и

заговорщицки мне подмигивает.

Это было не слишком заметно? Я вынуждена закусить губу, чтобы не рассмеяться.

— Если я тебе понадобится, звони на мой мобильный, — кричит Джордан ей вдогонку.

Бет помахала рукой, давая таким образом нам знать, что она все поняла, и растворилась в толпе.

Джордан разворачивается ко мне.

— Значит, теперь только ты и я.

Дрожь и целая гамма странных и непонятных ощущений пробежали по моему телу.

— Кажется, да.

— Хочешь, поищем, где бы присесть?

— Хорошо.

Я иду следом за Джорданом на верхний этаж, где, по его словам, музыка играет не так громко и где, вероятнее всего, можно будет найти свободные места. И он оказывается прав. Мы нашли незанятый диван с видом на танцпол на первом этаже.

Я присаживаюсь. Джордан плюхается рядом. Мои нервы на пределе, потому что мы остались с ним наедине. Нет больше Бет для поддержки. Я никак не могу придумать, с чего бы начать разговор, поэтому, чтобы избежать неловкости, я часто делаю глотки из своей бутылки и делаю вид, что поглощена видом танцующих людей на танцполе внизу.

— Ты все еще нервничаешь, — он поднимает руку и убирает мою от моего рта. Я опять теребила себя за губу, даже не заметив этого.

Джордан переплетает наши пальцы вместе, крепко сжав мою руку. У меня в животе запорхали бабочки.

Я поворачиваю к нему свое лицо. Мы сидим так близко, что наши носы почти соприкасаются.

Я тут же отодвигаюсь, опираясь на ручку дивана, и я даже не думаю отрицать тот факт, что я нервничаю. В этом нет смысла. Нет смысла, ведь он видит меня насквозь.

— Это из-за меня ты нервничаешь? Из-за моих действий или просто из-за того, что у нас свидание?

Я поворачиваюсь в его сторону всем своим телом, коленом задев его за ногу.

— Дело не в тебе. Это, скорее всего, из-за свидания. Я встречалась всего с одним парнем до этого, и для меня все закончилось очень плачевно. — Неосознанно я дотронулась до заживающей рассеченной брови.

Его взгляд следует за моей рукой и задерживается на этом напоминании о моих отношениях с Форбсом намного дольше, даже после того как я убрала свою руку.

Его лицо непроницаемо, но я знаю, о чем он думает в этот момент. Я вижу это в его глазах. Мне очень хотелось бы знать, постоянно ли он думает о моей ненормальной жизни, о моей собственной ненормальности... о том, что со мной сотворил Форбс... о моем темном прошлом. Может, я ему отвратительна?

— Я отменяю наше свидание, — произносит он.

— Что?

На меня накатывает паника.

— Джордан, прости, что я...

— Не извиняйся. Ты слишком часто просишь прощения. Нам нужно это исправить.

Я вцепилась в бусины на своем ожерелье, испытывая необходимость за что-то держаться.

— Хочешь, чтобы я ушла?

Его глаза уставились на меня в неверии.

— Что? Я не хочу, чтобы ты уходила. Я хочу, чтобы ты расслабилась и приятно провела со мной время этим вечером. Поэтому, отменив наше свидание, я хочу, чтобы ты о нем больше не думала. Если наше времяпровождение обернется свиданием, то замечательно. Если нет, то тогда я немного расстроюсь.., — он лукаво улыбается, давая мне понять, что он просто подкалывает меня. — Никакой обязаловки. Ты мне нравишься. Очень. Я думаю, ты и так об этом уже догадалась. Но я хочу, чтобы ты хотела находиться здесь со мной точно так же, как этого хочу я. Если тебе требуется еще немного времени, то это нормально. Я подожду, пока ты не будешь готова. Как бы много времени тебе ни потребовалось.

Он настоящий? Мне хочется ущипнуть себя, чтобы удостовериться, что он реально существует.

Я нравлюсь ему. Очень.

Меня захлестывают внезапно вспыхнувшие непередаваемые ощущения — я никогда не чувствовала ничего подобного. Мое сердце ускоряет свой ритм и готово выпрыгнуть из груди.

Я знаю, что я уставилась на него во все глаза, но я не могу себя заставить отвести от него взгляд. Все, на что мне хочется смотреть — это он, и я начисто забываю, из-за чего я вообще так нервничала до этого. Зачем я так переживала из-за какого-то свидания.

Музыка затихает и гремит чуть слабее. Все вокруг перестает существовать, и остаемся только мы вдвоем...

Он и я.

Все мысли куда-то испаряются из моей головы, и я просто повинуюсь порывам моего тела.

Я провожу рукой по щеке Джордана, впитывая в себя его жар и силу. Затем я наклоняюсь поближе и прижимаюсь губами к его щеке. Он тоже двигается мне навстречу, и мои губы слегка дотрагиваются до уголка его губ. Меня обдает жаром.

Я отпрянула от неожиданности и облизала свои внезапно сухие губы. Во рту я чувствую его вкус. Его лосьона после бритья, содовой, что он пил... все те запахи и вкусы, что присущи ему.

В глазах Джордана блеснуло что-то знакомое. Знакомое, потому что я чувствую то же самое.

Влечение. Желание. Возбуждение. И что-то еще. Нечто более глубокое.

Он запустил пальцы в мои волосы, положив руку мне на затылок, и прислонился своим лбом к моему.

— Я чувствую то же самое, что и ты, — говорю я. Мои губы так близко от его, что если бы я пододвинулась всего на пару сантиметров ближе, они бы соприкоснулись. — Я хочу остаться тут с тобой... больше всего на свете.

Он выдохнул с облегчением. Его реакция радует меня.

— Должен ли я расценивать эти слова как то, что наше свидание снова в силе? — Его голос звучит хрипло и невероятно сексуально, посылая табун мурашек по всей моей коже.

— А оно и не было отменено, — улыбаюсь я.

Джордан

— Не хочешь потанцевать?

Слегка пожалв плечами, Мия смотрит на меня неуверенным взглядом и затем отворачивается в сторону танцпола.

После того ее поцелуя в щеку она стала более раскованной. Если бы я знал, что это поможет ей расслабиться, я бы давно уже попросил ее поцеловать меня.

Может быть, именно это требовалось ей, чтобы почувствовать себя увереннее.

Только теперь проблема заключается в том, что я не могу заставить себя не смотреть на ее рот... на ее мягкие пухлые губы... желать ощутить их на своих губах... в глубоком поцелуе...

Ее прикосновение было чарующим.

И пахло от нее так упоительно.

Для меня было бы достаточно просто посидеть, зарывшись носом в изгиб ее шеи, вдыхая ее неповторимый аромат весь оставшийся вечер, и, конечно же, время от времени целуя ее аппетитные губы.

Когда она наклонилась, чтобы поцеловать меня в щеку, то верите вы или нет, но у меня сработал рефлекс, и я повернул голову навстречу ее губам. Я ни о чем не жалею, потому что когда ее губы слегка задели мои... черт... и это был просто едва уловимое прикосновение, в общем, я могу только представлять, как невероятно это будет — поцеловать ее по-настоящему.

И теперь, естественно, все, о чем я могу думать, — это о поцелуях с ней. Я прилагаю почти нечеловеческие усилия, чтобы не начать подкатывать к ней, но я держусь, потому что не хочу давить на нее и таким образом все испортить. Именно поэтому я зову ее танцевать — чтобы было хоть чем занять мозги.

Хотя, если так подумать, ее необыкновенное тело, извивающееся в танце, скорее всего, снова заставит все мои мысли отправиться в мои штаны.

Я наклоняюсь к ее уху, едва касаясь ее спины.

— Думаю, разбрызгивание краски вот-вот должно начаться. Кажется, будет весело. Мы могли бы спуститься вниз и посмотреть, как там Бет с Тони.

Она, повернув голову назад в мою сторону, смотрит на меня, слегка приоткрыв губы.

— Хорошо.

Мы поднимаемся с дивана. Я слегка отодвигаюсь в сторону, чтобы пропустить Мию вперед. Она проходит мимо, слегка задев мое тело своим. Я еле сдерживаю стон, который готов был сорваться с моих губ.

Не пройдя и пары шагов, я почувствовал, как маленькая ручка Мии проскользнула в мою. Я посмотрел на нее с удивлением. И с одобрением. Мне это чертовски понравилось.

Ее щеки покрылись румянцем.

Это первый раз, когда она сама взяла меня за руку. До этого инициатива всегда исходила от меня. Я придумывал любые поводы, лишь бы дотронуться до нее хоть на секунду, а сегодня вечером, несмотря на ее сдержанность — что вполне понятно, после всего, через что ей пришлось пройти, — она сама поцеловала меня и вот теперь взяла за руку.

Я знаю, для нее это большой прогресс, следовательно, и для меня тоже. Эти ее действия показывают, что она доверяет мне.

Я нежно прикасаюсь кончиком пальца к ее розовой щеке. Она улыбается мне.

Мы спускаемся по лестнице, держась за руки, находясь в своем собственном мире, и только потому, что гребанный мир ненавидит меня... мы сталкиваемся нос к носу с Жуаной, достигнув последней ступеньки.

— Джордан... привет, — Жуана ослепительно мне улыбается.

Чтоб меня черти драли.

Ее глаза вспыхивают светом, который ни с чем невозможно перепутать. Я уже видел его раньше. Когда она была голой и подо мной.

— Привет, — отвечаю я натянутым голосом. Я прижимаю Мию ближе к себе, положив руку ей на плечо, чтобы у Жуаны не возникло сомнений в том, кем мне приходится Мия.

— Жуана, познакомься, это Мия. Мия, Жуана. — Я из вежливости представил их друг другу, но если сказать по правде, то это было последнее, что мне хотелось делать. Знакомить девушку, от которой я без ума, с последней девушкой, побывавшей в моей постели? Черт, это так круто!

— Привет, — Мия подняла руку, слегка помахав. Она такая хорошенькая. — Приятно познакомиться, Жуана.

Жуана направила свой взгляд на Мию, на мгновение впадая в ступор, а затем моментально приходит в себя. Ее взгляд возвращается ко мне, прожигая меня насквозь.

— Ну, как я вижу, ты не наврал мне. Ты и правда не терял времени даром и нашел новую секс-подружку.

Я чувствую, как Мия напряглась под моей рукой.

— Жуана... — В моем голосе звучит предупреждение.

— Хотя, кажется, ты снизил свою планку. Но оно и понятно: где ты найдешь кого-то лучше, чем я. — Она снова смотрит на Мию. — Мне очень жаль разочаровывать тебя, но он не более чем озабоченный кусок дерьма. Он трахнет тебя, а затем порвет с тобой, даже не дождавшись, пока ты наденешь обратно трусики.

Какого хрена!

Ну хорошо, она не так уж и не права насчет той части про "порвет с тобой"... но все же, какого хрена!

Она может разговаривать со мной как с кретином, окей, я это заслужил. Но не Мия. Я не позволю, чтобы она так с ней разговаривала.

Я открываю свой рот, чтобы сказать Жуане, куда ей следует идти, как вдруг слышу сладкий голосок Мии:

— Если не брать твою внешность в расчет и сравнивать только с твоей репутацией, Жуана, то я бы сказала, что планка Джордана взлетела до небес, когда он выбрал меня. И, по случайному совпадению, я тусуюсь с ним только из-за секса — так что, выходит, мы отлично с ним друг другу подходим. Ах да, я не ношу нижнее белье, так что не стоит переживать на этот счет.

У меня отвисла челюсть. Жуана выглядит так, как будто Мия только что дала ей пощечину.

— Окей. Отлично. Мне бы следовало сказать, что было приятно поболтать с тобой, но на самом деле мне было неприятно, поэтому.. пока. — Мия выскользнула из-под моей руки, позволив ей безжизненно упасть. Высоко вздернув подбородок, она уходит, пробираясь

сквозь толпу людей.

И мои глаза не могут оторваться от ее аппетитной, слегка виляющей попки.

Вы когда-нибудь видели тот момент в фильме Grease, в самом конце, когда появляется Санди с совершенно иной внешностью и поведением, затянутая в тесные черные брюки? Денни замечает ее и... он просто в шоке. На его лице написано недоумение. Вроде: "Охренеть, а я и не знал насколько сексуальной моя девушка может быть". А затем он бежит за ней, как собака, высунув язык.

Видели? Вот и отлично, теперь вы понимаете, о чем я говорю, потому что в данный момент я чувствую себя точно так же.

Я несусь вслед за Мией, как будто она — последняя капля воды на земле, и я нереально хочу пить.

Я даже готов был спеть ей серенаду "Ты единственная, кто мне нужен", только чтобы привлечь ее внимание.

Потому что Мия в гневе такая сексуальная. Вне всяких сравнений.

Ну да, я с самого начала знал, что она сексуальная. Но сейчас... вау.

Обалденное вау.

Я никогда так не изнывал от желания, как сейчас. Мой член до того возбужден, что им можно забивать гвозди. Спасибо всем богам, что тут темно и тесно, так что никто не заметит этого.

Я наконец настигаю ее, почти у самой танцплощадки. Схватив ее за край футболки, я тяну ее на себя.

Она оборачивается.

Ее глаза просто огромны, и в них все еще бушует пламя. Ее грудь вздымается и опускается, и я просто потерял дар речи. В моем мозгу копошатся сотни мыслей — все до единой грязные, — а я не могу подобрать слов, чтобы выдать из себя хоть что-то.

И еще одновременно я прилагаю все усилия, чтобы не пялиться на ее грудь.

Я вижу, как злость в ее глазах растворяется, и Мия снова становится той Мией, которую я знаю.

— Боже, Джордан. Прости меня,. Все то, что я наговорила минуту назад., — она закрывает лицо руками. — Я не знаю, что на меня нашло. Просто... мне не понравилось то, как она говорила о тебе. Все это... так разозлило меня. А я ведь почти никогда не злюсь. Никогда.

Я делаю к ней шаг, сокращая расстояние между нами. Убираю руки от ее лица и крепко держу их в своих руках.

Ее огромные голубые глаза абсолютно невинно смотрят на меня.

— Ты все правильно сделала, Мия. Ты постаралась защитить себя. Жуана вела себя как настоящая стерва, и она заслужила все то, что ты ей сказала. Я сожалею, что она наговорила тебе все это, и все из-за меня.

Она тряхнула головой.

— Все в порядке.

— Нет, не в порядке. — Я наклонил голову в ее сторону. — Мне очень жаль, что Жуана была так груба с тобой, но я очень рад, что ты разозлилась. Тебе стоит злиться почаще. — Святые небеса, ей правда следует это делать. — А еще больше я рад, что ты разозлилась из-за меня.

Потому что это доказывает, что я ей небезразличен, хоть я и не заслужил ее

благодарности.

— О, нет... о, Боже! Я сказала ей, что не ношу нижнего белья. — простонала она в ответ, как будто не слышала ни слова из того, что я только что сказал. Ее лицо искажается в гримасе ужаса. — Прямо посреди битком набитого людьми клуба я заявила, что не ношу нижнее белье. — Она смотрит мне в глаза. — Но я ношу белье на самом деле. Всегда. Даже когда сплю. — Она с силой зажмуривает свои глаза.

Я издаю сдавленный смешок.

— Я никогда даже на секунду не допускал мысли, что ты не носишь нижнее белье, — я только мечтал об этом, надеялся, молился...

Ее глаза снова распахиваются, и в них читается тревога.

— Джордан, я знаю, что это не мое дело, но... ты, правда.., встречался с той девушкой? Я это спрашиваю... ну., — она кусает себя за губу. — Просто она производит очень плохое впечатление.

Я совсем не ожидал, что она спросит подобное, поэтому я очень тщательно подбираю слова для своего ответа. Я, конечно же, не собираюсь ей врать, но я совершенно определенно собираюсь ответить ей на этот вопрос корректно.

— Я никогда не встречался с Жуаной, наши отношения не зашли так далеко.

— Ааа, — кивает она понимающе, — ты просто спал с ней.

— Вообще-то я никогда ни с кем не спал. Но... мы занимались сексом, да.

Она делает шаг назад, отодвигаясь от меня, и я вынужден выпустить ее футболку из своих рук.

— Да, ты говорил мне уже о том, чем именно ты занимался раньше... с девушками... и это нормально, я не осуждаю тебя. Ни капельки. Я знаю, что это наше первое свидание, и у меня не так уж много опыта во всех этих делах... ну, вообще во всем, что связано с противоположным полом, но в одном я точно уверена... Когда я с кем-то встречаюсь, я встречаюсь только с ним одним. И я хочу, чтобы ко мне относились точно так же. Я пойму, если ты относишься ко всему этому по-другому, но если ты хочешь иметь отношения с другими девушками, пока мы встречаемся... тогда, извини, я тебе не подхожу.

А? Я не совсем понял, с чего она решила, что мне нужно именно это. Я думал, что это ясно как божий день — что я чувствую к ней, но кажется, что нет, поэтому нужно будет объяснить еще раз.

Прямо сейчас.

— Мия, я никогда раньше ни с кем не имел таких отношений, чтобы устанавливать какие-либо правила... Я никогда ни с кем не встречался. У меня никогда не было девушки. Ты первая, с кем я пошел на настоящее свидание.

Она ничего не говорит в ответ, ее лицо непроницаемо, и у меня внезапно начинает болеть в груди.

У меня такое ощущение, что я теряю ее, даже до того как вообще получил.

— Когда я рассказал тебе о том, каким я был, о том, как я раньше себя вел... тот самый парень, которого ты мимолетно увидела со слов Жуаны, он в прошлом. Я теперь не такой.

Она обнимает себя за плечи, как будто хочет защититься. Мне просто невыносимо оттого, что она чувствует потребность защищать себя от меня.

— Что именно изменилось? — спрашивает она спокойным, ровным голосом.

— Ты. — Я пользуюсь случаем и подхожу к ней ближе, взяв ее обеими руками за плечи. Она не высвобождается, и это вселяет в меня надежду.

— Ты изменила меня.

— Я?

Она трясет головой, дергая себя за нижнюю губу пальцами.

— Для меня существуешь только ты, Мия. Ты одна. — Мой взгляд перемещается на ее губы.

Он перестала дергать себя за губу и уронила руку вниз.

Песня «Это любовь» заиграла где-то в отдалении. Мелодия плавно, через толпу, доходит до нас. Мия поднимает на меня свои глаза. Биение моего сердце ускоряет свой ритм. Затем песня взрывается звуком, как напряжение между нами, которое достигает такого накала, что у нас больше нет сил противостоять нашему взаимному притяжению.

Ее дыхание становится учащенным... и при очередном вздохе она закрывает глаза... ее губы слегка приоткрыты...

И я знаю.

Сейчас.

Наступил тот момент, которого я ждал с тех самых пор, как она переступила порог отеля.

Я наклоняюсь к ней ближе, проведя рукой по ее щеке, умирая от желания прикоснуться губами к ее сладким губам... и вдруг звук вокруг нас усиливается до такой степени, что мне кажется, что у меня вот-вот лопнут барабанные перепонки, от визга и писка вокруг нас.

И затем я чувствую на себе то, что стало причиной всего этого визга и смеха. Я с головы до ног забрызган краской.

Глаза Мии тут же распахиваются, и она от удивления открывает рот.

Чертова вечеринка с разбрызгиванием краски.

Не могли подождать хотя бы пять гребаных минут, прежде чем начать разбрызгивать это дерьмо!

Я провожу рукой по волосам и смотрю на свою ладонь. На ней разводы желтой, синей и розовой неоновой краски. Мия проводит рукой по своему лицу. Она так же покрыта брызгами краски, как и я. Пробегая пальцами по своей щеке, затем по лбу, она размазывает краску, смешивая ее на своем лице.

Так она выглядит еще красивее, если это вообще возможно.

Ярко.

Экзотично.

И так опасно для моего сердца.

Она поднимает лицо вверх, чтобы понаблюдать за непрерывным дождем из краски, прикрывая глаза рукой и смеясь.

И я больше не могу ждать ни секунды.

Я беру ее лицо в свои руки и целую ее. Настоящим, глубоким поцелуем.

Ее тело слегка дрожит, я чувствую, как она напряглась, всего на секунду. Затем она расслабляется в моих руках, и ее губы открываются навстречу моему поцелую.

Невероятные ощущения волной прокатываются по моему телу, с губ до самого члена. И если сказать всего в двух словах — он пребывает в эйфории.

Запустив пальцы в ее волосы, я придерживаю ее за шею.

— Ты не против? — шепчу я, едва прикасаясь к ее губам.

Она отрицательно машет головой.

Именно этого ответа я и ждал.

Я целую ее снова, проскользнув языком в ее рот, мечтая о большем.

Руки Мии скользят вверх по моим рукам. Я чувствую скользкую жидкость на своей коже под ее руками, и это делает ее прикосновение еще более чувственным.

Ну ладно, вся эта ерунда с разбрызгиванием краски, возможно, не такая уж и плохая идея.

Она становится на цыпочки, обвивая мою шею руками и запуская свои пальцы мне в волосы, удерживая мою голову напротив своей.

Не то чтобы ей была необходимость предпринимать подобные действия, потому что я не собираюсь никуда уходить в данный момент. И вообще никогда. Но мне очень нравится то, что она хочет, чтобы я был как можно ближе к ней. То, что она не хочет отпускать меня.

Я обнимаю ее руками за ее тонкую талию, приподняв ее маленькую фигурку и крепко прижав к себе. Она такая маленькая, такая хрупкая, но при этом негибкая.

Она просто неповторима.

Все то, на что я раньше не обращал внимание.

Я знаю, что я попал. Она завладела мной. Если раньше еще оставался шанс на спасение, то теперь, после того, как я попробовал ее на вкус, этот шанс упущен.

Я пропал из-за нее.

Я знаю, она должна будет уехать меньше чем через неделю, но я не могу позволить этому произойти. Мне нужно будет придумать, как сделать так, чтобы она осталась со мной. Точнее, сделать так, чтобы она хотела остаться со мной.

Мия

Если бы моменты можно было запечатлеть навечно, чтобы потом возвращаться к ним, то мои моменты были бы связаны с прошлой ночью.

Я бы поместила в коробку все свои воспоминания, завязала бы лентой и сохранила бы ее навсегда. Сохранила бы, чтобы открыть тогда, когда просто необходимо вспомнить чудесные моменты.

Я знаю, что для большинства девушек пойти с парнем в ночной клуб с разбрызгиванием там неоновой краски, может быть, и не такая уж замечательное событие.

Но я не другие девушки.

Потому что эта ночь принадлежала мне. Джордан посвятил ее мне. Сфокусировался на мне. Волновался, была ли я счастливой, хорошо ли проводила время.

Я.

Я себя чувствовала абсолютно свободной с этим человеком.

Я могла танцевать так, как хотела я. Говорить, с кем бы ни захотела. Целовать того, кого выберу я.

Джордана.

Нет страха. Ощущения контроля. Гнева.

Просто счастье.

Я никогда такого не испытывала, но так хотела снова это ощутить...

И снова...

И снова...

Словно лучший кусок от пирога свободы, покрытый взбитыми сливками и тертым шоколадом.

И Джордан был этими шоколадом.

Мы находились в клубе, поглощенные друг другом. Когда ночь закончилась, и наступило время поехать домой, Джордан и я вместе вернулись в отель на его машине, а Бет выпал шанс поехать домой с Тони.

Он был идеальным. Да, все было идеально. И когда он подошел к моей двери, то поцеловал меня на прощание — сладчайший поцелуй из всех, испытанных мною. А потом пошел в свою комнату.

Я отмыла краску, как могла, и, полностью удовлетворенная, легла в постель.

Теперь я, ни свет, ни заря, лежу в постели и не могу заснуть. Считаю минуты до того, как увижу Джордана, одновременно воспроизводя каждый момент прошлой ночи — включая ту встречу с бывшей Джордана. Я съеживаюсь от страха, когда думаю над тем, что сказала она, и пугаюсь еще больше от сказанного мной.

Когда я слышу стук в дверь, чуть ли не выскакиваю из кровати от предвкушения и вспоминаю, что я в пижаме, только когда открываю дверь. Я, возможно, выгляжу отвратительно. Я никогда не была озабочена своим видом — до него. Я одевалась мило, потому что на это рассчитывали Оливер и Форбс.

— Привет, — говорит он низким и слегка охрипшим голосом, — я тебя не разбудил?

Боже, он шикарно выглядит даже так рано.

— Нет. Я уже давно проснулась. Не могла заснуть.

— Как и я. Эта девушка заняла все мои мысли.

— Я ее знаю? — я с трудом борюсь с желанием улыбнуться.

Дозер появляется возле Джордана, и все внимание щенка сосредоточено на мне.

Оставляя позади Джордана, он подходит ко мне.

— Привет, приятель, — я становлюсь на колени, чтобы его погладить.

— Возможно, ты ее знаешь, — отвечает на мой вопрос Джордан, — блондинка, голубые глаза, красивая... Прошлой ночью мы были на свидании.

Он только что назвал меня красивой.

Красивой.

Задумавшись, я смотрю на Джордана.

— Правда? — подыгрывая ему, говорю я. — Так как прошло ваше свидание?

— Ну, вот в чем дело... — он наклоняется, глядя Дозера, который устроился между нами. Кончики его пальцев дотрагиваются до моих.

— Свидание было изумительным, и с тех пор я не могу перестать думать о ней... о ее великолепных губах... — он наклоняется над Дозером, оказываясь еще ближе ко мне. У меня обрывается дыхание.

— И мне определенно нужно ее поцеловать.

Бум-бум-бум... Я уверена, что он слышит мое сердце — так сильно оно бьется.

— Думаю, ей нужно, чтобы ты ее поцеловал, — выдыхаю я.

— Ты так думаешь? — он покусывает свою нижнюю губу.

И стоит мне дотронуться губами до губ Джордана, как я тут же вспоминаю, что не почистила зубы.

— Подожди, — говорю я в его рот, положив руку на его грудь, — я не почистила зубы.

— Шшш, — его рука возвращается на мой затылок... держа меня... углубляя поцелуй. Очевидно, у него нет проблем с моим утренним дыханием. Я не хочу, чтобы он перестал целовать меня, но знаю, что должна его остановить.

Его поцелуи опьяняют. Я бы считала, что моя жизнь удалась, будучи опьяненной ими все дни напролет.

Он так близко ко мне, как только можно — учитывая собаку весом в сто шестьдесят фунтов между нами, — обхватывает мое лицо своими руками, контролируя наш поцелуй. Вот тогда я чувствую, что между нами все изменилось.

Стало глубже.

Не спрашивайте меня, как или почему так произошло — так получилось, и я знаю, судя по его взгляду, что он чувствует то же самое, и, когда он прерывает поцелуй, чтобы вдохнуть, его глаза неотрывно смотрят прямо в мои.

Я знаю, что в этот момент между нами образовывается неразрушимая связь. Что-то навсегда объединяет нас, и не важно, что произойдет, я никогда не буду без Джордана.

— Привет, — шепчу я.

— Привет, — в ответ улыбается он.

Дозер опускает свою голову между нами, заставляя Джордана чуть отодвинуться от меня.

Я фыркаю и глажу Дозера, одаривая его всем желанным для него вниманием.

— Так, где я остановился до того, как ты меня отвлекла?

Его губы тронуты улыбкой, и он выглядит таким же ошеломленным, как и я.

— Ты рассказывал мне о том твоём изумительном свидании прошлой ночью.

— Да, точно. Ну, оно было таким потрясающим, что я надеялся, что она пойдет на следующее свидание со мной сегодня.

— Ты всегда можешь спросить ее.

— Что, как ты думаешь, она скажет?

— Хм... — я задумчиво поджимаю губы, — думаю, она определенно скажет "да".

— Здорово, я распланировал для нее целый день, — его улыбка становится шире. Он наклоняется и еще раз целует меня, и, отодвигаясь слишком быстро, оставляет меня желать большего.

— Вымой волосы еще раз, — он накручивает прядку моих волос на свой палец.

— Что? Почему? — я дотрагиваюсь до волос там, где находится его рука, и чувствую слипнувшиеся прядки. Чертова краска.

— Голубые и немного розовые, — изучая мои волосы, он чуть наклоняется вперед, — тебе идет.

— Мне достаточно моего естественного цвета волос, спасибо.

Усмехнувшись, он поднимается на ноги. Я следую за ним.

— В душ. Потом быстро иди переодеваться, и мы поедem. Нам нужно выехать пораньше, чтобы добраться до места вовремя.

— Куда мы едем? — спрашиваю я.

— Увидишь, как доберемcя. Пошли, Дозер. Оставим Мия переодеваться. У меня для тебя припасено несколько сосисок.

Дозер, услышав про сосиски, наострил ушки. Для собаки с гипсом на ноге он двигается быстро.

— Променял меня на сосиску, — жалуясь я, — а я еще думала, что у нас особенные отношения, Дозер.

— Чтобы ты знала... — Джордан опирается плечами на дверную раму, — я никогда не променял бы тебя на сосиску, — блеск в его глазах выдает его желания.

Я краснею вся, сверху донизу.

Улыбаясь краешком губ, он поворачивается и собирается уйти.

— А, и убедись, что надела удобную обувь. И возьми что-нибудь теплое, на всякий случай, — обернувшись, говорит он мне.

— Хорошо, — я закрываю дверь, крепко удерживая мое счастье двумя руками.

Одна вещь, которую я начинаю понимать с Джорданом — то, что чудесные моменты — не редкость. Кажется, я могу сохранить больше, чем одно счастливое воспоминание об одной ночи, и я думаю, что и руки, и сердце будут ими наполнены до краев.

Одетая в джинсы и футболку и обутая в сникерсы, я, не забыв прихватить с собой запасную футболку с капюшоном, еду вместе Джорданом в город. Он не говорит о месте назначения, но у меня появляется довольно ясное представление о нем, когда он останавливается у «White Rock Jeep Tours»

— Ты берешь меня в джип-тур?

Я никогда такого не делала.

— Да. Ты не против?

— Только за, — я глажу его шелковистые волосы.

— В сезон я помогаю Уэйду с турами, — говорит он мне, — но с тех пор, как ушел папа,

работаю я мало. Со мной ты в безопасности — я официальный гид в этой поездке. Я подумал, что смогу отвезти тебя в Ла Плата Каньон. Каньон удивителен, и это одно из моих любимых мест. Помимо самого каньона, там еще много превосходных озер, рек и водопадов. Дикая жизнь кругом... К тому же, я помню, что ты говорила, что тебе нравятся животные.

Я привыкла думать, что животные намного добрее людей. До того, как я встретила Джордана.

— Какие животные там есть? — я чувствую дрожь от предвкушения.

Он берет меня за руку и целует костяшки пальцев.

— Олени, лоси, сурки, юнко. Еще ты можешь обнаружить ястребов и орлов. А если нам повезет, то мы увидим либо горного льва, либо медведя.

— Львы и медведи. Круто, — мои глаза расширяются. Я кусаю нижнюю губу. — Но если они подберутся слишком близко к нам, то мы сматываемся как можно быстрее, верно?

Он смеется и, положив руку на мое бедро, нежно сжимает.

— Точно.

Хорошо, что он, похоже, не замечает, как цепенеет мое тело. Оцепенение — смесь удивления, страха, но больше всего — желаний. Я хочу почувствовать на себе руки Джордана.

— Пошли, пора выходить.

Я вылезая из машины и следую за ним к магазину, на ходу обвязывая футболку с капюшоном вокруг талии.

Джордан открывает дверь, и звенит звонок, оповещающая о нашем прибытии. Джордан позволяет пройти мне первой. За прилавком стоит седовласый мужчина и читает газету. Он поднимает голову.

— Джордан, мальчик мой, как ты?

— Хорошо, — говорит Джордан, подходя к нему.

Они обмениваются типичным для мужчин рукопожатием.

— Уэйд, это моя подруга Мия, — представляет он меня.

— Привет, Мия, рад познакомиться с тобой. Попала в драку, маленькая леди? — намекает он на мое лицо.

Я цепенею и тут же расслабляюсь. Лицо выражает полное безразличие, а ложь легко спадает с моих губ.

— У меня был интересный разговор с лестничным пролетом после огромного количества выпитых бутылок пива.

Уэйд посмеивается.

— Ага, сам попадал в такие передряги. Сейчас принесу ваши ключи, — он хлопает Джордана по плечу и исчезает в подсобке.

Я чувствую на себе взгляд Джордана. Я знаю, о чем он думает — удивляется, как я могу солгать так эффектно и легко, без раздумывания.

Годы практики.

Наконец я рискую посмотреть на него. Его взгляд выдает замешательство, что проявляется в насупленных бровях и печали в глазах.

— Извини, что Уэйд спросил об этом... ну, знаешь, — тихо говорит он, — он не хотел тебя расстроить. Просто для парня он очень прямолинеен.

— Все в порядке, — уклоняясь от темы, улыбаюсь я. Все мои эмоции под контролем, поэтому улыбнуться — не сложно.

Джордан, наклонившись, приближает свое лицо к моему.

— Можешь притворяться перед всеми остальными, Мия. Я понимаю, почему, — он поднимает руку и большим пальцем проводит по моим губам, — но не притворяйся со мной.

Я потрясена до глубины души. Все, что я могу сделать, — кивнуть.

Он берет меня за щеки и целует в макушку, сильнее прижимая меня к своей груди, досказывая остальное без слов.

Я с ним на одной волне.

Я слышу, как Уэйд прокашливается. Мы с Джорданом быстро отодвигаемся друг от друга.

Уэйд издает смешок.

— Это тебе, — он протягивает Джордану ключи, — доверяю тебе свою — не думаю, что для вас двоих ты хочешь машину с восьмью сиденьями.

— Уверен? — уточняет Джордан.

Уэйд кивает.

— Возьми ее, повеселитесь. Она припаркована у служебного входа. Когда закончишь, просто поставь ее туда же. Если меня не будет, положи ключи в почтовый ящик.

— Сделаю. И опять же, спасибо, Уэйд, я правда это ценю, — Джордан протягивает руку и пожимает руку Уэйда.

— Обращайся в любое время, сынок. Хорошего дня. Передай привет отцу. Как он там? Давненько его не видел.

— С ним все хорошо. Моему дедушке сделали операцию, поэтому папа уже несколько недель ухаживает за ним.

— Дай ему знать, что я спрашивал о нем, — говорит Уэйд.

— Так и сделаю, спасибо.

— До свидания, — говорю я, следуя за Джорданом к двери, — рада была познакомиться с тобой, Уэйд.

— Я с тобой тоже, маленькая леди.

Как только мы выходим из магазина, я спрашиваю Джордана:

— Как себя чувствует твой дедушка?

Джордан смотрит на меня с теплотой в глазах.

— Потихоньку становится самим собой. Я звонил вчера папе и говорил с дедушкой по телефону. Он, к несчастью, завелся, поэтому я знаю, что ему лучше, — он нежно улыбается.

— Извини, что раньше не спросила. Просто временами моя голова бывает переполнена всякими мыслями.

— Понял, — он касается моего плеча, — а теперь подожди тут, мне нужно взять кое-что из машины.

Я смотрю, как он медленно идет к машине, открывает багажник и достает сумку-холодильник.

— Еда на потом, — уточняет он, подходя ко мне.

— Ты спланировал пикник, Джордан Мэттьюс?

Впервые за все время я вижу румянец на его щеках.

— Возможно, — бормочет он и идет к джипу.

Я, улыбаясь и чувствуя тепло во всем теле, становлюсь на его пути и кладу свою руку поверх его.

— Спасибо. Я никогда раньше не была на пикнике.

Его взгляд полон удивления.

— Никогда? Что, правда, никогда?

— Никогда, — подтверждаю я.

Он целует меня в макушку.

— Ну, тогда я рад, что забираю твою пикниковую девственность, потому что я приготовил превосходнейший пикник.

Я смеюсь, радуясь, что он не видит мое лицо сейчас, потому что оно похоже на помидор, настолько оно красное.

— Серьезно? — я стараюсь, чтобы мой голос звучал как обычно, но не получается, — ну, ловлю тебя на слове и жду, что с этим пикником ничто не сравнится.

— Ох, поверь. Я лучший.

Джордану повезло получить классный подарок от матушки-природы — умение флиртовать. Его намеки не только заводят мое тело, но еще от них краснеет мое лицо.

Мы обходим магазин, где я вижу ожидающий нас большой красный джип. Он покрыт грязью, но выглядит круто. Мое волнение повышается на несколько сотен делений.

Джордан открывает дверь и помогает залезть в машину, потому что ее подъем очень высокий, а я слишком маленькая.

Он садится со стороны водителя, а я чувствую, как моя талия и бедра все еще горят от прикосновений его рук. С заднего сиденья он берет сумку-холодильник.

— Пристегнись, малышка. Я готов взять тебя в самую лучшую поездку в твоей жизни, — усмехаясь, он, громко газуя, заводит машину.

Малышка.

Он назвал меня малышкой.

Я знаю, что то, что я не могу сдержать улыбку от его ласкового прозвища, — глупо. Прежде чем он заметит, что я веду себя как девчонка, я беру себя в руки и смеюсь.

— Ты такой ботан, ты это знаешь?

Он шутливо обижается.

— Эй! Я крут, и ты это знаешь.

Я закатываю глаза, качая головой.

— Ну же, скажи это... Ты же знаешь, что хочешь. Просто скажи: «Ох, Джордан. Ты крут и невероятен». Не нужно смущаться, чтобы сказать правду, малышка, — он самоуверенно усмехается.

Я слегка посмеиваюсь.

— Мне понравилось, как ты это сказал. Я понимаю, что ты весь из себя, водишь потрясающую машину, но под этой личиной кроется типичный ботан.

Он, закинув голову назад, громко смеется. Смех глубокий и мужской. И чудесный.

— Ты меня ранила прямо в сердце, — он драматично кладет руку на сердце, — я ведь думал, что показал тебе, насколько я невероятен. Похоже, мне просто остается удивить тебя моими навыками гида.

— Сказал истинный ботан, — заключаю я с улыбкой.

Мы легко общаемся весь путь до Ла Плата Каньон.

Когда мы доехали до каньона, я чуть не умерла от восторга. Никогда не видела ничего подобного. У нас не было таких мест в Бостоне, и это радует мое сердце. Я понимаю, почему

моя мама вернулась сюда жить.

Моя мама.

Несколько дней я не думала о ней. Не потому, что забыла, а потому, что Джордан стал центром всех моих мыслей. Мне больно, когда я думаю о маме и ее предательстве. А я не хочу испытывать боль. Просто хочу прочувствовать все те невероятные эмоции, которые я испытываю, находясь рядом с Джорданом.

Знаю, что не смогу долго избегать этого. Я здесь только потому, что должна найти маму. Но сегодня я предпочитаю не думать о ней.

— Сейчас мы пересекаем озеро Крик, — говорит Джордан, когда мы едем по деревянному мосту. Я выглядываю из окна, чтобы посмотреть на воду. Красиво.

— А это Пик Ла Плата, — указывает Джордан на слегка покрытую снегом гору, — прекрасное место, чтобы подняться наверх.

— Выглядит сказочно, — с замиранием сердца говорю я.

— Однажды мы можем взобраться наверх, если ты хочешь. Я бы взял тебя сегодня, но у нас нет необходимого снаряжения.

Это предложение провести больше времени с Джорданом? Э, да пожалуйста!

— Я бы хотела этого, — улыбаюсь я.

Поездка через каньон изумительна. Джордан часто останавливается, чтобы показать мне ту или иную достопримечательность. Он так хорошо знает эти места и безумно увлекательно рассказывает мне историю каньонов.

Мы останавливаемся и выбираемся из джипа, чтобы посмотреть на любимое озеро Джордана. Оно глубоко в каньоне, а вершины гор вокруг покрыты снегом. Вода в каньоне самого прозрачного голубого цвета, который я когда-либо видела, а прямо в середине озера выросли горные породы.

Я закрываю глаза и представляю, на что это было бы похоже — сидеть здесь, на этой скале, окруженной всей этой водой.

Абсолютное уединение. Свобода.

Мир. Просто мир.

Я задаюсь вопросом: освободилась бы я от страстей, исчезла бы боль в моем сердце и мысли в голове?

Джордан подходит сзади и обнимает за талию. Меня охватывает жар его тела. В его руках я чувствую себя в безопасности.

— Расскажи мне больше о своих путешествиях, — тихо говорю я.

— О чем ты хочешь узнать?

— О тех местах, где ты был.

Он утыкается своим лицом в изгиб моей шеи.

— Я был на Филиппинах, в Индонезии, Малайзии, Сингапуре, Вьетнаме, Камбодже и Таиланде.

— Ого. Впечатляющий список.

— Ну, мы с приятелями захотели посмотреть мир, так что решили, что начнем с Юго-Восточной Азии. Мы путешествовали пешком, было много трудностей, пока шли, приспособивались, как могли, даже в ночлежках останавливались... — смеется он, — мне было все равно, я просто мир хотел увидеть, — выдыхает он. Дыхание опалает кожу шеи жаром, проникающим в меня и заставляющим мои внутренности перевернуться от волнения. — Мы были уже готовы полететь в Индию... Тогда-то я и получил известие о маме.

— Мне так жаль, Джордан, — я обхватываю его руки своими, крепко держа его, — думаешь, ты будешь снова когда-нибудь путешествовать?

— Нет.

— Почему нет?

Выдохнув, он перемещает свое лицо чуть выше по моей шее. И это движение сводит меня с ума.

— Ты пахнешь охренительно хорошо. Ванилью.

Я знаю, что он избегает вопросов, но сейчас мне трудно думать об этом. Дрожь бежит по телу вниз, и я могу почувствовать, как трусики становятся влажными.

— Я моюсь гелем с запахом ванили, — мой голос звучит с придыханием и совсем не похож на мой.

Он снова вдыхает мой запах.

Его руки начинают двигаться, глядят мой плоский живот, и, держась за ремень моих джинсов, он притягивает меня к себе еще ближе.

Я чувствую, как он прижался ко мне сзади, и мое тело начинает оживать и реагировать на его прикосновения... желает прочувствовать его... больше, чем просто прикосновения...

— Я люблю это озеро, — говорит он у моего уха, его дыхание прерывисто и заводит меня, — оно напоминает мне о том кратере вулкана, который я увидел в Ринжани.

— Где это? — спрашиваю я, оторванная от реальности.

— В Индонезии, — кладя руку на мою щеку, он поворачивает мое лицо к себе, — твои глаза такого же цвета, как и тамошняя вода.

У меня во рту становится сухо.

— Серьезно?

Его взгляд перемещается на мой рот. Я облизываю языком свои пересохшие губы. Его глаза блестят.

— Ты голодна? — спрашивает он.

Я совсем не уверена, что сейчас мы говорим о еде.

— Я голодна, — говорю я с придыханием. Мой голос не похож на мой и звучит очень сексуально.

Не говоря ни слова, он прижимает свои губы к моим, засовывает язык в мой рот. Я поворачиваюсь в его руках, и он сильнее прижимает меня к себе.

Мне нравится то, как я сейчас чувствую себя. Защищенной. Желанной. Он заставляет меня чувствовать себя сексуальной и соблазнительной. Так я раньше себя никогда не чувствовала.

Наш поцелуй быстро становится страстным и словно доведенным до отчаяния. Я запускаю пальцы в его волосы, ближе привлекая его к себе. Ему, должно быть, это нравится, потому что звук, который он издает, звучит очень одобрительно. Руками он поднимает меня, отрывая от земли. Действуя инстинктивно, я обвиваю своими ногами его талию. Я не осознаю, что мы движемся, пока моя спина не впечатывается в джип.

Его поцелуй настойчив, как и мой. Я шокирована своей реакцией: я так хочу его и одновременно так смущена своим желанием. В то время как тело требовательно просит сильнее прижать его к себе, страх велит мне оттолкнуть его.

Остановился бы он, если бы так и произошло? Хочу ли я остановить его?

Пока нет.

— Боже, Мия, — говорит он в мой рот. Его руки двигаются, обхватывая мою грудь

поверх рубашки. От его прикосновений соски твердеют, и из моих губ вырывается стон.

Его рука залезает под мою футболку и поднимает ее вверх. Пальцы залезают под чашечки лифчика, и я думаю: «Да... Боже, да!». Он опускает чашечки вниз, его теплые, слегка шероховатые руки обхватывают мои груди, а большой палец дотрагивается до твердой вершинки...

Так сильно его хочу...

И потом я ощущаю его твердость. Его эрекция прямо напротив моих интимных мест.

В мозгу проносится изображение, уничтожающее все удовольствие: Форбс. То, как он придавливает меня к той стене и пытается изнасиловать.

«Я собираюсь втрахать в тебя немного здравого смысла. Тебе нужно преподать урок».

Рука Джордана неожиданно становится рукой Форбса. И удовольствие исчезает. Остается лишь страх. Чистейший воды страх.

И паника.

Я паникую. Мои мускулы заблокированы контролирующим меня страхом. Меня тошнит.

— Остановись. Пожалуйста, остановись, — не успев перевести дыхание, говорю я, отпихивая его руку.

Мне нужно, чтобы он слез с меня. Джордан моментально убирает руку с моей футболки и кладет ее чуть выше моей головы на автомобиль.

— Боже, мне так жаль. Мия, ты в порядке? — он внимательно смотрит на мое лицо, — скажи мне, что с тобой все хорошо. Дерьмо, я действовал слишком быстро. Не думая. Мне так жаль, — он качает головой.

— Все в порядке, я просто... я хотела... — я с трудом перевожу дух. — Просто... я... не могу. Не сейчас. Извини.

— Мия, нет... — он прислоняется своим лбом к моему, — тебе ничего не нужно объяснять. И никогда не нужно. Даже не сожалей. Я тот единственный, кто должен сожалеть. Я просто потерялся в тебе, но это никогда не повторится снова, — его голос страстен и полон обещаний, — с этого момента я предоставляю тебе лидерство. Мы будем действовать так медленно, как ты захочешь.

Ничто прежде не успокаивало меня так, как звук его голоса и его слова.

— Ладно, — выдыхаю я.

Чтобы собраться, мне требуется время, и когда я готова, то обхватываю его лицо своими руками.

— Ты самый лучший человек, которого я когда-либо знала, Джордан.

Он долго всматривается в мои глаза.

— Аналогично, малыш, аналогично.

Джордан

Я полностью облажался с Мией.

Не удивительно — это же я. Когда я прижал ее к джипу Уэйда, то начал думать не головой, а членом.

Ее тело было нежным и отзывчивым в моих руках, я так сильно хотел ее, но потом она запаниковала, и я физически мог ощутить ее страх.

И я почувствовал себя самым настоящим козлом. Чувствую себя таким до сих пор.

Я знал, через что она прошла, но, тем не менее, с головой окунулся в происходящее. Я должен был спросить, могу ли я дотронуться до нее, проверить, был ли каждый мой шаг правильным. Просто подумал, что когда она со мной, то все по-другому.

Насколько же чертовски я был не прав.

Не удивительно, что она после этого притихла. Я привез ее к покрытому дикими цветами горному хребту, с которого открывался чудесный вид на каньон. Думал, ей понравится, когда она взберется на него, и был прав. Казалось, она чуть оживилась и снова стала сама собой, но не настолько, чтобы чувствовать себя со мной так, как раньше. Ее открытость и чувство духовной близости, что возникло между нами, исчезли.

Она полностью закрылась от меня.

Мы поели, потом осмотрели еще несколько мест, и я следил за тем, чтобы больше не прикасаться к ней. Было трудно, но именно об этом я говорил, предоставив ей право быть лидером в наших отношениях.

Она не предприняла ни единого шага, чтобы снова стать ближе ко мне.

Это было три дня назад.

С тех пор мы не целовались, не дотрагивались друг до друга и не держались за руки.

Мы ходили в кино, вместе обедали, просто развлекались в отеле, но было такое ощущение, что мы вернулись к исходной точке — снова стали друзьями.

Вчера мы совершили еще одну неудачную поездку, чтобы найти ее мать.

Из списка остались только две Анны, и Мия не могла выбрать, к какой из них ей поехать первой. Поэтому она заставила меня выбирать, что было нелегко. Но я закрыл глаза и ткнул пальцем в газету. Так и выбрал. После этой поездки можно было только мечтать, потому что оставалась еще только одна Анна, а в этот раз результат был таким же, как и в прошлый.

Это была не Анна Мии.

Сначала я подумал, что она действительно могла бы ею быть. Утонченная блондинка — как и Мия. Правда, милая леди. Когда я сказал, почему мы сюда пришли, она пригласила нас внутрь дома, усадила в гостиной и приготовила чай. Затем дружелюбно объяснила, почему она не могла быть мамой Мии.

Она не могла иметь детей.

Сказать, что я ошибся, — ничего не сказать.

Мы немного пообщались, но я почувствовал, что Мия потихоньку начинает пропускать все мимо ушей. Я ненавидел это ее состояние больше, чем я могу выразить словами.

Анна предложила нам еще чаю, поэтому, не зная, о чем еще говорить, я согласился.

Когда она уже собиралась выйти из комнаты, она вдруг остановилась и повернулась к Мие:

— Если бы я была благословлена ребенком, тогда я бы хотела такого же милого, как ты.

Это явно был комплимент, но он причинил Мие боль. Я мог прочитать все на ее лице.

— Ты в порядке? — тихо спросил я ее.

— Да.

Не уверен, слышала ли она меня. Она озадаченно смотрела на Анну и, несомненно, была ошеломлена. На ее лице я видел страстное желание и боль. Я знал, что Мия хотела бы, чтобы эта женщина была ее матерью.

Это причиняло боль мне. Наш приход сюда был ошибкой. Когда Мия неожиданно встала, я подумал, что эти поиски ее матери приносят ей больше вреда, чем пользы.

— Ты как? — снова спросил я, вставая и направляясь к ней.

Ее глаза посмотрели в мои, но сама она была не здесь. Она ушла внутрь себя, и в этих голубых глазах можно было увидеть панику. Она думала, что скрывает ее, но я все равно увидел.

Потому что видел ее всю.

— Мне нужно идти, — проговорила она, ее взгляд метнулся к входной двери.

Я знаю, что когда Мие нужно уйти, то она просто уходит, без разговоров и прощальных слов. Она просто должна уйти — я это понял еще во время нашего визита к первой Анне Монро.

Кивнув, я взял ее холодную руку.

— Конечно, малышка. Пошли.

И я вытащил ее оттуда. Мия не говорила всю дорогу домой, и как только мы приехали, она просто выбралась из машины и направилась к своей комнате.

Я не остановил ее.

Я не видел ее весь вечер и всю ночь. Дал ей личное пространство, потому что знал, что оно было ей необходимо.

Когда утром она вышла из своей комнаты, она была сама не своя — вся усталая и напряженная. Она сказала, что уйдет, и я расстроился.

Я скучал по ней.

Знаю, звучит странно, потому что я все время видел ее, но я скучал по возможности дотронуться до нее. Просто быть с ней рядом.

Ее не было дома целый день, и я начал думать, что она меня избегает.

Я не знал, что еще думать.

Я целый день только и делал, что думал об этом, и эти мысли окончательно измучили мой мозг.

Мне была невыносима неопределенность. Я хотел знать, кто я для нее. Мы снова стали «друзьями»? Неужели я настолько все испортил? Она передумала насчет меня... нас?

Я даже не могу пойти и спросить ее — боюсь, что услышу то, чего не хочу слышать.

Я встаю, злой, расстроенный и раздраженный. День выдался безумно жарким, и после захода солнца прохладней он не стал.

Дозер опускает голову и тяжело вздыхает. Тоже скучает без нее.

К черту. Мне нужно остыть.

Я снимаю шорты, оставляя только «боксеры». Бегу к озеру, вниз по дощатой дорожке, и сразу ныряю в воду. Вода охлаждает меня, и я уже чувствую себя намного лучше. Я плыву под водой до тех пор, пока легкие не начинают гореть, и только потом выныриваю. Вытираю

лицо, избавляясь от капель воды, и откидываю волосы за спину. Моргаю, чтобы стряхнуть капельки с ресниц, затем ложусь на спину и плыву, смотря в небо.

Не знаю, сколько времени я провел лежа на спине, но, когда решаю снова поплавать, встаю на ноги и, подняв голову, вижу Мию, которая стоит на середине мостика и смотрит на меня.

Она выглядит как ангел, освещенная отблеском раннего вечернего неба.

Глубоко вздохнув, я плыву к ней и останавливаюсь, когда оказываюсь в нескольких шагах от мостика. Из меня словно выкачали воздух, и я только молча могу смотреть на нее. В джинсовых шортиках и белом кружевном лифчике она выглядит великолепно... и сексуально...

Она выглядит как чертов ангел. Сексуальный треклятый ангел.

Затем она расстегивает шортики и снимает их.

На ней подходящие к лифчику кружевные трусики.

Спасибо, Боже. Я ошеломлен. Никогда не видел кого-то настолько красивого. Сидя на краю мостика, она покачивает ногами в воде. Раскинув руки в стороны, она соскальзывает вниз и погружается в воду. Подплывает ближе ко мне.

— Привет, — тихо говорит она.

— Привет.

— Извини, что меня не было так долго. Я просто...

Я качаю головой.

— Мия, тебе не нужно ничего объяснять...

— Нет, нужно. И я объясню. Но не сейчас. Сейчас, все чего я хочу — чтобы ты поцеловал меня... и занялся со мной любовью.

Чтоб... Меня...

Я хочу ее. Хочу нереально.

Еще полтора часа назад я бы продал «Мустанг», если бы это означало, что я мог быть с ней.

Но сейчас... я не знаю, что происходит. Ее не было целый день, а сейчас она появляется, снимает одежду и говорит, что хочет заняться со мной любовью.

Мой член говорит моему мозгу заткнуться к чертовой матери и просто сделать это, но голова думает, не оттолкну ли я ее этим от себя еще дальше.

— Ты нужен мне, Джордан... Пожалуйста, — шепчет она.

Ее мольба... с меня хватит. Добавьте и то, что у меня несколько недель не было секса, а она — самая красивая женщина, узнать которую для меня — мое заветное желание. Все мои благие намерения канули в Лету.

Я кладу руку ей на затылок и впиваюсь своими губами в ее губы.

Она стонет, ее руки обвиваются вокруг моей шеи, а ноги — вокруг талии.

Иисус треклятый Христос.

Я держу ее руками за талию и целую так, словно я остался без кислорода, а она — мой спасительный круг. Мы поглощены друг другом. На вкус она — смесь сладостей и мяты.

Ее руки движутся вниз по моим рукам, затем оказываются под водой и обхватывают мою спину. Ее пальцы подбираются к резинке моих «боксеров».

— Я хочу тебя, — выдыхает она в мой рот.

Затем оживает мой дурацкий мозг. Иногда я его реально ненавижу.

— Подожди, — я отодвигаю ее, тяжело дыша.

В ее глазах ясно читается разочарование. Я беру ее лицо в свои руки.

— Нам не обязательно сейчас заниматься этим. Я подожду так долго, как тебе нужно.

Просто хочу быть с тобой. Это все, что важно. Секс может подождать.

Ее хватка на моих «боксерах» усиливается, и я чувствую, как ее ногти впиваются в мою кожу.

— Не хочу ждать. Я хочу тебя сейчас. Хочу почувствовать себя прежней, нормальной и полноценной, и ты можешь дать мне это.

Мое сердце замирает

Я встряхиваю головой.

— Малыш, секс со мной не изменит того, как ты себя ощущаешь. Потом все эти чувства вернутся.

Кем я, черт, себя возомнил? Чертовым доктором Филом?

— Но они ненадолго исчезнут.

Я качаю головой, потому что не знаю, что еще сделать. Честно говоря, сейчас я чувствую себя изрядно, черт возьми, разочарованным.

Ее взгляд падает вниз.

— Ты не хочешь меня, — шепчет она, начиная отодвигаться от меня.

Тон ее голоса почти убивает меня.

Держа себя в руках, я заставляю ее встретиться со мной взглядом.

— Я хочу тебя, малыш. Поверь, хочу так, как никого другого. Не могу думать ни о ком, кроме тебя, быть в тебе. Я хочу тебя потому, что влюбился, — я слегка вздыхаю и отвожу взгляд, — но я хочу, чтобы мы занялись сексом потому, что ты его хочешь по той же причине, что и я. И ни по какой другой.

Она наклоняется ко мне и берет мою нижнюю губу в свой рот.

— Я хочу тебя, и с тех пор, как тебя увидела, не могу думать ни о чем другом, кроме как о том, что ты будешь внутри меня.

И вот так исчезают последние остатки разума.

Я целую ее со всей страстью. Так, словно не знаю, как надолго она меня покинула. Или как будто вовсе не делала этого.

Она гладит мой ноющий член, и я чувствую необходимость быть внутри нее.

— Черт, Мия, — издаю я стон.

Я иду по воде к берегу, держа Мию на руках, не готовый отпустить ее даже на секунду. В голове только одна цель — моя кровать.

Руки Мии хватают меня за плечи, а ногти впиваются в мою влажную кожу. Ее мокрые груди прижаты к моей груди и умоляют меня дотронуться до них.

Ладонь моей руки скользит вверх до кружевного лифчика, и я беру уже затвердевший сосок. Затем рука оказывается на задней части шеи, дотрагивается до волос, и я снова страстно целую Мию.

Она стонет так чертовски сексуально, что я практически теряю весь свой никудышный контроль.

Мы оказываемся в комнате, я пинком закрываю дверь и кладу Мию на мою кровать.

Моя комната темная, единственный источник света — окно. Я дотрагиваюсь до выключателя лампы, потому что хочу увидеть Мию, но она меня останавливает.

— Оставь как есть.

Что? Почему?

Я хочу увидеть каждый сантиметр ее невероятного тела, но у нее есть причины, чтобы просить меня не делать этого. Я соглашаюсь и медленно убираю руку.

На сегодня мы можем забыть о свете, но потом я сделаю так, что в этой чертовой комнате будет включена каждая лампа, чтобы я мог увидеть каждый дюйм ее восхитительного тела.

Я смотрю на нее, давая глазам привыкнуть к темноте. Я вижу ее силуэт на кровати, отблески ее сливочной кожи, и это заводит меня так сильно... где-то за гранью возможного.

Моя кровать — мое личное пространство, и в ней никогда раньше не было женщин. Но я хочу увидеть в ней Мию. Хочу увидеть ее в каждом кусочке мозаики моей жизни.

Забираюсь на кровать, встаю на колени между ее разведенных ног.

Наклоняюсь вниз, мои руки опираются о кровать по обеим сторонам от ее головы. Затем опускаю голову и целую девушку.

Медленными, легкими движениями руки скольжу вниз по лицу, дохожу до шеи, до все еще влажной груди.

— Так хорошо? — спрашиваю я, прежде чем продолжить.

— Да, — ее голос с придыханием звучит очень чувственно. Так, черт возьми, горячо.

Протянув руку, она дотрагивается до моих влажных волос. Сняв с ее плеча одну из бретелек, я отодвигаю чашечку лифчика в сторону и оголяю ее грудь.

Ее сосок уже набух и затвердел.

Я наклоняю голову и страстно сосу его. Она стонет, ее бедра резко поднимаются, и живот тесно прижимается к моему твердому члену. Я почти готов кончить.

— Черт! — вырывается у меня стон. Я кладу руки на ее бедра и прижимаю их к кровати. Они останутся в таком положении настолько долго, насколько это возможно.

Вновь возвращаюсь к ее соску, делая его влажным, а затем сосу и лижу каждую частичку ее груди, пока рука пытается найти сзади застешки ее лифчика. Наконец он расстегивается, я снимаю его и роняю на пол. Мия лежит на спине, положив руки мне на плечи.

Я смотрю на ее обнаженную грудь и не в состоянии отвести взгляд.

— Черт, Мия... ты прекрасна.

Она прикрывает лицо руками. Я знаю, что она стесняется.

Я беру ее руки и открываю ее лицо.

— Ты прекрасна, — повторяю я, глядя ей в глаза и нежно целую ее в губы.

Спускаюсь вниз по ее телу, чтобы раздеть ее полностью. Захватываю ртом второй сосок, уделяя не меньшее внимание, чем первому, одновременно лаская другой подушечкой пальца.

Она кричит. Задыхается и тянет меня к себе.

— Джордан, пожалуйста. Ты нужен мне.

— Черт! Ты такая горячая, — опускаю голову на ее грудь. Я хотел бы, чтобы это длилось как можно дольше, но не знаю, сколько еще смогу продержаться.

Становлюсь на колени и просовываю палец под ее трусики. Останавливаюсь, чтобы она дала мне знать, что все в порядке.

Она кивает головой.

— Пожалуйста, — говорит она.

Спускаю с нее трусики. Мия приподнимает ноги, чтобы позволить мне снять их сначала с одной, а затем с другой ноги. Бросив трусики на пол, я смотрю на ее выбритую нежную кожу. Могу дать голову на отсечение, что ее вкус такой же сладкий, что и запах.

Мой член еще сильнее твердеет. Я через ткань «боксеров» беру его в руки, и начинаю двигать рукой вверх и вниз, глядя на ее наготу.

— Мне нужно тебя попробовать... — спрашиваю и не жду ответа, слезаю с кровати и сажусь на пол, шире раздвигая ей бедра.

Прижимаюсь к ней ртом и всасываю ее разбухшую плоть. Иисус, на вкус она изумительна!

Мия кричит, издает невнятные звуки, вжимается пятками в кровать. Я улыбаюсь, наслаждаюсь ее реакцией и скольжу носом по горячей шелковой коже ее бедер, вдыхая запах Мии.

— Так чертовски хорошо, — выдыхаю я, зная, что вибрации моего голоса еще сильнее возбуждают ее.

Я вхожу в нее языком, набирая в рот еще больше ее сладости.

— Тише, все хорошо... Я здесь, малыш, — нажимаю языком на клитор и ввожу палец в нее. А затем еще один.

Потом продвигаю пальцы еще глубже, вынимаю их и облизываю. Я не останавливаюсь до тех пор, пока она не кончает мне в рот.

Она отходит от оргазма, а я снимаю «боксеры» в рекордное время и зависаю над ее дрожащим и настолько готовым для меня телом, что лучше просто не бывает.

Я целую ее и, проводя пальцем по ее губам, даю ей попробовать себя.

Она всасывает мой язык в рот. Пальцы впиваются в мои бедра и ближе прижимают к себе.

— Я хочу тебя, — выдыхает она.

Иисус. Она такая страстная.

Я дотягиваюсь до тумбочки, достаю нераскрытую коробку презервативов, которую купил, когда начал встречаться с Мией.

Назовем это «планированием».

Я ведь оптимистичный парень. И да, оптимистичный, а не безрассудный.

Выходит, я был прав, купив их и сохранив тут. Я привык держать презервативы в машине или в бумажнике. Но Мия — не из тех девушек, с которыми я обычно развлекаюсь, и я знал, что, если у нас будет секс, он будет здесь.

Я открываю коробку, разрываю фольгу и надеваю презерватив. Устраиваясь меж ее ног, я упираюсь головкой во вход. Останавливаюсь, чтобы поцеловать — не страстно и жестко, а сладко и ласково. Я хочу, чтобы она знала, что значит для меня. Что я чувствую. Как сильно хочу этого с ней.

Ее руки сжимают мой зад, и она прижимает меня к себе еще ближе.

Позволяя ей вести, я медленно вхожу в нее.

— Мия... — Ее имя звучит как мольба.

Ее бедра прижимаются к моим.

— Джордан, — выдыхает она.

Целую ее, я выхожу и снова плавно скольжу в нее.

— Ты так чертовски хороша! Я никогда не хотел никого так, как хочу тебя.

— О, Боже, — стонет она, впиваясь ногтями в мою спину и царапая ее.

Ощущения от ее ногтей...

Я внутри нее...

И тогда я теряю контроль. Начинаю двигаться в ней так, как будто это мой последний

раз.

— Не останавливайся, Джордан. Никогда не останавливайся, — ноги Мии поднимаются и обвивают мою талию, пока я продолжаю двигаться внутри нее.

Слишком. Она — слишком. Все эти чувства, эмоции и чувства...

Вся она...

Из-за нее...

И я понятия не имею, что мне с этим делать...

Я сцепляю ее руки и прижимаю к кровати над головой Мии. Смотрю на лицо девушки, вижу удовольствие, пока вхожу и выхожу из нее. Ловлю каждый стон и произнесенное шепотом мое имя.

Проходит не так много времени, прежде чем я чувствую, как она сжимается вокруг моего члена, и я знаю, что она на грани.

— Вот так, малыш, — тяжело дышу я, — кончи для меня.

Я чувствую, как она кончает, и сам кончаю в нее так сильно, как никогда прежде.

Ловлю ее дыхание и остаюсь в ней, пока не готовый уйти.

Я нежно целую ее губы.

— Вау, — мурлычет она.

— Что-то вроде этого, — говорю я.

Она тихонько смеется. Ее смех звучит очень мило.

Я прижимаю свой лоб к ее, вдыхая ее запах.

— Ты захватила все мое существо, Мия. — Мне нужно, чтобы она знала о моих чувствах. Как много она значит для меня. Мне нужно, чтобы она знала обо мне все, но не знаю, как ей рассказать об этом.

Ее пальцы дотрагиваются до моего лица. Прикосновения едва ощутимы, но я чувствую, как она прикасается прямо к моей душе.

— Я чувствую то же самое, — шепчет она.

Мое сердце останавливается — только сейчас я понимаю, как отчаянно желал услышать от нее эти слова.

— Дай секунду, мне нужно привести себя в порядок, — слезаю с нее, иду в ванную, где снимаю с себя презерватив и быстро моюсь.

Когда я возвращаюсь, достаю из-под нее одеяло и забираюсь на кровать, укрывая нас обоих. Притягиваю ее к себе, прижимаюсь и крепко держу ее в своих объятиях.

Я обнимаюсь. После секса.

И я не хочу убегать. Не хочу быть где-нибудь, кроме как здесь, в постели, с Мией в моих руках.

Меня омывает такая умиротворенность, которую я никогда не ощущал прежде.

Я тону в ней. Тону в ней. Все, чего я хочу — последний глоток Мии. Я хочу дышать только ею.

Она гладит меня.

— Я счастлива, — шепчет она.

Я улыбаюсь в ее нежную кожу.

— Как и я, малышка.

Она поворачивается лицом ко мне, смущенно улыбаясь своим невероятным ртом.

— Что? — спрашиваю я.

Она проводит пальцем вниз по моей груди.

— Можем ли мы... повторить?

— Сейчас? — поднимаю бровь.

— Ну...

— Ему нужна хотя бы минута, чтобы вернуться к жизни, — говорю я, показывая на член.

Она опускает руку, обхватывает его ладонью, и тот под действием ее прикосновений снова твердеет.

— Ладно, может, минута — это слишком, — говорю я, усмехаясь, кладу ее на спину, а сам ложусь сверху. Я люблю издаваемый ею смех, который оказывается во мне, когда ее рот прижимается к моему.

Мия

Чувствую спиной тепло. Чьи-то пальцы выводят кружочки на моей коже. За всю свою жизнь я не ощущала себя такой счастливой после пробуждения.

Затем я вспоминаю, где нахожусь, и кто дотрагивается до моей спины.

Джордан.

Я в его кровати.

На меня обрушиваются воспоминания о прошлой ночи, яркие и красивые, воспоминания о сексе с Джорданом. Вдруг меня охватывает ужас, когда я понимаю, что полностью обнажена, не прикрыта и лежу на животе.

Джордан, наверное, проснулся. Он увидит мои шрамы. Возможно, смотрит на них прямо сейчас.

Мне плохо.

Я надеялась встать до того, как он проснется, и одеться. Я не готова к тому, чтобы он увидел мои шрамы. Не готова к его вопросам.

Это все моя идиотская вина.

После нашей встречи со второй Анной Монро, ее чуткого отношения к нам и последующего моего разочарования, что эта Анна Монро — не моя мать...

А также того, что последняя Анна из списка на самом деле может быть моей матерью...

Итог — я убежала в круглосуточный магазин, потом в мотель, где пряталась целый день. Мне стало плохо от мыслей об этом.

— Эй, — нежно позвал Джордан, когда я проходила через лобби.

Я знала, что он стоит за стойкой регистрации, но я просто не могла посмотреть на него, осознавая, что собираюсь делать дальше. Я опасалась, что он прочтет все на моем лице.

Со вчерашнего дня я так с ним и не поговорила. Он был таким милым, говоря со мной об Анне... но я слишком глубоко ушла в свои переживания.

— Я ухожу, — сказала я.

Выйдя из отеля, я села в машину и поехала в круглосуточный магазин на окраине города, где купила все то, что заставляло меня чувствовать себя лучше.

Я припарковалась на тихой стоянке и начала открывать пакеты с едой. Но потом меня пронзило озарение, быстро сменившееся паникой. Что, если меня кто-то увидит? А если Джордан поехал за мной и узнает, чем я занимаюсь? Звучит нелепо, конечно, но в тот момент я не могла рассуждать здраво.

Меня мучили всякие «что, если...».

Да и как бы я ему объяснила? Как бы заставила его понять?

Никак. Я бы его потеряла.

Потом я заметила вывеску мотеля прямо внизу улицы. Снова завернув еду, я завела машину и поехала туда.

Снаружи мотель выглядел запущенным, но мне было все равно. Мне просто нужно было побыть одной, поэтому я сняла себе номер.

Оказавшись в комнате, я сразу села на кровать и опять достала еду. Стоило ей прикоснуться к моему небу, как я почувствовала раздражающее рецепторы счастье — как

раз то, что мне было необходимо после побега из дома Анны Монро.

Как низко. Позже, после всего, что я совершила, я хотела только одного — Джордана. Это всепоглощающее желание быть с ним было похоже на одержимость.

Он — единственный человек, с которым я чувствовала себя полноценной.

Я хочу, чтобы он вернул мне это ощущение, поэтому привожу себя в порядок, ухожу из отеля, сажусь в машину и снова еду к нему... чтобы там снять с себя одежду и попросить его заняться со мной любовью.

Я просто не подумала о том, что будет после. О том, что он увидит меня. И шрамы.

Мне нужно выбраться отсюда.

Я быстро выбираюсь из кровати, беру полотенце и оборачиваю вокруг себя.

— Привет, — осторожно говорит он.

Я не могу заставить себя посмотреть в его глаза.

— Привет, — отвечаю я, — мне просто... нужно воспользоваться ванной.

Через секунду я уже там, закрываю за собой дверь, а затем иду к раковине и смотрю на себя в зеркало. Ненавижу свое отражение.

Я сижу на краю ванны, пытаюсь взять под контроль все свои эмоции и желания. Мне нужно одеться и выбраться отсюда, но не могу — одежда осталась там, где я раздевалась перед Джорданом.

О чем я думала? Я же так не поступаю. Это не я. Но это он заставляет меня стать такой. Стать кем-то... кто лучше меня.

Когда он увидит шрамы, которые я скрываю, это станет для него слишком большим потрясением. Я его потеряю теперь, когда я только его обрела.

Раздается тихий стук в дверь.

— Мия? Ты как, в порядке?

— Да, — мой голос срывается, — я скоро выйду.

Плотно обернув вокруг себя полотенце, я медленно открываю дверь ванной.

Джордан сидит на постели. На нем только черные боксеры.

Если бы не мое состояние, я бы обязательно получила удовольствие от созерцания его тела. Сказать, что он в хорошем состоянии — ничего не сказать. Я могла бы часами ласкать его шесть кубиков.

Его глаза встречаются с моими.

— Эй, — нежно говорит он. Поднимается на ноги и подходит ко мне.

Я делаю шаг назад. Сильно желаю, чтобы он дотронулся до меня, но одновременно боюсь последствий его прикосновения.

— Спасибо тебе... за прошлую ночь.

Спасибо тебе? Я не могла придумать ничего лучше?

— Я пойду в свою комнату...

— Подожди, — слышу его голос позади себя, — не уходи. Поговори со мной.

Я вздыхаю и оборачиваюсь.

— О чем ты хочешь со мной поговорить?

— Об этом... о тебе, обо мне, — показывает рукой на нас. — Поступая так, ты меня просто обижаешь. Я думал об этом ночью, — он проводит рукой по спутавшимся после сна волосам. — Слушай, я думаю, что знаю, почему ты так себя ведешь. Почему не позволила включить свет... Эти шрамы...

Я заметно съеживаюсь от страха.

— Ты не знаешь, о чем говоришь, — я чувствую, как мои глаза предательски наполняются слезами.

— Так расскажи мне, — он подходит с протянутыми ко мне руками.

— Не могу.

— Нет, можешь. Ты рассказала мне о других вещах, о том, что сделал тот ублюдок. Можешь рассказать и об этом. Я не осуждал тебя и не буду этого делать и дальше. Малыш, я тут...

Качаю головой. С ресницы падает слеза.

— Это сделал со мной не Форбс.

Его лицо каменеет. Я вижу, как пальцы сжимаются в кулак.

— Кто? — медленно говорит он.

Меня парализует страх. Я чувствую себя обнаженной и очень хочу, чтобы на мне была хоть какая-нибудь одежда.

— Кто, Мия?

В его голосе я слышу гнев. Я знаю: он злится не на меня, а на того, кто причинил мне боль.

Еще одна слеза падает на щеку. Я вытираю ее ладонью и набираю в грудь больше воздуха.

— Оливер. Мой отец.

— Это сделал твой отец? — недоверие в его голосе причиняет мне боль. Заставляет почувствовать себя ничтожеством.

— Ага, ну не все же такие везунчики, как ты. Не у всех есть такой отец, как у тебя, Джордан, — я не хочу, чтобы слова звучали так горько, но я не могу остановиться. — Мой отец не был мужчиной, который любил своего ребенка так, как твой. Мой был жестким, большим уродом, который бил меня, чем ему только вздумается. И обычно это был ремень, который оставил на мне эти шрамы.

Я сбрасываю с себя полотенце. Поворачиваюсь к нему спиной. Я чувствую постепенно возрастающую боль и выпадаю из реальности. Я не знаю, что делаю и где находится мой разум. Я просто... делаю это.

— Если все было плохо, а для этого много было не надо... достаточно было просто пролить молоко... Если я совершала особо тяжкие преступления, например, опаздывала в школу на минуту, то тогда он использовал металлический конец своего ремня. Ну, знаешь, чтобы причинить больше боли. Он считал, что так воспитывает меня.

Горячие слезы стекают вниз по моим щекам. Я не вытираю их, позволяя им обжечь мою кожу, чтобы я хоть что-то почувствовала. Мне нужно что-то почувствовать. Что угодно.

— Он использовал ножи и пистолеты. Все это для того, чтобы я знала свое место. Я потеряла счет бесчисленным сломанным ребрам и костям. Сломанные пальцы, которые я сама же ставила на место. Сломанные кости коленей из-за того, что он стоял на них своими ботинками, — я выдыхаю глубокими, болезненными толчками, — вот какой была моя жизнь. Сейчас ты знаешь все, и я ухожу.

Я поднимаю полотенце и прикрываюсь им, чувствуя болезненную ненависть к себе. Все, чего я хочу, — выбраться отсюда, но Джордан действует быстрее.

Его руки обхватывают меня сзади. Я не борюсь, потому что часть меня не хочет уходить. Мне нужна его забота больше, чем что-либо еще.

Я больше не хочу быть одинокой.

Я чувствую дрожь его тела. Он прикладывает свою щеку к моей. Мои глаза закрываются от боли, которая сжигает меня изнутри.

— Нет, Мия, — шепчет он, — нет.

Ощущение от прикосновения его рук... та безопасность, которую они мне дают, и понимание, что они никогда не причинят мне боли...

От этого я ломаюсь.

Как ломается стекло, так и я. Мои ноги подгибаются, но Джордан здесь, подхватывает меня. Подняв на руки, он опускает меня на кровать.

Я сворачиваюсь клубочком рядом с ним, лицом утыкаясь в его грудь, и выплакиваюсь за все годы глубоко похороненной внутри меня боли.

— Я тут... держу тебя... всегда. Никогда не позволю никому больше причинить тебе боль, Мия. Клянусь.

— Не уходи, — открывает он глаза.

— И не собиралась, — шепчу я охрипшим голосом.

Его пальцы выводят круги на моей спине.

— Как ты себя чувствуешь?

Протерев глаза, я опускаю голову на его грудь.

— Лучше.

Он понимающе кивает.

— Спасибо... что остался здесь и выслушал.

— Я всегда здесь, если нужен тебе, — он пальцем дотрагивается до моего лица, — раз ты чувствуешь себя лучше, может, тебе нужно еще немного поговорить?

Я качаю головой.

— Сейчас я чувствую себя нормально. И хочу так себя чувствовать и дальше, — моя голова лежит на его груди, и я слушаю, как бьется его сердце.

Мой взгляд падает на тату, которое покрывает правую часть его груди, поднимается до плеч и дальше идет вниз по руке, заканчиваясь на запястье. Тату этническая, с цитатами.

Я веду пальцем вниз по его руке, читая цитаты, которые видела прежде, но не уделяла им должного внимания.

«Не все те, кто думают, что они потеряны, потеряны».

Это на его бицепсе.

— У меня три татуировки, сделанные в разное время, — объясняет он. — Эту я сделал во время путешествия. В Индонезии.

Мои пальцы двигаются дальше по его руке...

«Если ты не можешь жить дольше, то живи глубже».

— Сделал после смерти мамы.

Я грустно улыбаюсь и прижимаюсь губами к надписи. Потом сажусь так, чтобы я смогла обхватить ногами его талию. Его руки держат меня за бедра.

— Закончила осмотр? — ухмыляется он.

— Я рассматриваю твои тату. И нет, не закончила, — улыбаюсь я и наклоняюсь ближе, чтобы прочитать слова, набитые на его груди.

«Я не ищу приключений».

Обычно они находят меня».

Я смеюсь. Настолько по-Джордановски. Но откуда-то я знаю эту фразу...

— Гарри Поттер! — внезапно ударяю пальцем по татуировке.

— Ауч! — жалуется он, потирая грудь.

— Извини, — смущенно улыбаюсь я, — но это же цитата из «Гарри Поттера», верно?

Он подозрительно на меня смотрит.

— Да, оттуда. А что?

Я пожимаю плечами.

— Да ничего... ботан... — я кашляю, прикрывая свой рот ладошкой, чтобы скрыть смех.

Его глаза сужаются, а затем он двигается быстро, как молния, придавливая меня своим телом к кровати и в отместку щекоча меня.

— Ааа! — я пронзительно смеюсь.

— Ты только что назвала меня ботаном? — он приближает свое лицо к моему. Хотя оно очень серьезно, я вижу в его глазах веселые искорки.

— Нет, — я пытаюсь сжать растягивающиеся в ухмылке губы.

— Нет? А я уверен, что ты только что назвала меня ботаном.

— Нееет, — изумленно выдыхаю я. — Если бы на твоей груди была вытатуирована цитата из Гарри Поттера, я бы не думала, что ты — ботан. Я бы считала, что это — самая крутая вещь, которую я когда-либо видела.

— Умная какая, — ехидничает он. — А если серьезно, мальщ, Гарри Поттер офигенно крут. Парниша — волшебник, блин!

Я начинаю смеяться. Мне это в нем нравится. Эта та часть, которую, я думаю, мало кто видит. Это он, реальный. То, что он скрывает глубоко внутри себя.

Он смеется вместе со мной, обхватывает мое лицо руками, прижимает свой большой палец к моим губам, отчего я пылаю. Смех быстро растворяется в воздухе, когда его губы заменяют палец.

— Я люблю слушать, как ты смеешься, — говорит он у моего рта.

Мои руки лежат на его спине.

— Мне нравится, что ты заставляешь меня больше смеяться.

Улыбнувшись, он еще раз меня целует, а затем кладет голову мне на грудь.

Я трогаю его волосы, играя с ними. Понимаю, что ему нравятся мои прикосновения, судя по издаваемым им звукам одобрения.

— Я ботан, — бормочет он спустя некоторое время.

Я перестаю играть с его волосами.

— Ага, ты такой, — улыбаюсь я, — но, знаешь что? Из-за этого ты мне еще больше нравишься.

Он сжимает мое бедро, оставляя поцелуй на вершинке моей груди.

Я продолжаю играть с его волосами.

— И... что теперь? — задаю я вопрос, который крутится в моей голове с тех пор, как у нас впервые был секс.

Я знаю, что у нас было два свидания, но мое безумие во время первого круто изменило все между нами, а сейчас у нас был секс после моего эмоционального срыва.

Честно, я понятия не имею, что между нами происходит. Я знаю, чего хочу я, но проблема в том, чего хочет Джордан.

Его грудь поднимается от вздоха, рука сжимает мое плечо.

— Ну, я думаю, что оставлю тебя в кровати, а сам поднимусь и покормлю Дозера, потому что он ждет свой завтрак, к тому же ему нужно дать лекарства. Затем приготовлю кексики для моей женщины и принесу их ей в постель. А после того, как она наестся, мы могли бы провести целый день в кровати... если она этого хочет, конечно же?

Его женщина. Кажется, хороший знак.

Его теплые глаза, наполненные испытываемыми ко мне чувствами, смотрят прямо в мои.

Я опускаю голову и приближаю свое лицо к его.

— Она этого хочет, — бормочу я.

Его зрачки расширяются, глаза темнеют от желания.

— Дозер, на самом деле, может еще подождать, — руками он скользит вниз по моей спине и просовывает ладонь между нашими телами, проникая в меня пальцем.

— О, Боже, — выдыхаю я. Своим бедром я ощущаю, как он твердеет.

— Малышка, ты уже такая... влажная... — стонет он.

— Это все ты... вот, что ты делаешь со мной...

— И я планирую сделать намного больше, — обещает он, прежде чем обхватить своими губами мой рот.

После занятия любовью Джордан наконец отступает и идет кормить Дозера.

Я нахожу свои трусики и надеваю их под одну из футболок Джордана, которую беру в его шкафу. Она велика мне и доходит до коленей.

Я осматриваю его комнату, смотрю на карту мира, которую он повесил на стену. На ней под нарисованной линией приколоты булавки, обозначающие все места, в которых он был. Последняя булавка на Тайланде, но дальше линия идет в Индию через Непал, потом пересекает Китай в Гонконге, затем идет вверх на Шанхай и, наконец, заканчивается в Японии. Я думаю, это те места, куда бы он отправился, если бы его поездка не закончилась так рано.

Я смотрю на приколотые фото к карте. На них Джордан с друзьями в разных местах.

Он выглядит счастливым, его глаза сияют.

На его лице отражаются веселье и жажда приключений. Тогда он не знал, что будет дальше, отчего мое сердце разрывается.

Под картой стоит его стол. На нем лежат несколько фото в рамке.

Одна с темноволосой женщиной, счастливо улыбающейся в камеру. Должно быть, она — мама Джордана? Я поднимаю это фото и рассматриваю. Она очень молодая, наверное, моего возраста, и очень милая. Ее глаза такого же цвета, как и глаза Джордана.

Эту фотографию я кладу обратно на стол и поднимаю следующую. Здесь уже маленький Джордан, ему четыре-пять лет. Мужчина — скорее всего, его отец, потому что очень похож на нынешнего Джордана — держит его за руку. Рядом с отцом стоит маленькая блондинка. Она по-настоящему красива. Скорее всего, она — мама Джордана. На первой фотографии должно быть, его тетя или кто-то другой.

Я как раз собираюсь поставить фото на место, когда Джордан возвращается с подносом, на котором лежат кексы и два стакана кофе.

Может ли существовать кто-то идеальнее? Я все еще ожидаю, что проснусь и обнаружу

себя в том мотеле рядом с Бостоном.

Он ставит поднос на стол, его руки обвивают мою талию сзади, а щекой он упирается в мой затылок.

— Это мои мама и папа, — показывает он на ту фотографию, на которую я смотрела.

— Твоя мама красивая, Джордан.

— Да, такой она была. Ты немного напоминаешь мне ее.

— Правда? — улыбаюсь я.

— Ага, она всегда говорила не думая.

— Эй! — восклицаю я, ущипнув его.

— Эй! Хватит уже! — смеется он, корчась сзади меня, — я, блин, боюсь щекотки!

Я наклоняю голову, смотря на него:

— Хм... я этого не знала.

Он, сузив глаза, смотрит на меня.

— Ага, я не сказал тебе из-за тех мыслей, что сейчас у тебя в голове. Поэтому не вздумай опять меня щекотать.

— Как будто бы я могу такое сделать, — мило улыбаюсь я.

Он качает головой и быстро целует меня в губы. Я снова поднимаю фото и изучаю его.

— Ты выглядишь как твой папа.

— Ага, он был красавчиком, когда был моложе.

Качая головой, я смеюсь и кладу фото на место.

— А это кто? — я указываю на фотографию темноволосой женщины.

Джордан ослабляет хватку руки и поднимает рамку.

— Эбби... моя настоящая мама.

Удивившись, я поворачиваюсь к нему.

Он встречает мой взгляд.

— Она умерла при родах. Диагноз — разрыв сердца, а сердце сдалось, пока доставляли другое. Она умерла почти сразу после моего рождения.

Мои глаза наполняются слезами.

Боже, он так многое потерял. Две мамы.

Я поднимаю руку и дотрагиваюсь до его лица.

— Мне жаль.

Он ставит фотографию на место.

— Все нормально. Я никогда не знал ее, из-за чего достаточно трудно ощутить потерю.

Но папа рассказывал мне о ней в детстве, и у меня есть фото.

— А женщина, которую ты зовешь мамой?

— Белла. Она была возлюбленной отца в юности. Потом она поступила в колледж, и они расстались. Примерно тогда же он встретил Эбби, а потом появился я. После смерти Эбби папа в одиночку меня растил, разве что бабушка помогала. Белла вернулась к нему, когда мне было три или четыре. Они снова сошлись, и она уже растила меня как своего.

— Они никогда не хотели завести других детей? — спросила я.

На его лице возникает странное выражение, словно он никогда об этом не задумывался. Он поджимает губы.

— Нет, не думаю. У них уже был идеальный ребенок — я, о чем им еще было мечтать?

Я закатываю глаза и смеюсь.

— Точно.

Хихикая, он двигается позади меня и шлепает по попе.

— Пошли, надо поесть, прежде чем плоды моего тяжелого труда остынут.

Мы садимся за стол. Джордан пододвигает ко мне стул, а свой двигает к моему, чтобы сесть ближе. Я неосознанно подтягиваю под себя ноги. По-прежнему прикрываю шрамы, несмотря на то, что он знает, где они и как я их получила.

Рассказав Джордану про Оливера, я словно открыла дверь в темную комнату и наполнила ее ярким светом. У меня есть он, делающий мою жизнь лучше и легче, хотя ничто не сотрет мою память и не исправит былое.

Беру кекс, отрезаю кусочек и отправляю его в рот. Я наблюдаю, как Джордан смотрит на мои ноги — ту их часть, которая видна из-под футболки. Мне кажется, он думает о том, что я ему рассказала полчаса назад. Я смотрю на него вопрошающе.

— Что? — говорит он, смотря на меня квадратными глазами — сама невинность, — не моя вина, что ты выглядишь так горячо в моей рубашке. Плюс у тебя, черт, шикарные ноги.

Мое тело пробирает жар. Я чувствую, как возрастает желание вновь почувствовать его прикосновения.

Я думаю, всегда ли я буду так чувствовать себя, находясь рядом с ним?

Я откусываю другой кусочек и, проглотив его, ощущаю неожиданную боль в животе. Кладу на него руку и осознаю, откуда пришла эта боль. Вчера я была слишком строга по отношению к себе, так что эта еда — первая еда за сегодня.

Джордан замечает.

— Эй, ты в порядке? — хмурится он, с заботой задавая вопрос.

— Ага, нормально, — я затаиваю дыхание, когда боль снова неожиданно возрастает, и откладываю кусок кекса в сторону.

— Просто женские дела.

— То есть, мне лучше воспользоваться тобой, пока еще можно?

Я ухмыляюсь, когда боль уменьшается.

— Женщины обычно нормально себя чувствуют эти несколько дней, поэтому расслабься и пользуйся мной, когда захочешь.

— Ох, и я хочу, — он кладет кекс на тарелку и похлопывает руками по коленям.

— Сейчас? — я кусаю свою губу.

— Хмм, — он кивает. Эта сексуальная искра в его глазах говорит мне, что он все понимает. Та искра, благодаря которой я понимаю, что он вот-вот заставит мое тело испытать удивительные ощущения.

Поднимаюсь со стула, подхожу к нему и кладу руки на его плечи, ладонями упираюсь в затылок. Уже могу почувствовать, какой он твердый.

— Ты ненасытный.

— Только для тебя, малыш, — его руки скользят по моему телу, а пальцы нежно очерчивают линии моих шрамов.

Мое тело напрягается, мускулы застывают.

— Расслабься, — успокаивает он, — это всего лишь я.

Я киваю и пытаюсь расслабиться.

Он относит меня на кровать.

— Ты такая красивая, — он целует меня в шею. — Каждая частичка тебя. Он движется дальше, вниз по телу, находясь позади меня на кровати, а потом разворачивает меня так, чтобы я не смотрела на него:

— В тебе ничего не сломано.

Его руки нежно двигаются вниз по спине, к бедрам.

— Не разрушено... и не повреждено, — затем еще дальше, оставляя дорожку из поцелуев на моей коже. — Все в тебе великолепно, малыш.

Джордан прижимает меня к своей груди изо всех сил, ближе, ближе...

— Но ничто снаружи не может сравниться с тем, что здесь, — его голос звучит рядом с моим ухом, в то время как руки пробираются под футболку. Он кладет их мне на грудь, накрывая ими мое сердце, — вот, что сводит меня с ума.

Мое сердце бьется в такт с его сердцем, готовое разорваться. Хочу быть как можно ближе к нему. Я утыкаюсь носом в его шею, вдыхая запах Джордана, зная, что никогда не встречу такого, как он. Для меня он — сказка. Моя сказка.

Он как свежий воздух.

Я вдруг осознаю, что не дышу, пока не дышит он. Я даже не жила до встречи с ним.

— Дышу тобой, Джордан, — шепчу я в его кожу.

Он откидывает голову назад, смотрит на меня.

— Тоже дышу тобой, малыш.

Джордан

Я бегу в дом, чтобы снять трубку телефона со стены и ответить на звонок.

— «Голден Оукс», — отвечаю я.

— Привет, сын, просто хотел узнать, как у тебя дела?

— Привет, папа. Тут все хорошо, — я сажусь на кухонный столик.

Отсюда, через окно, я могу увидеть Мию с Дозером. Она кормит его мясными вкусняшками..

Бедная собака скоро сойдет с ума от происходящего. Мы уделяем ей чертовски много внимания. Но при этом не забываем и о наших повседневных дел.

— Как дела?

— Ничего не изменилось, — пожимаю я плечами, беру из сумки пакет с орехами, открытый мною раньше, достаю орешек и подбрасываю в рот.

— У нас нет других гостей, кроме той, единственной?

— Неа, — орешек я грызу с хрустом, — но Пэри чуть позже заплатит взнос, — стараюсь, чтобы мой голос звучал оптимистично, надеюсь, что мой оптимизм передается и отцу. — Ага. Я уже приготовил для них комнату, так что у нас все хорошо.

Мия настояла на помощи в подготовке. Это заняло чуть больше времени, чем обычно, потому что мы немного повеселились. Все началось с того, что Мия встала на колени и взяла мой член в рот, а закончилось тем, что она обвила свои ноги вокруг моей талии, будучи прижатой к стене, и оставалась в таком положении до тех пор, пока я не довел ее до оргазма.

— Ты хороший сын, — говорит папа.

Я качаю головой.

Нет, пап, не настолько, но я прикладываю все усилия, чтобы таковым стать. И рядом с Мией, думаю, я смогу этого добиться.

Он выдыхает.

— Так у нас нет никаких бронирований? — снова переспрашивает он, словно неожиданно случилось чудо, и я скажу обратное.

— Нет... прости, пап.

— Это не твоя вина. Бизнес скоро пойдет в гору. Уверен.

Мой папа вечный оптимист, но ради нашего благополучия я очень надеюсь, что бизнес и правда пойдет в гору.

— Как там Дозер? — спрашивает он, — его нога заживает нормально?

— Да, неплохо. Ему скучновато, правда, — бегать же нельзя. Так что с ним занимается Мия, — я снова выглядываю из окна, чтобы посмотреть на них. Мия лежит на траве, Дозер стоит рядом, целуя ее в лицо. Она смеется и пытается отпихнуть его. От этой картины я непроизвольно улыбаюсь.

— Подожди, Мия — та, которая остановилась у нас — развлекает твою собаку? — говорит папа, и моя улыбка мгновенно сползает с лица.

Черт. Я не должен был этого говорить. Он узнает, что что-то между мной и Мией происходит, и тогда он должен будет очень скоро вернуться домой. Мои намерения по отношению к ней серьезны, поэтому не повредит, если я скажу о ней ему сейчас.

— Да, Мия — девушка, которая остановилась в отеле...

— Должен ли я что-то знать? — обрывает он меня, не дав мне шанса рассказать ему о Мии. Этот его «отцовский тон» раздражает меня, так что моя «детская» сторона решает гнуть свою линию дальше, просто чтобы позлить его.

— Типа того, что... Ты занимаешься сексом с этой девушкой?

Хорошо. Сразу к сути дела.

— Да... — выдыхаю я, — я сплю с ней... Но прежде чем ты заведешься, хочу, чтобы ты знал: все по-другому. Она — другая.

На минуту он замолкает.

— Ты никогда не говорил мне раньше, что девушка, с которой ты встречаешься, — особенная. Должен ли я принять это за хороший знак?

— Да, — улыбаюсь я, — должен.

— Так тебе правда нравится эта девочка, да?

Точно, понимание года, но я не собираюсь рассказывать отцу, что я влюбился в Мию.

Ага, вы слышали правильно. Я, блин, ее люблю.

Я никогда не влюблялся в девчонок раньше — это первый раз, когда я влюбился слишком сильно. Полагаю, так и происходит с мужчинами, которые не так просто влюбляются в кого-то. Мы влюбляемся быстро и сильно.

Сейчас мне нужно найти в себе силы, чтобы рассказать про это Мие. Рассказать про то, что спустя неделю, во время которой я узнал ее лучше, я успел влюбиться в нее как безумец. Надеюсь, что когда я скажу, она не пустится наутек. Она может быть такой упрямой.

— Да, она мне правда нравится, пап, — отвечаю я, пробегая рукой по волосам, — я не хотел начинать крутить с Мией. Помнишь, я тебе еще по телефону это сказал. Но... мы сблизилась, — я улыбаюсь от мысли, что это действительно здорово — быть настолько близко к ней.

— Она приехала сюда в поисках своей мамы, и после того, как она помогла мне с Дозером после аварии, я сказал, что могу помочь ей найти маму; так что мы проводили вместе все больше и больше времени. Я хорошо ее узнал, и она невероятная, пап.

— Похоже, ты попал, парень, — усмехается он, — жду с нетерпением встречи с этой девочкой, которая вложила немного смысла в голову моего сексуально озабоченного сына.

— Ха! Мило, пап, очень мило, — смеюсь я, — она тебе понравится: она умная и правда красивая. Немного напоминает маму — такая хрупкая блондинка; говорит, не думая. Ну и на меня она тоже похожа. И, кстати, собирался тебя спросить — не знаешь, у нас в округе есть женщина, которую зовут Анна Монро?

Город, в котором мы живем, довольно большой, но, благодаря старой работе, папа знает здесь всех.

Я не слышу ответа.

— Пап? Ты еще тут?

— Да. Я тут, — говорит он отрывисто, его голос звучит по-другому — грубо, натянуто.

— Ты слышал, что я сказал? Я спросил тебя — знаешь ли ты про женщину, которую зовут Анна Монро, — я нажимаю еще сильнее, потому что чувствую — он что-то знает. О маме Мии.

— Иисус Христос... — выдыхает он, — Джордан, мне нужно, чтобы ты кое-что сделал. У тебя есть какие-нибудь фото Мии, чтобы ты мог послать мне их на телефон?

Что-то начинает сжиматься вокруг моей глотки.

— Зачем?

— Просто сделай это! — шипит он.

Мой папа никогда не повышал на меня свой голос — никогда. Он поднял на меня свой голос только один раз: когда я подсел на азартные игры. Да, такой уж мой папа — он предпочитает думать над причиной, а не кричать.

Он вздыхает.

— Слушай, извини, что я сорвался. Просто... у тебя есть или нет фото Мии?

— Нет. Но подожди минуту, я могу получить одно.

Я достаю телефон из кармана и включаю камеру. Держу ее возле окна и увеличиваю, приближая лицо Мии.

Она улыбается. Счастлива. И понятия не имеет, что я вот-вот ее сфотографирую, чтобы потом послать эту фотографию папе для того, чтобы узнать что-то, что, мне кажется, перевернет все с ног на голову.

Рука возле моего горла сжимается еще сильнее.

Я кликаю по картинке.

— Отправляю фото тебе на телефон, — я смотрю, как отправляется фото, а затем раздаётся сигнал, оповещающий меня о том, что оно отправилось.

Я слышу, как телефон папы издает тот же сигнал, и жду, задержав дыхание.

— Иисус Христос, — слышу, как он бормочет. — Это она.

И с этого момента я осознаю, что случилось что-то очень-очень плохое, что может невероятнейшим образом все изменить.

— Папа, тебе правда нужно немедленно рассказать мне, что происходит.

Он тяжело вздыхает.

— Знаю. Просто не имею понятия, откуда начать.

— С самого начала было бы неплохо, — я начинаю понемногу впадать в отчаяние, а мое сволочное сердце бьется как безумное.

— Слушай, это не моя история, которую я имею право рассказать, так что полегче, сын.

Я с нетерпением вздыхаю.

Слышу, как телефон стучит, словно его передвигают, а затем папа начинает говорить.

— Ты знаешь, что Белль жила далеко от Дуранго.

— Ага, она поступила в колледж. Вот почему вы, ребята, расстались после школы. Затем она вернулась, и вы снова сошлись.

— Точно. Но середина истории немного отличается от той, которую ты знаешь. И, Джордан, послушай: именно в Бостоне я узнал, сколько осталось жить твоей матери...

Бостон.

О, нет.

Дерьмо... Нет! Дерьмо...

Аннабель — полное имя мамы. Я всегда знал ее как Бель, но ее зовут Аннабель.

Анна.

Почему в моей памяти это не всплыло раньше? Я такой дурак!

Белль — Анна.

Она — мама Мии. Я чувствую это всем сердцем.

— Белль — мама Мии, — поперхнулся я.

Папа устало вздыхает. Этот звук все подтверждает.

Похоже, мое сердце вытащили из моей груди.

— Да, боюсь, что это так.

Моя мама. Женщина, растившая меня... — мать Мии.

Мать, оставившая свое дитя, когда та была ребенком. Наедине с этим ублюдком, ее папашей. Женщина, принявшая меня как своего и растившая меня.

Эта информация как груша для сноса зданий. Она собирается разрушить все, что мы знали о своем прошлом.

О прошлом Мии. Нашем.

Рукой хлопаю по голове.

— Дерьмо. Дерьмо. Дерьмо.

— Мне жаль, сын. Она рассказала мне про Мию перед самой смертью. Я не знал. Клянусь. Все, что я знал, — она встречалась с тем доктором во время последнего года в колледже. Он влюбил ее в себя, они вскоре поженились. Но он не был тем милым парнем, каким она его считала. После женитьбы он проявил свою жестокость. Причинял ей сильную боль. Из-за него она несколько раз попадала в госпиталь. Потом она ушла от него. Вернулась сюда. Развелась с ним. И никогда не говорила, что оставила у него своего ребенка.

Мне плохо.

Я сползаю с кухонного столика. Ноги дотрагиваются до кафеля, но меня качает, поэтому я сажусь на пол.

Колени согнуты, и я кладу голову между ними и глубоко дышу.

— Когда Белль узнала, что умирает, — продолжает папа, — она все мне рассказала о Мие. Она сказала, что если оглянуться назад, то она, как ей тогда казалось, страдала от послеродовой депрессии. Она боялась, Джордан. Ее бывший муж был ублюдком. Те шрамы, которые он на ней оставил...

— Когда я увидел их в первый раз, я хотел пойти и убить его. Но Белль не позволила. Потому что, очевидно, не хотела, чтобы я узнал о Мии, — вздыхает он.

— Почему она оставила ее там, пап? Не понимаю, — мой голос ломается, так как я знаю, каково было жить Мие у отца.

Тогда я представил другое прошлое.

То, где бы Белль взяла бы с собой Мию. Она была бы моей сестрой. Я никогда не любил бы ее так, как сейчас, но ее жизнь, в любом случае, была бы лучше.

Ее жизнь с нами была бы хорошей. Она бы выросла в счастливой обстановке. Получила бы ту жизнь, которую заслужила.

А не ту, наполненную жесткостью и болью. Невероятной болью.

Мне плохо. Мой гнев направлен на женщину, растившую меня. Женщину, лечившую мои разбитые колени каждый раз, когда я падал с велосипеда. Женщину, кормившую меня. Купавшую. Любившую.

Иисус Христос.

Я поднимаюсь с пола и начинаю расхаживать по комнате.

— Бывший муж Белль был богатым, могущественным человеком, Джордан. Он работал кардиохирургом. Люди его уважали. Он бы не позволил ей забрать Мию. Сказал, что если она попытается, он заставит полицию арестовать ее за похищение ребенка.

Быстро отодвинув стул из-за стола, я сажусь на него.

— Но она могла позвать копов — сказать, что с ней происходит. Были следы — шрамы, ее пребывание в госпитале после избиения им.

— Ты прав, она могла. Но ты знаешь, как оно обычно происходит. Ей нужно было еще

все доказать, а она пошла бы против богатого мужчины, вращающегося в высших кругах. У ее отца был хороший друг — шеф полиции. Деньги и сила могли свести на нет все ее усилия, сын. Но и после всего, что он ей сделал, она думала — он не тронет своего единственного ребенка. Вот почему она оставила с ним Мию.

Я сильно стучу кулаком по столу.

— Ты, черт, издеваешься надо мной! Не могу поверить, что я слушаю это дерьмо. Он бы не тронул ее — папа, я видел ее шрамы — ее боль — он бил бы ее, пока не забил до смерти. Он сделал ее жизнь полной гребаных страданий! И из-за него она знала только насилие, поэтому встречалась с таким же ублюдком, как и тот, кто растил ее. Почему, ты думаешь, она покинула Бостон, пап? Ублюдок, с которым она встречалась, бил ее и пытался изнасиловать.

— Нет, — его голос пронизан шоком и недоверием. Он произносит это в точности как я — когда она рассказала мне.

— Нет, — повторяет он, — я нашел ее — Мию. Это было одной из причин, по которой Белль рассказала мне о ней. Она хотела узнать ее, обрести с ней мир, прежде чем умрет. Но когда я нашел девочку, было слишком поздно. Белль умерла.

— Но я все равно поехал в Бостон. Помнишь, когда я сообщил тебе, что еду на ту полицейскую конференцию? Тогда и поехал. Я несколько дней за ней наблюдал и думал, стоит ли рассказывать ей о Белль. В итоге решил, что не стоит. Тогда она ведь узнает, что ее мама, оставившая ее в детстве, умерла. Я хотел быть уверен, что с ней все в порядке и она счастлива. Мне казалось, что так оно и есть. Она ходила в школу, подала заявку в Гарвард. Жила в хорошем месте и водила неплохую машину. И я увидел ее с ним — Оливером, ее отцом. Они, похоже, ладили.

— Да, ну Мия прячется за хорошей маской, пап. Она — чертов специалист казаться тем, кем она не является.

— Джордан, если бы я знал, то что-нибудь обязательно бы сделал. Ты же знаешь.

Я тяжело вздыхаю.

— Да, знаю. Я просто... Боже, не знаю, что делать — как ей рассказать?

Как я собираюсь сказать девочке, в которую я влюблен, что ее мать, которая бросила ее для того, чтобы девочку воспитал монстр, вырастила вместо нее — меня?

Она будет винить меня. Я потеряю ее.

Я чувствую, как мне физически становится плохо.

— Просто скажи правду. Так же, как и я сказал ее тебе.

Я потираю рукой лицо.

— Она не пройдет через это, будет винить меня. И я ее потеряю.

— Нет, не потеряешь, — убежденно отвечает он.

— Белль оставила ее с ним и вместо этого решила растить меня. Я знаю — будь я на ее месте, правда меня бы убила.

— Джордан, это не твоя вина. Я приеду домой. Объясню ей...

— Нет, — глубоко выдыхаю я, — ей нужно услышать от меня...

— Уверен?

Нет.

— Да. Я скажу ей.

— Хорошо. Ты лучше знаешь Мию. Позвони мне, когда расскажешь ей. Дай знать, как она с этим справляется.

— Так и сделаю.

— Джордан?

— Да.

— Все будет хорошо, сын. Обещаю.

Я проглатываю прошлое, обжигающую мою глотку. Хотел бы я быть таким же уверенным, как и он.

— Позвоню тебе позже, — выключаю телефон, бросаю со стуком его на стол и позволяю туда же упасть и моей голове.

Минуту спустя я слышу, как открывается входная дверь.

— Эй, ты в порядке? — через комнату доносится нежный голос Мии, ввергая мой разум в чистейшую агонию.

Я поднимаю голову и поворачиваюсь к ней. Теплая улыбка на ее лице моментально исчезает, на лице появляется обеспокоенное выражение.

— Джордан, ты в порядке? — она быстро идет ко мне.

— Я... — слова застревают в горле, но я проглатываю их так же быстро, как вода поглощает камни.

— Джордан?

Боже, я не могу рассказать ей.

Я поднимаюсь и обхватываю ее красивое лицо своими руками, изображая улыбку своим лживым ртом.

— Все хорошо, малыш.

Затем я прижимаюсь своими лживыми губами к ее нежному, теплomu и честному рту, ненавидя себя с каждой секундой все больше и больше за свою слабость и трусость.

Мия

Что-то очень сильно беспокоит Джордана. Он думает, что я этого не знаю, но я же вижу, как изменяются его лицо и глаза каждый раз, когда я не смотрю на него.

Он очень странно стал себя вести после звонка папы.

Сначала я подумала, что они поссорились, но сейчас я понимаю — произошло что-то другое. Параноидальная и мазохистская часть меня думают, что это связано со мной. Возможно, он передумал насчет нас.

Я хотела бы спросить его, но в то же время боюсь услышать ответ. Поэтому я, как настоящая мазохистка, следую по тому пути, что он предлагает. И пусть он дает мне многое, но есть кое-что, что мне нужно еще.

Я просто хочу быть сильнее. Хочу быть способной подняться и уйти, перестать быть такой чертовски жалкой с мужчиной, который, я уверена, меня больше не хочет.

А хуже всего то, что я поняла, что влюбилась в него.

Знаю-знаю, правда.

Вы думаете, что я уже должна была выучить свой урок.

Но сейчас неважно, могу ли я рассказать ему о своих чувствах, и как это отразится на мне. Не важно, если его голова занята тем, как избавиться от меня.

Было бы лучше, если бы он не так много обо мне знал. Его знание делает меня беззащитной.

Я знаю, что должна сделать — собрать вещи и уехать отсюда. Остановиться в каком-нибудь другом месте. Но сказать легче, чем сделать.

А еще мне надо взять себя в руки и посетить последнюю Анну Монро из списка. В этот раз не будет Джордана, чтобы держать меня за руку, и именно поэтому этот визит пройдет в миллион раз труднее. Полагаю, он, и правда, тот человек, каким он сам представился в самом начале, — человек, не способный на длительные отношения. И не важно, как сильно часть меня хочет, чтобы он изменился, — сигналы, посылаемые им, говорят, что ничего не изменилось.

Да, он говорит, что хочет меня. Но только тогда, когда оказывается или вот-вот окажется внутри меня. И я — лучше, чем кто-либо другой — знаю, что мужчина во время секса скажет то, что он не думает на самом деле.

Вчерашняя ночь ничем не отличалась. Я проснулась рано утром и не нашла Джордана в постели рядом со мной, а вместо него на месте, где он заснул, лежал растянувшийся и храпящий Дозер.

В конце концов мои любопытство и досада взяли верх над моей гордостью. Я обыскала весь отель, но без успеха. Потом я нашла его сидящим на настиле возле озера с бутылкой пива.

Я подошла к нему и стала между его ног, поедая его взглядом. Его руки скользили вниз по моим бедрам, пальцы впивались в кожу. Его голова была опущена, словно ему было трудно посмотреть на меня.

Я запустила пальцы в его волосы, молча моля его поговорить со мной и желая услышать только одно.

Его рука скользнула вверх и обхватила мою руку. Он потянул меня вниз так, чтобы я села к нему на колени. Я прислонилась спиной к его груди, и он обнял меня за талию, одновременно делая глоток пива.

— Почему ты здесь в такое время? — спросила я; мои слова долетели до озера и растворились в ночи.

Он уткнулся носом в мою шею и выдохнул.

— Не могу заснуть.

Я взяла пиво из его рук, выпила глоточек и отдала обратно.

— В чем причина твоей бессонницы?

Он поставил бутылку рядом с собой и протяжно вздохнул.

— Ни в чем.

Ни в чем!

Разгневанная, уставшая и полностью выведенная из себя его нежеланием говорить, я поднимаюсь на ноги.

— Если ты меня, Джордан, больше не хочешь, не хочешь того, что у нас сейчас есть, просто так и скажи! Просто... пожалуйста, закончи... это!

Я разворачиваюсь на каблуках и бегу обратно в отель.

Он ловит меня на крыльце, прямо возле входной двери, после чего закрывает открытую мною дверь. Становится позади меня и прижимается своей грудью к моей спине.

— Я хочу тебя, — резко говорит он в мое ухо, — ни одну треклятую секунду не думай обратное. Я хочу тебя больше, чем кого-либо за всю свою жизнь.

— Так почему все так происходит? — растерянно спрашиваю я, тяжело дыша. Мое сердце тяжело бьется в груди.

— Все так — это как?

Я поворачиваюсь, мои руки по обе стороны от дверной ручки, и я облокачиваюсь на дверь.

— Ты ведешь себя по-другому... Отдаляешься от меня... Я знаю — ты что-то скрываешь.

Его глаза закрываются, словно ему больно.

— Тебе не из-за чего переживать.

Своей рукой я дотрагиваюсь до его руки и обхватываю его ладонь своими пальцами.

— Я просто хочу, чтобы ты поговорил со мной, — я сжимаю его руку, пытаюсь вызвать его на разговор.

Его глаза открыты, смотрят вниз на наши переплетенные руки.

Долгий вздох.

— Я поговорю с тобой... — он качает головой, — но не прямо сейчас... не сейчас, — похоже, он ни под каким давлением не собирается говорить со мной на эту тему.

Затем его руки оказываются на двери, по обе стороны от моей головы, а губы незамедлительно прижимаются к моим.

Я хочу оттолкнуть его, сказать, чтобы он поговорил со мной сейчас, а не потом. Что поцелуи не остановят того, что поедает его изнутри.

Но я этого не делаю. Потому что не хочу — никогда — останавливать его поцелуи.

Он, прервав поцелуй, снимает с меня майку через голову и, наклонившись, берет мой сосок в рот.

Моя голова со стуком откидывается на дверь.

Я дотягиваюсь до него и расстегиваю на нем джинсы. Руками залезаю в его боксеры и

беру горячий, твердый член в руки.

— Черт, Мия, — стонет он, сжимая мою руку.

Затем все происходит очень быстро и пронзительно.

Мои майка и трусики оказываются на отельном крыльце и, прежде чем я это понимаю, я остаюсь раздетой, а Джордан, все еще одетый, поднимает меня и проникает своим членом внутрь меня.

Я кричу от быстрого вторжения и нарастающего удовольствия. Обвив ногами его талию, я запускаю пальцы в его волосы.

И это только подстегивает его.

Он пронзает меня уверенными, жесткими толчками, джинсы болезненно впиваются в меня, но мне все равно. Все, что меня волнует, — сейчас он внутри меня. Больше ничего.

Раним утром мы на крыльце отеля, занимаемся сумасшедшим, жестким примирительным сексом.... И все это возбуждает нас сильнее в тысячу раз., делая наши ощущения в тысячу раз ярче...

— Ты моя, Мия, — выдыхает он, в то время как его бедра прижимают мои к двери, пока он проникает в меня с захватывающей интенсивностью, — я никогда тебя не потеряю. Никогда.

— Ты никогда не потеряешь меня, — задыхаюсь я, растерянная и заведенная так, как никогда раньше.

— Никогда.

Все произошло несколько часов назад. И сейчас я снова просыпаюсь, чтобы обнаружить, что Джордана нет рядом.

Вздыхая, я спускаю ноги с кровати и иду в ванную. Надеваю ту же одежду, что и прошлой ночью, поскольку не взяла чистой из своей комнаты. Не готовая на разговор с Джорданом, я решаюсь вернуться обратно в свою комнату, чтобы помыться, почистить зубы и переодеться в чистое. Я беру ключ от номера на его столе и направляюсь к себе.

Когда моя нога дотрагивается до первой ступеньки, ведущей на верхние этажи, я слышу два мужских голоса. Один принадлежит Джордану. Второй я не узнаю. Мужчины сейчас в офисе.

Я не знаю, что делать. Не хочу идти и вмешиваться в разговор, если у него важная встреча. Просто пройду мимо через заднюю дверь, обойду отель и пройду через прихожую, чтобы попасть в комнату.

Я делаю еще шагочек, но останавливаюсь, когда слышу свое имя. Его произносит не Джордан, а другой мужчина.

Любопытство погубило кошку. Голоса становятся отчетливее, стоит мне бесшумно перешагнуть через ступеньки.

Я слышу, как Джордан вздыхает.

— Знаю, папа. Я облажался.

Его папа дома? Я улыбаюсь, предвкушая встречу с отцом, но затем Джордан продолжает говорить, и из-за его слов с моего лица исчезает улыбка.

— Я собирался ей сказать, но... просто не мог. Не мог найти слова, чтобы начать.

— Правда, Джордан. Начни с правды. Я знал, что должен был приехать в тот же день, когда и рассказал тебе. Я приехал домой, потому что ты избегаешь моих звонков. Я осознал, что что-то не так, — он вздохнул, — подумал, может, вы с Мией поссорились... просто не хотел верить, что ты не рассказал ей — не так я тебя воспитывал. Я знаю — ты заботишься о

Мие, но ты не можешь строить с ней отношения, скрывая правду. Это неправильно. Как ты думаешь, что она будет чувствовать, когда обнаружит, что ты знаешь всю правду о ее маме уже не один день, а ей до сих пор не рассказал?

Мое сердце останавливается в груди, живот болезненно сжимается. Мои пальцы впиваются в ладонь, пронзая ногтями нежную кожу.

— Дерьмо... — говорит Джордан. В его голосе я слышу боль. — Я так облажался. Я думал, она не простит меня за то, что произошло раньше... а сейчас — тем более. Она поняла, что что-то происходит, а я продолжаю говорить, что все хорошо.

— Ты хочешь, чтобы я был с тобой, когда ты ей расскажешь?

— Нет, — вздыхает Джордан, — сам ей скажу. Не хочу запугать ее. Сейчас я с ней и поговорю, — решимость в его голосе и его тяжелые шаги заставляют меня повернуться и побежать обратно вниз по лестнице.

Я слышу, как открывается дверь, и Джордан говорит голосом, который только и можно описать как пугающий:

— Мия, — у меня нет выбора, поэтому я поворачиваюсь к нему.

На его лице написан страх, и он хорошо прослеживается в его голосе. Но хуже всего — его взгляд. Там нет надежды. Словно он уже все потерял. Или, может, это я — та, которая вскоре потеряет все.

Джордан

Когда мне было четырнадцать лет, Мэйси Ричард на праздничной вечеринке Бена Кастла дала мне по яйцам потому, что в кладовке она сделала мне минет, а затем поймала за тем, что я занимался петтингом с Софи Дженкинс спустя час.

Было похоже на то, что мои яйца взорвались, а разлетевшиеся вокруг осколки уничтожили меня изнутри, будто грязную бомбу, оставив меня с чувством боли, которую нельзя передать словами. Я думал, что больнее уже не бывает.

Я ошибался.

Я понял это, стоя здесь, видя ее опустошенное лицо после того, как я рассказал всю правду об ее маме, оставившую ее, чтобы Мию вырастил отец, который все время ее бил. А мама Мии, вдобавок, потом растила меня.

— Я... я не понимаю, — она делает шагочек назад, ее коленки с оглушительным стуком ударяются о письменный стол.

Я подхожу к ней, но она даже не замечает боль. Так все плохо.

Как же я облажался.

— Мне так жаль, — уныло качаю я головой.

— Она... моя... твоя мама... мертва, — Мия кладет руку на живот, словно ей правда больно.

— Мия... — я иду к ней, мне нужно быть ближе к ней.

— Мия, — говорит мой папа своим нежным «коповским» голосом, — ты должна сесть. У тебя сильный шок... сядь. Я принесу тебе стакан воды.

Затем переводит взгляд на меня... и видит всего меня. Ее глаза холодны. В меня проникает боль так же легко, как и нож — в масло.

Затем ее глаза смотрят на стену, и мне не нужно оборачиваться, чтобы посмотреть, на что именно она смотрит.

Она смотрит на фото в рамке, на то, где я с папой и мамой. Это было наше последнее совместное фото перед ее смертью. В тот день я уехал путешествовать.

Ее лицо морщится, и слезы начинают падать с глаз.

Она закрывает свое лицо руками. Я слышу ее всхлипы. Они пропитаны ее болью, и это разбивает мое сердце. А мне ничего не остается, кроме как остаться на своем месте и смотреть.

Я не могу остаться в стороне.

Быстрыми шагами пересекаю комнату и обнимаю ее за талию.

Спустя одну секунду она отталкивает меня с такой силой, которую я даже не подозревал в ней.

— Больше никогда... не прикасайся ко мне, — она вытирает лицо своим рукавом, поворачивается и убегает из офиса.

Я вопросительно смотрю на папу потому, что, черт, не знаю, что и делать.

— Иди за ней, — требует он.

И в следующую секунду я уже за дверью.

Я замечаю, что Мия исчезает в своей комнате. Бегу вниз к комнате, ожидая обнаружить

закрывающую дверь, но она открыта. И широко.

Я не захожу в комнату, уважая ее пространство. Поэтому становлюсь в дверном проеме и хватаюсь за дверную раму.

Она сует ноги в скетчерсы и берет сумочку.

— Мия?

Продолжая игнорировать меня, она надевает свой жакет.

— Мия, пожалуйста. Поговори со мной.

Затем она берет ключи от машины, вешает сумку через плечо, без слов проходит мимо меня и быстро спускается вниз по лестнице.

Я слеую за ней по пятам, пытаюсь поговорить с ней.

— Пожалуйста, не уходи... просто подожди... я знаю, что это трудно для тебя... больно... но если бы ты позволила мне объяснить...

Она останавливается снаружи у крыльца — там, где я недавно, всего несколько часов назад, любил ее, а потом снова солгал — и медленно поворачивается.

Холод в ее глазах и мертвый взгляд говорят мне то, чего я боялся.

Я потерял ее.

Ничто не перешагнет через прошлое.

Я солгал ей. Унизил ее. Всю ее жизнь мужчины унижали ее, а теперь я просто добавил свое имя в этот список.

— Объяснить? Ты хочешь объяснить сейчас? У ТЕБЯ БЫЛО НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ Н ОБЪЯСНЕНИЯ! — кричит она. — ВЕЧНОСТЬ, ЧТОБЫ РАССКАЗАТЬ ПРАВДУ, НО ЛГАЛ... ты лгал, — ее голос срывается на шепот. — Она любила тебя... не меня — тебя. Оставила с ним. Боже, она, должно быть, ненавидела меня...

— Нет, Мия. Нет. Тебе нужно услышать все от начала до конца, позволь мне объяснить.

— НИЧЕГО НЕ ХОЧУ СЛЫШАТЬ! — кричит она. Слезы капаят с ее лица вниз, а рука снова оказывается на животе.

Мои глаза щиплет от вида ее боли. Я грубо вытираю их рукой.

— Мне пора, — говорит она пугающим и тихим голосом, а ее глаза смотрят на машину.

— Мне нужно убраться отсюда.

Она бежит к машине, на ходу разблокируя ее. Я бросаюсь за ней, хватаю за руку и пытаюсь заставить ее остаться со мной.

— Не уходи, — молю я, — не так. Пожалуйста, Мия. Просто останься, поговори со мной. Я исправляю все... это...

Она поднимает свои пустые глаза на меня.

— Это нельзя починить... меня нельзя починить. Я уже давным-давно была сломана, — она резко вырывает свою руку из моей, залезает в машину и уезжает, оставляя меня в облаке пыли и агонии.

Я не осознаю, что сижу на песке, пока не ощущаю, как папа кладет руку на плечо.

— Мне так жаль, Джордан. Извини, что сейчас ты расплачиваешься за ошибки, которые Белль совершила так много лет назад.

— Нет... я просто... не могу ее потерять. Я должен сделать это правильно. Поеду за ней...

— Нет, — он кладет руку на мое плечо, держа меня на месте, — это плохая идея. Если ты сейчас поедешь за ней, все будет только хуже. Дай ей время успокоиться, осознать боль.

— Но что, если она не вернется? — боль в моей груди становится чистой гребаной

агонией. Я задыхаюсь и потираю грудь.

— Ее вещи здесь, Джордан. Она должна вернуться за ними.

— Нет, — качаю я головой, зная, что она оставила все в Бостоне до того, как пуститься в бега, — материальные вещи для нее не важны. Прежде она оставила их в Бостоне, поэтому она не вернется за ними сейчас.

На его лице написано, как он волнуется и переживает за меня. Затем хлопает меня по плечу.

— Она беспокоится о тебе, и сильно. Она вернется. А если нет — мы ее найдем.

— Как?

Он кладет руки на мои плечи и заводит меня в дом.

— Ты не забыл, что твой старик раньше был копом? Я нахожу людей, и я хорош в этом, — улыбается он, пытаясь быть позитивным, воодушевленным и конструктивным.

Я киваю, но на самом деле не соглашаюсь с ним, потому что мой страх — не в том, что я могу не найти ее. Я объезжу всю Землю, пока не найду ее.

Нет, мой страх в том, что меня ожидает, когда я ее увижу снова.

Мия

Ничего не чувствую.

Ни о чем не думаю.

Тело не болит.

Сердце тоже.

Сосредоточиваю свое внимание только на одном. На одной единственной цели.

Нажимаю на тормоза на парковочной стоянке продуктового магазина.

Надевая очки, беру сумочку и захожу внутрь.

Беру тележку. Поворачиваю за углы рядов.

Сегодня не будет волнений. Только одна нужда. Одна. Тележка наполняется быстро.

Я уже поела. Пачка чипсов давно открыта и съедена. Пачка печенья — наполовину.

Если на меня смотрят люди, то мне все равно.

Кассир пытается поговорить, но я не отвечаю. Пакую еду, расплачиваюсь и ухожу.

Затем еду в мотель в центре города, куда я приезжала ранее.

Большинство людей приходят в мотель, чтобы потрахаться. Я пришла поесть. И скрыть свой позор.

И все же сейчас я не ощущаю его так сильно.

Есть одна необходимость.

Это означает конец... конец, который я увидеть не в состоянии. Регистрируюсь на ресепшене. Одна ночь. Больше мне все равно не понадобится. Мне просто надо избавиться от этого. А затем я уеду.

Я иду в комнату, а потом сразу возвращаюсь к машине и достаю пакеты с едой.

Запираюсь в комнате и вываливаю все пакеты на постель.

Это не та комната, в которой я была раньше, но выглядит так же. Дешевая, грязная, где побывало слишком много гостей. Такой являюсь и я — дешевой, изношенной и использованной.

Я глупо пыталась думать, что все по-другому. Позволить себе думать, что я чего-то стоила... Что для кого-то я что-то значила... для него.

Джордана.

Больно даже произносить про себя его имя.

Я бью руками по лбу, пытаюсь выгнать его из мыслей, но он не уходит. Поэтому я подхожу к старому телевизору и включаю его.

Пытаюсь заглушить боль с помощью всяких бессмысленных действий, но знание все равно сидит внутри меня и разрывает меня на части.

Музыка из телевизора наполняет каждый уголок комнаты песней Рианны «Diamonds».

Боль пронзает меня со всей силой. Кулаком я заглушаю всхлип, когда сползаю на пол.

Как он мог..? Как могла она..?

Остановись, Мия. Сейчас же.

Ты знаешь, как заставить боль уйти.

Я заползаю на кровать и вскрываю первую пакет. Бросая в рот еду, быстро жую и проглатываю. Безвкусная. Чувствую только облегчение, которое всегда с этим приходит.

Перетаскиваю пакет с кровати, опустошая содержимое, на пол. Раскрываю еще один пакет, на этот раз с печеньем. Забрасываю его в рот, жую и пытаюсь съесть так много и так быстро, как могу.

Но еда застревает, словно мое тело уже готово протестовать.

Я трудно сглатываю, и еда проскальзывает внутрь меня. Затем беру бутылку купленной мною газировки и пью, чтобы она смочила мое пересохшее горло.

Лежа на грязном полу комнаты, смотрю на треснувшийся потолок. Почти вся еда съедена, тело пропиталось сладким, а желудок болит так, как никогда прежде.

Я съела больше, чем когда-либо.

Но эти чувства успокаивают, потому что лучше чувствовать болезненную агонию из-за еды в животе, чем чувствовать ту агонию в сердце, которая грозит разбить сердце на осколки.

Моя мама оставила меня, чтобы меня растил он.

И Джордан.

Мужчина, в которого я влюблена.

Я, и правда, ничего не стою.

Поднимаюсь на ноги. Сейчас меня вырвет. Сдерживаю рвотные позывы.

Но мне это нужно.

Прокладываю путь в ванную, где сажусь на колени около унитаза. Пальцы сцеплены вместе, нажимаю ими на глотку, и освобождаю себя от боли, пытающейся меня уничтожить.

Она еще здесь. Не сработало.

Нет.

Они и это у меня забрали.

Возможность перестать чувствовать. Остановить пожирающую меня боль. А сейчас она здесь, и складывается такое ощущение, что мои ребра скоро сломаются от пронзающей меня боли.

Нет. Нет. Нет. Нет!

Я ненавижу его.

Ее.

Рада, что она умерла.

Вылезаю из ванной и с трудом встаю на ноги. Они онемели, голова кружится.

Залезаю на кровать, пробираясь через свалку пустых пакетов, контейнеров и оберток, что заполнили собой всю кровать и пол. Нахожу еду. Пачку попкорна и банку с арахисовым маслом.

Нет! Мне нужно больше.

Я осматриваю кровать в поисках еды, но ничего не нахожу.

Я раскрываю пакет с попкорном, забрасываю его в рот, одновременно наполняя руки едой. Ощущаю рвотные позывы, когда проглатываю, но мне все равно. Затем переключаюсь на арахисовое масло. Когда все съедено, становлюсь на колени, опираюсь руками об пол и рыщу среди мусора.

Нахожу плитку шоколада, которая закатилась под кровать. Открываю ее и начинаю крошить ее рукой, забрасывая кусочки в рот.

Несмотря на то что вся еда съедена, я до сих пор не наелась. Однако это сделать необходимо. Спотыкаясь, иду в ванну, становлюсь возле раковины и заставляю еду выйти наружу.

Включаю воду, пытаюсь смыть с себя рвоту, но труба перекрыта. Все руки и ладони измазаны шоколадом. Рвота на раковине. Поднимаю голову и вижу это в зеркале.

Отвратительно.

Еда размазана по моему рту, лицу... волосам. И на мне рвотные массы.

Я отвратительна.

Я ненавижу их — Джордана... Анну...

Я ненавижу себя.

Гнев, который я до сих пор не позволяла себе почувствовать, разрывает меня. Я ударяю кулаком по зеркалу. Оно мгновенно покрывается трещинами, маленькими осколками падая в раковину. Кровь капает с моей руки на белый кафель. Но моя рука не чувствует боли. Боль только в сердце.

Лежу на полу с закрытыми глазами.

Ненавижу себя.

Отвращение к себе.

Потеря.

Беспомощность.

Врата открыты, и все смывается в раковину так же резко, как при цунами.

Я сжимаю раковину, открываю глаза, но ничего не вижу из-за горячих, обжигающих слез. Мне нужно выбираться отсюда. Нужно что-то другое.... Неважно, что именно. Двигаюсь слишком быстро, из-за этого перед глазами танцуют тени, ослепляя меня, охотясь за мной. Я спотыкаюсь об ванну, ища выход.

Я переборщила. Скоро вырублюсь. Черт. Я вытягиваю руки вперед, чтобы опереться обо что-нибудь, но ничего не нахожу. Слишком поздно... я быстро падаю.

И та боль, которую я ощущаю, многократно усиливается.

Джордан

— Я больше не могу ждать, — говорю я и беру ключи со стола.

Я ждал весь день, но от Мии не было никаких вестей. Сейчас уже темнеет, и я очень встревожен.

Я попытался позвонить ей пару часов назад. Нашел ее номер в регистрационном листе. Все ли так плохо, ведь я даже не знал ее номера? С другой стороны, раньше у меня не было необходимости ей звонить. Я ни разу не видел ее с телефоном в руке. Попытка не пытка.

На другом конце линия мертва. Телефон был выключен, и я даже не смог оставить голосовое сообщение, потому что ее почтовый ящик был переполнен.

Я раздражен, чувствуя себя беспомощным, поэтому собираюсь предпринять одну вещь, которую я в состоянии сделать, — пойти искать ее.

— Я иду с тобой, — отец поднимается на ноги.

— Нет, оставайся, вдруг она вернется. Если так и будет, сразу же звони.

— Где собираешься искать? — спрашивает он, когда я открываю входную дверь.

Я останавливаюсь. Не имею ни малейшего гребаного понятия. Я просто собираюсь исколесить Дуранго вдоль и поперек, пока меня не осенит какая-нибудь идея. Я поворачиваюсь к отцу и спрашиваю:

— А где бы ты искал?

Он приглаживает рукой свои короткие, седеющие волосы.

— Если бы я был Мией и находился бы в городе, который я не знаю и который не является моим домом, то после того, как обнаружил всю правду... я бы пошел в бар, напился... но не думаю, что она такая, — добавляет он, и я отрицательно качаю головой.

— Она не такая.

— Тогда пошел куда-нибудь туда, где тихо. Где я мог бы побыть в одиночестве.

— А где настолько тихо?

— Здесь, — говорит он.

— В другом отеле?

— Думаю, да.

— Спасибо, папа.

Я рванул на Мустанге, рассекая гравий и убираясь подальше от отеля.

Я проверил парковки всех десяти отелей в поисках ее машины, но безрезультатно.

Может быть, я трачу свое время напрасно. Она могла уехать из города, но я должен продолжать поиски.

Я останавливаюсь у светофора на перекрестке. Я чувствую себя потерянным; я не знаю, в какую же сторону повернуть, поэтому опускаю голову на руль. Меня до смерти пугает звук, раздающийся где-то сзади. Я смотрю на зеркало заднего обзора и вижу машину.

— Ладно, еду я уже! — отзываюсь я. После того, как завожу мотор, — поворачиваю направо.

Проехав почти всю улицу, я понимаю, что собираюсь выехать из города. Скорее всего, она взяла влево — так говорит мне мое подсознание.

Чувствую разочарование и, как полный лузер, начинаю делать поворот на 180 градусов, одновременно смотря вокруг, чтобы убедиться, что все чисто. Тогда-то и вижу ее машину, которая припаркована около сомнительно выглядящего мотеля.

Мое сердце останавливается.

А затем мчится галопом.

Сглотнув комок в горле, я разворачиваюсь и заезжаю на парковку мотеля.

Парень за стойкой ресепшена выглядит как полнейший неудачник. Он не отрывается от телевизора, когда я захожу внутрь.

Ужасно, что Мия почувствовала, будто ей негде больше оставаться, кроме этого мотеля. Она не принадлежит такому месту. Она принадлежит мне.

— Эй, мужик, — я кладу руки на стол, — я тут думал, не сделаешь ли ты мне одолжение. Мы с девушкой поругались... — Девушка. Впервые я называю так Мию. Забавно — теперь я даже не знаю, кто мы друг другу. — И достаточно серьезно. Мне нужно поговорить с ней, но она не отвечает на звонки.

— Тогда, полагаю, она не хочет общаться с тобой, — решительно говорит он, не отрываясь от телевизора.

Я сжимаю руки в кулаки и, игнорируя ответ парня, отвечаю спокойным голосом:

— Ее машина припаркована снаружи. Я знаю, что она здесь. Тебе просто нужно сказать мне, в какой комнате она остановилась.

Технически говорить мне это он не имеет права, и я это знаю. Но это не слишком серьезное основание. Поэтому или он скажет мне, или выставит себя полнейшим ублюдком. Судя по его взгляду, я думаю, что выберет он второй вариант.

Его губы складываются в гнусную ухмылку.

— А, ты говоришь о такой милой блондиночке с упругой попкой, которая водит такую же горячую машину, как она сама? Приехала сюда не так давно — остановилась на день.

Не так давно?

Все мускулы на моем лице сильно напрягаются.

— Я думаю, она трахалась с кем-то днем, — продолжает придурок, — и, судя по твоему взгляду, точно не с тобой, — смеется он. — Ага, мужик, ты не получишь от меня эту чертову информацию.

Я подхожу к его стулу, в кулаке сжимаю рубашку парня и приподнимаю самого придурка в воздух.

— Ты мне расскажешь, урод, в какой она комнате, — шиплю я в его лицо, — или сначала я надеру твой зад, а затем буду стучаться в каждую гребаную дверь твоего отвратительного мотеля, побеспокоив всех постояльцев. Особенно тех, кто платит по часам, потому что они не хотят, чтобы их прерывали. До тех пор, пока не найду ее.

Он открывает свой рот, но я останавливаю его прежде, чем он начинает говорить:

— И прежде чем ты будешь кудахтать, что вызовешь копов, заруби себе на носу: мой отец — коп. — Ладно, это ложь. Но я поставлю на кон все, с чем пришел сюда. — Поэтому сохрани свое гребаное время на случай, если они придут сюда, потому что пронюхают о низкой стоимости или о такой куче дерьма, как ты. А теперь скажи мне номер гребаной комнаты, в которой она остановилась!

Он хватает рубашку, выдергивая ее из моей руки.

— Прекрасно! — раздраженно говорит он, тяжело дыша. — Да не важно. Мне плевать! Она в комнате 106.

— Видишь, ведь это не было так трудно, правда?

Я хлопаю дверь и направляюсь по коридору в ее комнату. Один-ноль-шесть. Слегка стучу по двери и жду.

Ничего.

Я смотрю сквозь щель в занавеске. В комнате темно, за исключением мигающего телевизора, но внутри Мии не видно.

Я снова стучу, уже громче, и зову ее по имени. Ожидаю, пытаюсь услышать любой шорох. Все еще ничего.

— Мия! — я снова стучу. — Знаю, ты здесь. Твоя машина снаружи. Мне просто нужно знать, что ты в порядке.

Я прижимаю ухо к двери, пытаюсь что-нибудь расслышать. А затем слышу ее... еле слышно.

— Мия! — снова зову я, мое сердце колотится в груди.

— Джордан...

Недолго думая я отодвигаюсь назад и ударяю пяткой по замку, открывая дверь.

Захожу в комнату и повсюду вижу одну грязь. Упаковки из-под еды, контейнеры... мусор повсюду.

Я слышу ее стон. В ванной.

Она на полу. Мой желудок рухнул вниз. Мои глаза схватывают все меньше чем за секунду. Пересохшая кровь на ее затылке въелась и в волосы. Ее лицо вымазано чем-то, похожим на шоколад.

Я падаю на колени перед ней.

— Мия. Это я. Я здесь. Иисус, детка, что произошло? — Я беру ее за руку. Суставы на ее пальцах в ссадинах, зеркало перепачкано кровью.

Мрак... Что ты с собой сделала, малыш? Слезы заполняют мои глаза.

— Джордан... — стонет она, ее глаза открываются, но не могут ни на чем сфокусироваться.

— Нет... — бормочет она, — все... хорошо. Просто дай... ми...нугу... — Ее глаза закрываются.

— Мия, малыш. Останься со мной. Не засыпай, — я нежно хлопаю ее по щеке.

— Устала...

— Мия, — хлопаю сильнее и понимаю, что она не со мной. Затем набираю 911, говорю, что мне немедленно нужна скорая.

— Как она?

Я встаю, как только вижу, что подходит отец. Сейчас я нахожусь в комнате ожидания, где провел последние полтора часа с тех пор, как мы приехали, и они оставили меня здесь, сразу бросившись к Мие.

— Они ничего мне не говорят, потому что, очевидно, я не член семьи. — Я поднимаю руки в воздух, бросая гневный взгляд на администратора.

Отец кладет руки мне на плечи, привлекая мое внимание к себе.

— Технически мы — семья. — Он решительно смотрит на меня, прежде чем повернуться и подойти к администратору.

Последнее, чего я хочу, — относится к Мие как к сводной сестре, но если это то, что позволит мне узнать о ее состоянии, я скажу все, что они, черт побери, захотят услышать.

Я меряю шагами комнату, пока смотрю, как отец говорит с администратором.

Он пару раз кивает. Что-то говорит. И снова кивает. Затем подходит ко мне.

— Что они сказали?

— Только то, что Мия проходит обследование, и это потребует какого-то времени, так что мы можем прождать несколько часов, прежде чем услышим что-нибудь.

— Иисус, — я нажимаю пальцем на перегородку носа и закрываю глаза, пытаюсь успокоиться, — мне нужно увидеть ее. Убедиться, что она в порядке.

— Она будет в порядке, сын, — его рука массирует мое плечо. — Похоже, мы тут надолго застряли, поэтому я пойду и принесу нам кофе.

Я киваю и облакачиваюсь на стенку, все еще не открывая глаз.

— Мистер Мэттьюс?

Моя голова приподнимается. Женщина за тридцать, в белом халате, с волосами, забранными в пучок, подходит ко мне.

— Я доктор ПакКард. Вы родственник Мии Монро? Вы пришли с ней?

Я поднимаюсь на ноги.

— Да. Я ее... ее...

— Он ее сводный брат, — обрывает меня отец, становясь рядом. — Как она?

Доктор ПакКард переводит свой взгляд на отца. Я смотрю на него с благодарностью.

— У Мии небольшой ушиб головы от падения. Ничего серьезного. Хуже то, что мы обнаружили, что у нее было сильное обезвоживание, а ее давление было опасно низким...

— Сильное обезвоживание? — спрашиваю я, полностью растерявшись. — Что у нее могло вызвать сильное обезвоживание? — Я не доктор, но знаю, что обезвоживание появляется не просто так.

Она странно смотрит на меня. Поворачивается к отцу.

— Мистер Мэтьюс...

— Пожалуйста, зовите меня Джим.

— Джим, у Мии были когда-нибудь проблемы с едой? Любого рода?

— Что вы имеете в виду под этим? — спрашиваю я.

Ее глаза переключаются на меня.

— Вы Миин..?

— Сводный брат, — я почти хмыкаю, когда произношу эти слова, потому что это слишком далеко от правды, — Джордан, я Джордан.

Она прокашливается и поворачивается ко мне.

— Джордан, после осмотра вашей сводной сестры несколько моментов, которые я обнаружила, вызывают тревогу.

— Что за проблемы? — мое сердце выскакивает из груди и бежит вниз по коридору.

— У меня нет права обсуждать это с вами, пока я не переговорю с Мией.

— Вы не случайно спрашиваете про еду. Почему? Вы думаете, у Мии с этим проблема,

поэтому давайте поговорим об этом... — Знаю, я веду себя как придурок, но что-то выводит меня, черт возьми, из себя. — Что за проблема? Аллергия? Пищевая непереносимость? Расстройство пит... — слова выскакивают из моего рта прежде, чем я понимаю, о чем говорю.

А затем вдруг понимаю. Мои глаза закрываются под тяжестью этого понимания. То, как я нашел ее в комнате отеля, всплыло в моем мозгу и превратилось в череду фактов. Чрезмерное количество оберток от еды. Шоколад, размазанный по ее лицу, словно она жадно поглощала его.

Ее рвало.

Ее рвало.

Чрезмерный аппетит. Тошнота. Думай, Джордан, думай...

Булимия.

Черт, нет.

Я открываю глаза.

— Вы думаете, что у Мии булимия.

Доктор ПакКард засовывает руки в карманы и медленно вздыхает.

— Много факторов указывают на эту возможность, но, как я сказала, мы не можем быть ни в чем уверены, пока не поговорим с Мией.

И мое сердце покидает это здание.

— Так поговорите с ней. Сейчас, — я показываю на конец коридора. — Я пойду с вами.

Она качает головой.

— На данный момент — это невозможно, потому что Мие ввели транквилизатор, и я...

— Транквилизатор? — застываю я. — Почему?

— Джордан, когда Мия поступила к нам, она была очень расстроена. И, помимо стрессовой ситуации, возникли некоторые другие проблемы, — она перестает говорить, когда мимо нас кто-то проходит.

— Какие другие проблемы? — нажимаю я, скрепя руки на груди и пытаюсь их удержать на месте, потому что я в двух шагах от того, чтобы оббежать каждую гребаную комнату, пока не найду Мию.

Доктор ПакКард кладет руки мне на плечи, словно пытаюсь меня удержать.

— Мия была очень расстроена во время обследования, поэтому у нее началась истерика, и это помимо стресса и обезвоживания.

— Вы ввели ей снотворное. Иисус гребаный Христос, — я закрываю глаза, болезненно вздыхая и закрывая лицо руками.

Я чувствую руки отца на спине.

— Мне показалось, что контролировать ее приступ будет легче, когда она заснет. Надо дать ее телу время отдохнуть, и это позволяет нам внутривенно ввести ей регидратирующее средство. Мия, находясь в бодрствующем состоянии, не позволяла нам это сделать.

Отвергает их помощь? Она не хочет поправиться?

Телефон доктора ПакКард вибрирует в ее кармане.

— Извините. — Она его достает и смотрит на экран. — Мне жаль, но мне пора идти, — и собирается уходить.

— Когда Мия проснется...

— Я сразу же позову вас. — И она ушла.

Я сажусь на ближайший ко мне стул. И опускаю голову на руки.

Отец садится рядом.

— С ней все будет хорошо, сын. Мы поможем. И не важно, в чем она будет нуждаться.

Я немного приподнимаю голову и смотрю на него.

— Но если она не захочет моей помощи?

Он грустно улыбается.

— Мы во всем разберемся. Не волнуйся.

Мы с отцом проводим ночь в зале ожидания в больнице. Нам ничего не сообщают, и не важно, как много раз я подхожу к дежурному, ответ одинаков: ничего не изменилось — Мия спит.

Поэтому большую часть своего времени я провожу, снова и снова прокручивая все в моей голове. Пытаюсь разобраться, как я мог все упустить. Были сигналы?

Но ничего не приходит в голову.

В конце концов, у меня ничего не выходит, поэтому я засыпаю, растягиваясь поперек трех сидений, оставляя отцу скамейку. Закрываю глаза и проваливаюсь в сон.

Когда снова их открываю, солнечный свет проникает через огромные стекла, а взгляд на часы подсказывает, что сейчас семь тридцать.

Отец уже проснулся, смотрит новости по телевизору, который висит на стене, пьет это дерьмовое кофе из автомата.

— Как давно ты проснулся? — спрашиваю я, садясь. Каждая косточка в позвоночнике хрустит, когда я потираю спину.

— Недавно.

— Какие-нибудь новости?

— Нет. Я принес тебе кофе. Может, сейчас он немного остыл, — он протягивает мне.

— Все нормально, — я делаю два больших глотка теплого кофе и ставлю чашку на столик.

— Я говорил с Паулой, она едет в отель к Дозеру.

Хорошо, что Перри уже уехал, поэтому нужно смотреть только за Дозером.

Я поднимаюсь на ноги.

— Спасибо.

Входные двери открываются, впуская в комнату холодный воздух, и я окончательно просыпаюсь.

Я наблюдаю, как через двери проходит парень моего возраста. Я замечаю его, потому что он, судя по его внешнему виду, определенно с деньгами. Явно видна аура заносчивости.

Парень идет к столу администратора.

— Пойду отолью, — говорю я отцу.

Я прохожу мимо стола администратора, направляясь в уборную, когда слышу разговор этого богача и администратора.

— ... имя — Форбс Чандлер. Прошлой ночью мне позвонили, сказали, что моя подруга Мия Монро поступила к вам. Хочу узнать, как она и когда я могу ее увидеть.

В голову ударяет кровь. Я останавливаюсь и медленно поворачиваюсь.

Это он. Блондин, чопорный ублюдок. Он тот, кто причинил Мие боль.

Почему он здесь? Кто ему позвонил? Мия просила его?.. Просила их позвонить ему?

Меня охватывает боль, которая быстро сменяется гневом, отчаянием и разочарованием. Форбс поворачивает голову в моем направлении. И видит, что я на него смотрю.

Кулаки сжимаются еще сильнее.

Я подхожу к нему.

— Ты Форбс?

— Ага, это я. А кто?.. — он никогда не закончит это предложение.

Потому что я с силой бью его.

Он падает вниз от одного удара. Что за слабак. Но я не прекращаю. Забираюсь на него снова и снова бью и не могу, черт его возьми, остановиться.

Потому что все, что я вижу, — черный глаз Мии.

То, как он пытается ее изнасиловать.

Она, сама вызывающая себе рвоту. Она без сознания на полу ванной.

Когда я любил ее. Желал ее.

Чувствую только боль. Одну гребаную боль.

Она бесконечна, безжалостна. И я просто продолжаю ударять кулаком в его лицо, пытаюсь освободить себя от этого груза.

Не знаю, остановился бы я когда-либо или продолжал бить его до тех пор, пока не убил бы, но у меня нет шанса это выяснить, потому что отец отрывает меня от него, вместе с персоналом госпиталя.

Требуется три человека, чтобы оттащить меня. Вот как далеко я зашел.

— Что за дерьмо! — захлебывается Форбс кровью. — Ты сумасшедший? Ты сломал мне нос!

— Это — меньшее, что тебя должно волновать, — рычу я. — Если ты снова подойдешь к Мие, я убью тебя, мразь!

Он застывает. На минуту. Руками он закрывает кровоточащий нос, глаза встречаются с моими. В них что-то отражается. Не знаю, что именно, но знаю одно — это мне не понравится.

Затем его рука опускается. И он усмехается.

— Мия хорошо и тщательно тебя обработала. — Я слышу отрывистый, дьявольский смех. — Она в этом хороша... играет жертву. И я вижу по твоему лицу, что ты трахал ее. Извини, что говорю тебе, но ты не первый и тем более — не последний.

— Ты гребанный лжец! — я бросаюсь на него, но меня останавливает отец и огромные охранники, так что я не преуспеваю.

— Отпустите. Меня. Дерьмо! — кричу я, пытаюсь отпихнуть их от меня.

— Успокойся, черт возьми! — папа шипит в ухо. — Продолжай в том же духе, и они вызовут копов, если уже не вызвали. Они посадят твою задницу в тюрьму, и ты не сможешь Мие выйти отсюда.

Слова немедленно достигают цели, и я, услышав ее имя в этом контексте, медленно останавливаюсь.

— Ладно, — тяжело дышу, — ладно, ты можешь меня отпустить. Я не ударю его, — я пронзительно смотрю на него, — не сейчас.

— Джордан, — рычит папа.

— Что происходит?

Я поворачиваюсь и вижу, что к нам подходит доктор ПакКард. Она смотрит на Форбса, а затем на меня. И счастливой она не выглядит.

— Доктор ПакКард, этот мужчина только что избил джентльмена без причины, — говорит администратор, выглядя немного шокированным.

— Без причины?! Да вы издеваетесь! — ору я. — Этот ублюдок — вот причина, по которой Мия здесь.

— Я не видел Мию в течение двух недель...

— Да? И почему же это? — я подхожу к нему. Папины руки останавливают меня.

— Джордан, — говорит доктор ПакКард. — Вы напали на этого джентльмена?

Я презрительно усмехаюсь над определением.

— Ага, и сделаю это снова. С удовольствием.

Она поворачивается к Форбсу.

— Мистер?..

— Чэндлер, — кровь стекает вниз по его отвратительному лицу и на его примитивную рубашку стоимостью в сто долларов.

— Мистер Чэндлер, я вызову медсестру, чтобы вам помогли. Вы хотите вызвать полицию, чтобы доложить о нападении?

Его глаза смотрят в мои.

— Сделай это, — я делаю шаг вперед, отпихнув руку отца, лежащую у меня на груди, — и я сделаю процесс долгим. Я расскажу копам обо всем, что ты сделал с Мией.

Его глаза слезятся.

Ага, я знаю, что ты сделал, ублюдок.

— Нет, — он прочищает глотку, вытирая рот рукавом, — не хочу выдвигать обвинения. Мне не нужны все эти разборки. Просто держите этого шизика подальше от меня.

— Медсестра Калагхан, подойдите к мистеру Чэндлеру, пожалуйста, — доктор ПакКард зовет медсестру.

— Конечно, — медсестра подходит и отводит его в другой конец холла.

Мои глаза прикованы к его спине.

Доктор ПакКард становится передо мной и блокирует мой взор.

— Не знаю, почему это произошло, — говорит она низким голосом, — но если вы еще раз будете так вести себя в моей больнице, я сама вызову копов, и вы никогда больше не пройдете через входную дверь. Вы поняли?

Я вздыхаю.

— Да, понимаю.

— Хорошо. Потому что Мия проснулась и хочет увидеть вас.

Я поднимаю голову.

— Да?

— Да, так что вам лучше пойти со мной, — она собирается уходить.

Я смотрю на отца.

— Подожду здесь, — говорит он.

«Спасибо», — одними губами говорю я ему. Он ободряюще улыбается мне.

Я не отстаю от доктора ПакКард.

— Как она?

Доктор смотрит на меня.

— Лучше. Уже разговаривает. Забавно, однако, что когда я сказала Мие, что ее ждет сводный брат, она ответила, что у нее нет сводного брата. Что у нее, на самом деле, нет родных, — она скользит взглядом по мне.

Я смущенно улыбаюсь.

— Все сложно, — пожимаю плечами.

— Как и сама жизнь. — Она останавливается у двери. — Мия здесь. Джордан, я очень серьезно поговорила с ней, и, принимая во внимание ее проблему, считаю, что будет лучше, если ты ей ничего не скажешь.

— Вы имеете в виду, не говорить ей, что я знаю о булимии?

— Да. Позволь ей рассказать — уверена, она так и сделает. Она осведомлена о проблеме, но также столкнулась с шоком осознания. Ее расстраивает этот факт. А я не хочу, чтобы она была расстроена еще больше, чем сейчас.

Я киваю.

— Понял вас, доктор. Сделаю все, что в моих силах, чтобы ей помочь.

Она улыбается.

— Да, я это вижу.

Я поворачиваюсь к двери.

— Джордан.

Оглядываясь через плечо, смотрю на нее.

— Возможно, ты захочешь стереть кровь с рук, прежде чем войдешь.

Я смотрю на руки. По ним размазана эта гребаная кровь.

— Черт, да.

Из кармана она достает носовой платок, затем подходит к фонтанчику с водой, расположенному чуть дальше в холле. Нажимает на кран и смачивает платок, а затем подает этот платок мне.

— Спасибо, — беру его и вытираю кровь с костяшек пальцев, а затем отдаю ей.

— Все в порядке, — поднимает она руки и улыбается. — Оставь его себе.

Я слегка смеюсь.

— Спасибо, — засовываю платок в свой карман. Глубоко вздохнув, открываю дверь и вхожу в палату Мии.

Мия

Один взгляд на Джордана, и я все понимаю.

Я больше не могу быть с ним. Не потому, что не люблю —я люблю — а потому, что когда я смотрю на него, то вижу только мамино предательство. Она захотела растить его, а не меня.

Мне больно быть рядом с ним.

Не хочу обижаться на Джордана из-за того, что у него есть все, что должно быть моим. Это не его вина — все то, что моя мама сделала, не было его виной. Моя рациональная часть знает это, но не может изменить те чувства, что я испытываю. Она хотела его. Не меня.

Я могу понять почему. Он такой красивый, удивительный человек. Освещает все вокруг. Он — намного лучше, чем я.

И заслуживает больше, чем я когда-либо смогу ему дать. Он заслуживает кого-то лучше меня.

Я же сломана. Повреждена.

Доктор ПакКард думает, что меня можно починить. Я же не так уверена. Посмотрите на меня — где я оказалась. Что я с собой сделала.

Опустилась на самое дно. И сейчас мне нужно понять, смогу ли я выкарабкаться, но это мне нужно сделать без Джордана.

— Привет, — говорит он, закрывая за собой дверь.

— Привет.

Я знала его очень короткое время, но этот промежуток времени кажется теперь таким долгим. Складывается ощущение, будто я его знала всегда. Для меня будет тяжело никогда не видеть его. Тяжелее, чем когда я жила с Оливером. Тяжелее, чем когда ушла от Форбса. Тяжелее, чем борьба с моей болезнью.

Джордан усаживается на стул рядом с кроватью. Тот, который недавно занимала доктор ПакКард в течение часа беседы со мной о болезни. Я не стала глубоко вдаваться в подробности о моей проблеме с едой, но было трудно избегать разговора про булимию, поскольку разговор был чисто профессиональным. И она все знала. Я пыталась сначала это отрицать, но она увидела все признаки.

После моего признания — она была первой, кому я вообще рассказала, — о том, как много я ела и о последующем выведении еды из организма; о том, что все это происходит уже десять лет, — она сказала мне то, что я уже знала. О вреде для моего организма, о возможных проблемах с печенью и о почечной недостаточности. О большой смертности.

Вы, наверное, уже подумали, что знание обо всех этих вещах остановило бы меня давным-давно, но я не желала о них думать. Я хотела остановить боль, и на некоторое время это помогало. И, может, если копнуть глубже, я действительно хотела умереть.

Но после моего пребывания здесь, после разговора с доктором ПакКард.... И особенно после времени, проведенного вместе с Джорданом, я поняла, что все, чего хочу — это жить и быть счастливой.

И чтобы это сделать, мне понадобится помощь.

Доктор ПакКард также сказала мне о специальной клинике, где могут мне помочь. Она

отправит меня к ним, но для лучшей работы я должна захотеть выздороветь — захотеть стать лучше.

И я хочу. Я готова стать лучше. Мне нужно стать лучше.

Сейчас доктор ПакКард звонит в клинику, чтобы узнать, есть ли у них свободное место для меня, поэтому мне остается сказать Джордану, что я ухожу.

— Как ты? — спрашивает он нежным голосом.

— Хорошо, — я смотрю на него. Его глаза — темные, глубокие и ищущие — не отрываются от моего лица.

Так больно на него смотреть. Каждый раз я теряюсь из-за любви, которую к нему чувствую, и из-за прошлого, которое он олицетворяет. Прошлое, которое должно было быть моим.

Смотрю вниз на свои пальцы, которые гладят рисунок на одеяле.

— Джордан... мне нужно извиниться за то, какой ты нашел меня в той комнате в мотеле.

— Я собираюсь остановить тебя прямо сейчас. Ты ни за что не должна извиняться. Я рад, что нашел тебя, и что ты в порядке, — его пальцы теребят край футболки. — Я — тот, кто должен извиняться, малыш. Ты бы не пошла туда в одиночестве, если бы я ничего не утаил. — Он проводит руками по волосам, вздыхая. — Боже, мне так жаль, что я не рассказал о своей маме..., — он останавливается.

Его мама. Точно, она была его мамой.

Он смотрит на меня. Его взгляд наполнен извинениями и сожалениями. Он сочувствует мне.

Жалееет.

Ненавижу жалость.

— Я просто... — выдыхает он. — Должен был сказать тебе о том, что Белль была Анной... и твоей матерью, — подчеркивает он. Его голос глубокий и низкий.

Я отворачиваюсь и смотрю в окно.

— Уже не важно.

— Нет, важно. И я хочу, чтобы ты знала, как мне жаль... за все. Знаю, ты мне не веришь, но я бы никогда не сделал что-нибудь, что причинит тебе боль. Я просто боялся сказать тебе правду. Боялся, что когда я это сделаю, то потеряю тебя, — он проводит пальцем по моей руке.

— Не надо, — я убираю руки.

Я должна защитить себя и свое сердце от его взгляда, наполненного болью.

Тишина между нами обжигает. Он закрывает лицо руками.

— Я потерял тебя? — его слова тихие, но боль в них сродни крику.

Я закрываю глаза, слезы обжигают мое лицо.

— Мне жаль, Джордан.

— Иисус... — он качает головой. — Просто скажи мне — это потому, что я скрывал все от тебя или из-за Белль?

— Не из-за тебя, а из-за меня...

— Не корми меня этой своей ерундой; «это не из-за тебя, а из-за меня»! — он встает, отдаляясь от кровати.

Он чувствует гнев. Гнев — то, с чем я могу работать. То, что я понимаю.

— Просто правду, Мия. Ты можешь думать, что я не заслуживаю ее, но это все, о чем я

тебя прошу.

Мои глаза встречаются с его.

— Прекрасно, — я подтягиваю ноги к груди. — Хочешь правду? Правда в том, что каждый раз, когда я смотрю на твое лицо, то вижу все, чего у меня никогда не было, — что она должна была дать мне, но вместо этого — дала тебе. Виню ли я тебя? Нет. Но это не изменяет того факта, что женщина, давшая мне жизнь, женщина, которая должна была быть моей матерью, решила быть твоей матерью. Она оставила меня с ним! — мой голос становится все громче, руки трясутся, но я не могу остановиться. — И я ненавижу то, как я себя чувствую из-за того, что знаю, что она выбрала тебя!

— Она не выбирала меня! — он бьет себя руками по груди. — Я не заставлял ее принять это решение... ты должна выслушать меня и понять...

— Нет! — я прижимаю руки к голове. — Ничего не хочу слышать! — я знаю, мои поступки не рациональны, но я не могу думать рационально сейчас. Могу только чувствовать.

— Ненавижу! Все ненавижу! Себя! — плачу я.

Джордан за несколько движений пересекает комнату и заключает меня в объятия.

То, что я чувствую из-за него...

Его теплота и сила.

Я, держа его футболку, сжимаю пальцы.

— Все дерьмо. Я дерьмо, — соплю я, отодвигаясь от него, не способная быть так близко к нему, зная, что я ухожу.

Не желая меня отпускать, он берет мое лицо в свои ладони.

— Ты не дерьмо, — он сгибает кончики пальцев над моими щеками, чтобы он вытереть мне слезы. — Поговори со мной, малыш. Позволь помочь тебе.

Из-за сокрушающего чувства трудно дышать.

— После всего, что я тебе сказала только что... Ты все еще хочешь быть со мной. Почему?

Его пальцы еще сильнее сжимают мое лицо. Глаза темнеют.

— Потому что я тебя люблю, Мия, — его глаза закрыты, будто ему больно.

Он любит меня.

Джордан прижимает свой лоб к моему, руки обхватывают мой затылок.

— Все не так, как я спланировал, знаю, но это правда. Я люблю тебя, — его дыхание опалает мою кожу. Слова разбивают мое сердце. — Я знаю, это слишком скоро, и ты пытаешься справиться со многими проблемами, которые частично произошли из-за меня, но я хочу, чтобы ты узнала о моих чувствах прежде, чем решишь насчет нас. Я люблю тебя, Мия. Каждую часть. Худшую и лучшую. Сломанную, идеальную. Плохую, хорошую. Ты — все это вместе, малыш. Я люблю всю тебя.

Он любит меня.

Джордан любит меня.

Меня.

Я тоже люблю его. Слишком сильно.

Но это не поможет.

Я сломана. Мне слишком больно. Я слишком возмущена. И не думаю, что какое-либо из этих чувств скоро исчезнет.

Он заслуживает большего, чем я могу ему дать. И сказать ему, что я люблю его, было бы

ошибкой и эгоизмом с моей стороны.

Я открываю глаза.

— Я уезжаю из Дуранго.

Он отодвигается от меня, но руки все еще обхватывают мой затылок.

— Ты возвращаешься в Бостон?

Я замираю.

— Нет. Это последнее место, куда бы я поехала. Почему ты так думаешь?

Он качает головой, глядя вниз.

Вот оно. Я должна рассказать о болезни.

— Джордан, я должна тебе кое-что сказать о себе... — я выпрямляюсь, тяжело дыша. —

Когда ты нашел меня в комнате мотеля... не знаю, увидел ли ты обертки из-под еды?

— Увидел.

— Ну... у меня проблема, — я впираюсь ногтями в кровать. — Когда я расстроена или испытываю стресс, я... эм... я ем... много еды и затем... заставляю себя извергать все обратно.

Он никак не реагирует. Не двигается. Просто смотрит на меня с тем же выражением, что и раньше.

— У меня болезнь, которая называется булимия, Джордан. Не знаю, слышал ли ты о ней.

— Слышал.

— Ладно. Моя проблема, если сказать по-простому, здесь, — я дотрагиваюсь пальцем до головы. — Когда в моей жизни происходит что-то очень болезненное, или жизнь выходит из-под контроля, я справляюсь с болью через еду, нахожу в ней утешение. И затем я, можно сказать, возвращаю контроль, выводя еду обратно из организма.

— Как долго это происходит с тобой? — нежно спрашивает он.

Я глубоко вздыхаю.

— Десять лет плюс-минус. Хуже стало в последние несколько лет.

— Как мы можем с этим справиться?

Я встречаю его отчаявшийся взгляд.

— Мы — никак. Я должна сделать это сама, — выдыхая, говорю я. — В Денвере есть специальное учреждение для людей, кто страдает от проблем, связанных с едой. Например, таких, как моя. Я собираюсь туда, чтобы стать лучше.

— Как долго тебе нужно там пробыть?

Я расправляю плечи.

— Не знаю... столько, сколько нужно. Я так думаю.

Его глаза поднимаются. Вижу в них проблеск надежды.

— Денвер не так далеко, Мия. Всего шесть часов езды. Я буду ездить каждый выходной навещать...

— Нет, — говорю я, убивая его надежду.

— Нет, — отзывается он.

— Мне нужно сделать это самостоятельно, — я прикусываю нижнюю губу. — Не надо меня навещать.

— Ладно, — он зажимает переносицу своими пальцами. — Может, когда тебе станет лучше... могу ли я увидеть тебя тогда?

Я не смотрю на него. Но разницы нет, потому что он смотрит на меня. И это причиняет

мне боль. Сильную боль.

Я медленно качаю головой.

— А.. понятно. Ладно... так ты действительно имела это в виду, когда ты сказала, что я потерял тебя, — по голосу видно, что ему больно, и это отвратительно.

Но я знаю, что поступаю правильно.

Это чувство никуда не исчезнет. Оно на самом деле пожирает меня. Нас. И в конце не останется ничего, кроме ненависти и боли.

Но за всю свою жизнь меня слишком часто ранили. Лучше покончить с этим сейчас, чем позже. Я чувствую, как двигается кровать, когда он встает.

— Сделаешь для меня одну вещь?

Я поднимаю к нему глаза, но я не готова к боли, что пронизывает меня, когда я вижу его чистые глаза.

— Не закрывайся от человека, который пытается быть ближе к тебе. Скажи ему все. Не волнуйся, что он не будет любить тебя, он будет. Невозможно не любить тебя, Мия, — у него вырывается усталый вздох. — Я знаю это лучше, чем кто-либо.

Я опускаю руку на грудь, массирую место, где болит мое бьющееся сердце. В этот момент я умираю и хочу изменить свое решение, сказать, что я люблю его. Я найду выход, чтобы рассказать ему, что чувствую.

Боль сковывает мою грудь. Я хочу побежать вслед за ним. Сказать, что ошиблась.

Но ноги этого не хотят. И я знаю причину. Потому что глубоко в душе я знаю, что отпустить его — правильно.

Я отворачиваюсь к стене, подтягиваю колени к груди и обхватываю себя руками. Я вытираю слезы с глаз, когда слышу, как открывается дверь.

Джордан.

Мое сердце сильно забилося. Я оборачиваюсь.

Форбс.

О, Боже, нет.

Нет.

Я могу чувствовать, как рефлекторно напрягается мое тело. словно улитка, готовая сжаться, чтобы спрятаться в своей раковине.

Что он здесь делает? Как он узнал, что я здесь? Что с его лицом?

Его нос забинтован. Лицо в порезах и подтеках крови.

Он закрывает дверь позади себя, и моя кровь застывает.

Мои глаза сканируют комнату в поисках пути для побега. Перед единственной дверью стоит Форбс. Может быть, я смогу запереться в ванной?

— Ф-форбс, — наконец-то произношу я.

— Как ты себя чувствуешь? — спрашивает он нормальным голосом, словно в последний раз, когда я его видела, он не избил меня и не предпринял попытку изнасиловать.

— К-к — как ты узнал, что я здесь?

Он улыбается, и из-за этой улыбки застывает моя кровь.

— Я — твой контакт на случай аварий, помнишь? В ту же минуту, что ты очутилась здесь, мне позвонили. И я тут же поехал. Я волновался о тебе, малыш. Все две недели. Не зная, где ты... Это была пытка, — он подходит ко мне ближе.

Я сажусь на кровати, прикрывая ноги больничным платьем, что надето на мне. Естественная реакция. И я ее ненавижу.

Он жестами пытается успокоить меня.

— Я не трону тебя, Мия. Я здесь не из-за этого, — говорит он

Я не верю ему. Я уже слышала это слишком много раз.

Я завожу руку за спину, ища кнопку вызова охраны.

— Просто хочу поговорить с тобой, — он садится на стул у кровати. Я перестаю двигать рукой, слегка приподнявшись, чтобы скрыть, что я ищу эту кнопку.

— Ч...Ч...ч...что ты хочешь? — пытаюсь сказать твердым голосом.

— Я хочу, чтобы ты вернулась домой.

Я могу чувствовать, как отрицательно качаю головой прежде, чем подумать, что я делаю. Знаю — это неправильно, когда я вижу проблеск гнева в его глазах.

Я пытаюсь проглотить комок, подкативший к горлу, но во рту все пересохло. Я незаметно шевелю пальцами, пытаюсь найти тревожную кнопку.

— Мия, — вздыхает он, потирая висок и качая головой. — Это не тот ответ, который я хочу услышать.

— Что с твоим лицом? — спрашиваю я. Тактика отвлечения, пока я не выясню, как отсюда выбраться.

Его лицо темнеет.

— Это несущественно.

Я держу руки вместе.

— Мия, я проехал весь этот путь и не уйду без тебя. И серьезно, что у тебя здесь есть? Ничего. Ты одна. Нуждаешься во мне. Не можешь без меня выжить.

Я обнимаю свое холодное тело. Он прав. Я одна, но быть в одиночестве лучше, чем быть с ним.

Форбс встает.

— Где твои вещи?

— Со мной у меня ничего нет.

— Хорошо. Это все облегчит, — он поднимает мою сложенную грязную одежду. — А это что за дерьмо?

— Моя одежда.

Взгляд отвращения на его лице мне так хорошо знаком.

Он так знаком мне.

— Мы купим одежду в аэропорту, но сейчас — переодевайся, — он швыряет одежду на постель передо мной.

— Зачем?

Он смотрит на меня. Сейчас им руководит гнев.

— Потому что мы покидаем это гребаный городишко и едем домой. А сейчас заставь свою чертову задницу одеться! — шипит он.

А вот и Форбс, которого я так хорошо знаю.

Страх контролирует меня, как и неуверенность в себе, поэтому я спускаюсь с постели, поднимаю одежду и иду в ванную, чтобы переодеться.

— Что, черт возьми, ты делаешь? — шипит он.

— Иду переодеваться, — тихо отвечаю я.

— Переоденься здесь, — он пересекает комнату и идет ко мне, словно хищник. Мое сердце останавливается. Я стою на месте, страх все еще контролирует меня, словно болезнь.

Он, пробегая пальцем вниз по обнаженной руке, наклоняется к моему рту.

— Я скучал по тебе, малыш... хочу увидеть тебя.

Его прикосновения пробуждают болезненные воспоминания всех тех раз, что он бил меня, пинал меня... насилывал. Его руки ощущаются мной как самая худшая катастрофа. Болезненная, ужасная катастрофа, от которой я хочу убежать. Сейчас.

Я не уеду с ним.

Не могу.

Прижимая одежду к груди, я вздыхаю.

— Я не поеду в Бостон с тобой.

Нет сопротивления. Он хватается меня за горло. Толкает меня на кровать.

— Ты будешь делать то, что я, черт возьми, тебе говорю! Переоденешься. Затем уйдешь из больницы и сядешь на один самолет со мной.

— Нет, — хриплю я.

Он берет руками подол моего платья и поднимает его. Затем он резко хватается меня за трусики и стягивает их с меня. Его колено впихивается между моих бедер. Я сжимаю ноги вместе, пытаясь убрать его, но он слишком силен и раздвигает их.

Затем его колено очень больно вжимается в самую интимную часть меня, и он наклоняется к моему лицу.

— Мне нужно еще раз преподать тебе урок, Мия?

Страх и воспоминания берутся под контроль.

Я остановлю их так быстро, как могу, чтобы они снова не проявились. Меня не будут контролировать.

Ни он.

Никто другой.

Никогда снова.

Сейчас я ненавижу Форбса больше, чем когда-либо еще. И ненависть дает мне силу. Силу, в которой я нуждалась.

Медленно я качаю головой.

Он улыбается как победитель.

— Хорошая девочка, — затем он поднимает платье выше, обнажая мою грудь.

— Они так прекрасны, черт, — говорит он, нажимая рукой на одну, двигая своим отвратительным пальцем по соску. Он сдавливая его.

От боли я закрываю глаза. Слезы собираются в уголках моих глаз.

Джордан. Я мысленно кричу. Это мольба, чтобы он вернулся. Чтобы выполнить свое обещание никогда никому не дать причинить мне боль.

Но Джордан не приедет, потому что я послала его прочь.

Это должна сделать я. И я это сделаю.

Медленно я поднимаю руки к лицу Форбса. Его глаза наполняются триумфом, и я знаю, что он у меня в кармане.

Поднимаю подбородок, предлагая ему свой рот.

— Скажи мне, что хочешь меня, Мия. Скажи: «Трахни меня, Форбс. Пожалуйста». Я хочу услышать, как ты меня умоляешь, малыш.

Я сглатываю все то, что хочу ему высказать, и повторяю то, что сказал он.

— Трахни меня, Форбс, пожалуйста, — тихо говорю я.

В тот момент, когда его губы дотрагиваются до моих, я знаю, что он захочет углубить поцелуй. И что тогда я вернусь к использованной в последний раз тактике и укушу его за

нижнюю губу. Но сейчас я кусаю ее так, словно хочу откусить.

Его кровь, равно как и крик боли, наполняет мой рот.

— Ты, гребаная сучка! — он сильно меня бьет.

Боль взрывает мою голову. Его хватка на горле усиливается. Дышать становится все труднее.

Мне нужно выбраться, но я даже телом пошевелить не могу, поэтому мои руки ударяют его, царапают, нажимают — пытаются сделать все, чтобы он слез с меня, но он не двигается.

И вот когда он отодвигается, чтобы снова меня ударить сжатым кулаком, я отодвигаю свою голову.

Моя голова теперь сбоку от его головы. Я чувствую и слышу глухой стук стекла, когда об него ударяется Форбс.

И тогда я вижу возможность моего побега, путь к которому лежит на столике у кровати.

Немедля ни секунды, я хватаю кувшин с водой и, используя всю свою силу, бью Форбса.

Вода проливается, омывает мое лицо и волосы.

Форбс выглядит шокированным. Словно он не может поверить, что я только что ударила его. Он качается, но все еще держится ровно, а мне нужно, чтобы он упал.

Поэтому я отклоняюсь и с силой бью его еще раз. На этот раз сильнее. И тогда он падает, прямо на меня.

Я паникую, когда его кровь смешивается с моей собственной, в то время как мне нужно, чтобы Форбс слез с меня. Я боюсь, что он сможет подняться, ведь это будет значить, что для меня игра проиграна.

С непонятно откуда взявшейся силой я выбираюсь из-под него. Скатываюсь с кровати, не сводя глаз с его неподвижного тела, мои обнаженные ноги ударяются об пол.

Стекло впивается в пятки ног, и я кусаю губу, чтобы сдержать готовый вырваться у меня крик боли.

Не отводя глаз от Форбса, я множество раз нажимаю на кнопку чрезвычайной ситуации, расположенной у кровати. Затем так быстро, как могу, пересекаю комнату, проглатывая попытки заплакать, когда стекло продолжает беспощадно врезаться в мою ногу.

Я уже у двери, когда слышу, что кто-то бежит по коридору. Затем дверь широко открывается. Пришла доктор ПакКард с охраной.

Спасибо, Боже.

— Мия, что тут произошло? Ты в порядке? Мы услышали, как стекло разбилось, а кнопка вызова словно с ума сошла! — ее глаза осматривают комнату, оценивая мое состояние и положение Форбса. — О, мой Бог, ты в порядке?

Я делаю несколько шажочков в ее сторону и спотыкаюсь. Я падаю, слабость берет верх надо мной.

Доктор ПакКард подхватывает меня, притягивая в объятия.

— Все хорошо, Мия, — убеждает она меня, притягивая еще ближе. — Ты в порядке.

Но сейчас не так просто поверить в ее слова. Все, о чем я могу думать, так это о том, как бы я хотела, чтобы меня сейчас обнимал Джордан.

Но так не будет.

И в этом виновата только я.

Джордан

— Джордан.

Папа стучит в дверь.

Я не отвечаю — я сейчас не в настроении с кем-либо говорить. Единственный, с кем я хочу быть, и кто меня понимает — Дозер. Он так же скучает по Мие, как и я.

Я слышу, как открывается дверь.

— Убирайся, — мычу я в подушку.

Дозер поднимает голову, смотрит вверх, затем снова ложится.

— Тебе стоит открыть окно, чтобы впустить свежий воздух. Здесь же воняет, — говорит папа, не обращая внимания на мои слова.

— Мне нравится, когда воняет.

По правде говоря, я не хочу открывать окно потому, что свежий воздух уничтожит аромат Мии на моей постели. Аромат исчезнет из моей жизни точно так же, как и его обладательница.

— Тебе действительно стоит выйти из комнаты, Джордан, — он садится ко мне на кровать. — Прошло два дня. Это вредно для тебя. Подвигайся хотя бы или что-то вроде этого.

Я поднимаю голову, отодвигая рот от подушки.

— Нет настроения.

— Ладно, хотя бы подумай о том, чтобы помыться, потому что вонь идет не от Дозера, а от тебя.

— Помоюсь, когда буду готов, — я опять прижимаюсь головой к подушке.

— Слушай, сын. Знаю, тебе больно, но все станет лучше.

Я фыркаю. В легкие проникает аромат Мии, что заставляет мою грудь гореть.

— Я сам через это прошел... когда был моложе. С Бэлль...

Мое тело напрягается. Я поднимаю голову.

— Не хочу о ней сейчас говорить.

— Я знаю, ты злишься на нее.

Я перекатываюсь на спину.

— Злости даже близко нет. Я просто... не понимаю ее. Почему она сделала то, что сделала?

Он вздыхает.

— Как и я. Но не нам судить, нас там не было. Мы не знаем, что было в ее мыслях или насколько свободен был ее выбор.

— Я просто хочу... — вздыхаю я. — Хочу, чтобы Мия увидела всю картину широко открытыми глазами. Хочу, чтобы... не знаю, черт, чего я хочу! — я поднимаю руки вверх, чувствуя свою беспомощность.

Все, чего я хочу — не чувствовать того, что я сейчас чувствую. Словно я умираю, черт возьми. Медленно умираю.

Я отворачиваюсь, поворачиваясь к отцу спиной.

— Ты хочешь, чтобы она прошла через это и вернулась.

Глаза наполняются слезами.

— Слишком поздно. Она ушла.

— Никогда не поздно. Ты знаешь, что Бэлль уехала в колледж после школы и порвала со мной. Я был в таком же состоянии, как и ты. Ни с кем не хотел разговаривать. Страдал от любви. Я просто хотел найти ее... так что написал письмо и записал кассету.

Я усмехнулся. Первый мой смех за несколько дней.

— Старомодно, пап.

— Так и было, — он слегка улыбается и пробегает руками по волосам.

— И ты получил что-нибудь от нее после того, как послал письмо и кассету?

Он качает головой.

— Нет. Не было ничего, пока она не вернулась, уже после твоего рождения.

Я сел, прислонившись спиной к изголовью кровати.

— Так ты говоришь, я должен написать Мие письмо и послать старомодный кассету, хотя с тобой это не сработало. Мама вышла замуж за кого-то другого и не вернулась к тебе.

— Да, со мной это не сработало. По крайней мере, не так, как я планировал. Но это не значит, что с тобой тоже не сработает. Но говорю тебе точно: даже если не сработает через день, то сработает через годы спустя. Она никогда не забудет это письмо или кассету, Джордан. Бэлль хранила их все эти годы. Никогда меня полностью не отпускала. И когда ей потребовалась моя помощь... ей понадобился я, то она знала, что может вернуться. Те письмо и диск напоминали ей, что она всегда может это сделать. Напомнили ей, что у нас было. Что я всегда буду с ней, неважно, что произойдет.

Он поднимается на ноги и хлопает по ноге Дозера.

— Пойдем, парень, время подкрепиться.

Дозер слезает с кровати и становится у ног папы.

— Просто подумай. Ты ничего не потеряешь, если попытаешься. Напиши и скажи ей все, что, как ей кажется, она не хочет услышать, но на самом деле нуждается в этом. Скажи, что ты чувствуешь.

— Проще говоря, выстави себя идиотом.

— Мужчины, когда влюбляются, обычно становятся идиотами.

— Ага, ну я точно таким буду, если пошлю ей старомодную кассету, — я знаю, что перегибаю палку, и он этого не заслуживает, но я чувствую злость и гнев и не хочу один чувствовать всю эту боль.

— Думаю, сын, ты пошлешь компакт-диск или даже видео с айпода, потому что сейчас кассет не выпускают, если ты реально хочешь чего-то добиться

Я смотрю на него и бурчу.

Ага, и снова я стал подростком во всей своей красе.

— Слушай, сын, все, что я хочу сказать, — музыка пробуждает воспоминания и чувства. Она может усилить эффект слов письма, которое ты хочешь ей написать. Просто надо знать, какие воспоминания ты хочешь воскресить, какие слова ей надо услышать, и какая песня пойдет для этого.

— Иисус... теперь ты слушаешь Дэмиена Райса. Все еще хуже, чем я думала, — Бэт плюхается на мою кровать рядом со мной.

— Почему вы, люди, просто не можете оставить меня одного, черт возьми? — Я натягиваю пуховое одеяло на голову.

Бэт стягивает его с меня и нюхает.

— Пахнет отвратительно, знаешь?

— Уже сказали.

— Не думаю, что это Дозер, — она наклоняется и обнюхивает меня. — Иисус Христос! Это ты, вонючий ублюдок! Когда в последний раз ты мылся или чистил зубы?

— В три гребанных часа.

— Смешно, — она тычет мне в спину. — Так как долго мне придется доставать тебя, чтобы ты выполз из постели и пошел в душ? Или хотя бы уделил вниманием своим зубам?

— Ты уже достаешь меня, и не похоже, что я двигаюсь, не так ли?

— Ну ладно тебе, пошли, вонючее дыхание, — она щекочет мой бок.

Я отталкиваю ее руку.

— Бэт, серьезно, отвали. Я не в настроении.

Ее молчание заставляет меня почувствовать вину.

— Слушай.., мне просто не нужна компания сейчас.

— Но я купила твой любимый пирог —ки лайм, — я практически могу увидеть, как она надула свои губки. — И несколько фильмов с кучей экшнов, убийств плохих парней и тем дерьмом с кровью, что ты так любишь. Я даже думаю, что в одном фильме трахают девушку или даже анально трахают.

Я поворачиваю голову, чтобы посмотреть на нее.

— Смотреть, как девушку трахают в задницу? Вот что, как ты думаешь, может меня взбодрить?

— Эй, я не эксперт. Я просто делаю то, что сделал мой лучший друг для меня несколько лет назад, когда мое сердце расколосось надвое.

Я перекатываюсь на спину и смотрю на нее, вспоминая, как я сидел в комнате Бэт полтора дня после того, как та сука Моника Теллер разбила ее сердце.

Бэт свихнулась — так же, как я сейчас.

И эта сучка Моника сказала Бэт, что она была в этом дерьме вместе с ней, хотела быть с ней. Но она была слишком тупой, чтобы сказать своим религиозным предкам, что она лесбиянка, поэтому бросила Бэт и вышла замуж за придурка, за которого ее хотели выдать родители.

Бэт неделю проплакала после свадьбы Моника.

И вот сейчас она пытается помочь мне так же, как я помог ей.

Из-за моей лучшей подруги я почувствовал боль в моей груди. Поднимаясь, я обхватываю ее лицо руками и целую в макушку.

— Спасибо, Бэт.

— Фу! Сначала хотя бы зубы почистил, прежде чем целовать меня. Да я запросто вшей могу подхватить от этого отвратительного дыхания!

Я смеюсь, скатываюсь с кровати и выключаю айпод, затыкая Дэмиена Райса.

— Приготовь жесткое кино с надиранием задниц, пока я помоюсь, — иду в ванную, снимаю рубашку и бросаю в корзинку для стирки.

— Бэт?

— Мм?

— Ты же знаешь, как много ты для меня значишь, правда? Что ты не просто мой лучший

друг, но сестра?

Она улыбается и смотрит на меня.

— Ты пытаешься быть эмоциональным, Джордан?

Я пожимаю печами.

— Возможно. Чутьочку. Просто хотел, чтобы ты знала, как я тебя люблю, — я закрываю дверь перед ней. По выражению ее лица я вижу, что она шокирована.

Бэт знает, что я люблю ее, просто я никогда не говорил об этом вслух. Я чувствую, что это были правильные слова, и мне нравится видеть ее счастливое лицо.

Я делаю мысленную пометку говорить ей об этом как можно чаще.

Похоже, мне стоит поблагодарить Мию за то, что открыла эти вещи мне. Она заставила меня чувствовать... может, даже больше, чем все остальные.

— Я думал, в этом фильме нет романтики, — жалуясь я, слизывая пирог с пальцев. Это был обалденный пирог.

Бэт берет упаковку диска и читает то, что написано на обороте.

— Написано, что нет. Просто цитирую: «Множество отличных экшенов с драками».

— Ну, единственное, что сейчас попадает под эту категорию, — девушка со шпильками, которые вбиваются в задницу парня, пока он трахает ее.

— Думаю, секс сейчас не романтика, — Бэт бросает упаковку на пол и наклоняет голову так, чтобы смотреть на них двоих на экране. — Серьезно, никогда не пойму женщин, которым нравится член.

Я усмехаюсь.

— Потому что ты никогда его не пробовала.

Она смотрит на меня, улыбаясь.

— И я оставлю все как есть, спасибо тебе большое.

— Это не было предложением.

Она ударяет мою руку.

— Ты дерешься как девочка.

— Я и есть девочка, — она выставляет руки перед собой.

Я смотрю опять в телевизор. Они наконец-то прекратили это делать, но сейчас они обнимаются в постели после оргазма.

Идеально, черт. Просто то, что я хочу видеть сейчас. Счастливую парочку.

Я сжимаю зубы, думая о Мие в моих руках. Как нежно и тепло ощущается ее тело рядом с моим.

Скучаю по ней.

Иисус Христос.

Я закрываю глаза от боли в сердце.

— Фильм – дерьмо, — выдавливаю я.

— Точно, ты прав, но не он тебя беспокоит.

У меня вырывается мучительный вздох.

— Скучаю по ней, — я открываю глаза и поворачиваю голову, чтобы посмотреть на Бэт. — Это не дерьмово ли, что я так скучаю по ней, учитывая, как мало я с ней знаком?

— Нет. Ты тот, кто узнал, что хорошо, а что — плохо. Ты чувствуешь то, что чувствуешь.

Время в данном случае не играет роли, мне так кажется. А я всегда права, скажу перед тем, как ты ответишь.

У меня нет энергии на ответ. И серьезно — она права. Хотя этого я никогда ей не скажу.

Я перевожу взгляд обратно на телевизор, стуча пальцами по бедру.

— Папа думает, что я должен написать письмо Мие, — тихо говорю я.

Бэт садится и устраивается так, чтобы попадать в поле моего зрения, и блокирует вид на экран.

— Думаю, это реально хорошая идея.

— И также он сказал, что я должен послать ей компакт-диск с записью.

Усмешка написана на ее лице.

— И вкупе с этим будет записанный компакт-диск. Что бы ты сказал в письме?

Я ложусь на спине, а руку опускаю на глаза.

— Не знаю, — пожимаю плечами я. — Думаю, скажу, что я скучаю по ней. Все труднее и труднее дышать без нее. С каждым днем после того, как она ушла... когда не вижу ее лицо или не слышу ее голос, я на шаг приближаюсь к безумию, — я слышу, как прерывается мой голос, что заставляет меня замолчать.

Я проглатываю боль.

Бэт лежит рядом со мной, ее голова на моей руке.

— Думаю, ты должен послать ей именно такое письмо, — сопит она.

— Ты плачешь?

— Конечно, плачу! Я же девочка, не так ли?

Доверься Бэт — она всегда найдет способ, как заставить меня улыбаться через боль.

Я запечатываю конверт, где лежит письмо, написание которого заняло четыре гребанных дня. Если бы вы увидели письмо, вас бы смутило, что мне потребовалось на это четыре дня.

Да, письмо дерьмовое. Потому что я ни черта не могу написать.

И в этом причина, почему компакт-диск лежит внутри этого конверта.

Я отношусь к тому типу парней, кто записывает диск с одной песней, чтобы рассказать девушке о своих чувствах.

Я уже давно свыкся с мыслью, что потерял свои яйца. Понял, когда не смог встать с кровати целых три дня после того, как Мия покинула меня.

Поэтому сейчас я, лишенный чувства собственного достоинства, надеюсь, что эта песня расскажет ей все, из-за чего я влюбился в нее. Худший вариант: она подумает, что я старомодный, и высмеет меня, и я никогда больше от нее ничего не услышу. Но единственное, что я знаю точно: когда бы она ни услышала эту песню, она будет думать обо мне, потому что у меня теперь много песен, которые я не могу слушать, не думая о ней. В первый раз я услышал ее, поющую в моей машине песню Тейлор Свифт, которую я ненавидел. Сейчас слушаю ее все время. Как и песню Will.i.am, которая играла в тот раз, когда я ее впервые поцеловал.

Папа был прав, когда сказал, что музыка возвращает воспоминания.

Песня, может, и не возвратит, но расскажет, где я сейчас и, надеюсь, вернет ее домой. Надежда — все, что у меня осталось.

Я глубоко вздыхаю и опускаю конверт в почтовый ящик.

Мия

Два с половиной месяца спустя...

— Ты все еще не открыла?

Я оглядываюсь через плечо и вижу, что Дэнни стоит в дверном проеме. Она такая же пациентка в клинике, как и я. Только у нее анорексия. Она приехала лечиться уже во второй раз. Раньше лечилась не здесь, а в другой клинике, где ей стало лучше. Но недавно все снова обострилось. С ней я встретилась в свой первый день здесь. Она отличный друг, который понимает все, через что я прошла.

У меня никогда не было подруги, той, кто понимает меня так, как понимает Дэнни.

Я рассказала ей все. Слова Джордана преследовали меня, когда он сказал, что я должна открыться человеку, который попытается подобраться ко мне, поэтому я решила попытаться счастья с Дэнни, и я рада, что это сделала.

Она так мне помогла. Мы помогли друг другу.

После того, что произошло в госпитале — после нападения Форбса — доктор ПаКарл воодушевила меня на то, чтобы выдвинуть против него обвинения, что я и сделала. Очень помогло то, что у меня была Дэнни, которая держала меня за руку.

Замечательно, что мне не пришлось идти в суд, ведь я была в клинике.

Фобрс не получил срока в тюрьме. Я не переживаю на этот счет, потому что я никогда не думала, что он его получит. Ему дали двенадцать месяцев условного наказания, и ему нужно ходить на классы по управлению гневом.

Я также получила судебное предписание, и это нехорошо. Если Форбс захотел бы меня достать, он бы достал. Но, если честно, не думаю, что он захочет. Я думаю, с нами покончено.

— Нет, я еще не открыла, — вздыхаю я.

Она подходит ко мне и садится на кровать.

— Ты провела слишком много времени, смотря на эту вещь, и я удивлена, что ты не прожгла ее взглядом. Почему бы тебе не избавиться от окружающей нас тайны и не открыть ее — любопытство убивает меня.

Дэнни все знает о Джордане. О моем отношении к нему. Вы могли подумать, что мои чувства исчезли, но это не так.

Сейчас, когда я почти поправилась, я не желаю пить отраву в виде таблеток.

Я так скучаю по нему.

Мои дрожащие пальцы гладят упаковку того, что, по моему мнению, должно быть диском.

Почему он послал мне диск?

Она подходит ко мне, ее тонкие пальчики дотрагиваются до моей руки.

— Открой. Там внутри, возможно, есть видео с ним, где он рассказывает, как отчаянно он хочет с тобой встретиться, — она в драматическом жесте кладет руки на сердце.

Дэнни — романтическая натура. Даже если она обожглась в прошлом, она все еще верит в любовь.

— Не знаю, — я качаю головой. — Что бы там ни было, это он послал два месяца назад. Очень многое могло измениться, и я уверена, его желания поутихли.

Она качает головой.

— Ни за что. Любовь не может запросто исчезнуть, особенно не эта эпическая любовь, которая между вами двумя.

Я подняла бровь.

— Ты поняла, что мы испытываем друг другу эпическую любовь, из того, что я тебе рассказала?

Она придиричиво смотрит на меня.

— По тому, что он сказал тебе в госпитале, что он любит тебя... парням не просто даются эти слова, Мия. Не таким, как он. Эпическая у вас любовь, говорю я тебе.

С тяжелым сердцем я смотрю вниз на мягкий конверт, что в моих руках.

— Что тебе терять? Твое лечение почти закончено. Осталась неделя. Что бы здесь ни было, оно может определить твою дальнейшую судьбу, когда ты отсюда уедешь.

Кивая и проглатывая свой страх, я скольжу пальцами под уголок конверта и раскрываю его. Я слышу, как Дэнни задерживает дыхание.

Сердце бьется со скоростью миля в секунду.

Я достаю бумагу, сложенную пополам, и упаковку с диком внутри. На диске написано черной ручкой: «Мие».

Я оглядываюсь на Дэнни.

— Прочти, — воодушевляет она.

Мои трясущиеся руки открывают письмо.

Мия,

я четыре долбанных дня пытался написать тебе письмо... сказать тебе, что я чувствую и как дико скучаю. Но все, что я бы ни написал, звучит недостаточно хорошо. Все, что я знаю, это то, что, будучи вдалеке от тебя, мне... трудно дышать. Вот как я по тебе скучаю.

Поэтому я шлю тебе эту песню. Она говорит обо всем, что я хочу тебе сказать и не могу выразить словами. И если ты уже не так уверена насчет меня... нас, после того, как прочтешь это, знай — ты знаешь, где я.

Я всегда буду тебя ждать.

Джордан.

Я вытираю слезы с лица.

— Боже, ты меня убиваешь! Что там написано? — Дэнни выглядит так, словно она вот-вот взорвется, поэтому я протягиваю ей письмо.

Я смотрю, она читает письмо. Дойдя до конца, она смотрит на меня. Слезы блестят в ее глазах.

— Невероятно... это было... — Она прижимает руку к сердцу. — Ты должна послушать песню, — она тычет в меня пальцем.

— У меня нет проигрывателя. Только айпод, — говорю я.

Ее глаза сканируют мою комнату.

— Телевизор! — восклицает она. — В нем есть встроенный DVD плеер, ты можешь послушать через него.

Я воодушевляюсь и поднимаюсь на ноги, беря диск с собой. Включаю телевизор и жду, когда он заработает. Все мое тело дрожит от напряжения.

— Ты гений! — говорю я Дэнни, когда она подходит и встает возле меня.

— Это подарок, — пожимает она плечами.

Я достаю диск из упаковки и вставляю в проигрыватель.

Ожидание, когда он заработает, похоже на вечность.

Начинает играть песня, которую прислал мне Джордан. Нежные звуки гитары с песней The Scripts “Man Who Can’t Be Moved» заполняют комнату.

Мое сердце яростно стучит, глаза закрыты, я сосредоточена на словах. Я впитываю их. Слушаю то, что Джордан пытался сказать мне.

«Я всегда буду тебя ждать».

Он ждет меня.

Дэнни берет меня за руку. Я смотрю на нее.

— Не заставляй его ждать бесконечно. Иди к нему. Сейчас.

Джордан

С момента ее ухода прошло три месяца. Два с половиной — с тех пор, как я послал письмо и песню. И три месяца я ничего не слышал. Песня не сработала. Слишком глупо было подумать, что такая наивная песня сработает.

Я прождал несколько недель, надеясь получить от нее ответ, но когда понял, что она не вернется... я словно с цепи сорвался.

Судя по всему, я прохожу через все стадии. Сначала была депрессия. Теперь — гнев. Именно поэтому я выхожу из себя и крушу все подряд.

Развлекся с классной цыпочкой. Да, не самое лучшее решение.

Все закончилось тем, что когда она залезла ко мне в трусы и начала ублажать меня, я остановил ее, потому что перепих с этой девочкой ничего бы не изменил — наутро я бы чувствовал себя так же. Возможно, еще отвратнее.

Мия не возвращается. Я скучаю по ней. В моей груди все еще зияет рана, которую может заполнить только Мия.

Но трах с какой-то цыпочкой делу не поможет. Он не исцелит меня. Поэтому, убрав ее руку, я извинился и ушел прочь.

После этого все, что видел мой член — это мою руку.

Я думаю о Мие. Не только во время мастурбации, конечно. Она никуда из моих мыслей не уходит и, конечно же, я думаю о ней, когда устраиваю свидание со своей рукой.

Надеюсь, что в будущем я не буду так много о ней думать. Обязательно не буду, но сейчас невозможно не думать о ней.

Поэтому я стараюсь себя чем-то занять. Делаю больше туров для Уэйда. В первый раз когда я вернулся в каньон Ла Плата после того, как был там с Мией, мне было трудно. Но я прошел через это, и сейчас мне с каждым разом все легче и легче, когда я езжу туда.

Отель все еще достаточно тих, но мы медленно продвигаемся. Я делаю вебсайт для отеля, регистрируюсь на сайтах для туристов и туристических агентств, вписываю туда наше название. Моя задача заключается в том, чтобы у отеля было больше посетителей, чем прошлым летом.

Ко мне подходит Дозер и зарывается лицом в мои ноги.

— Привет, приятель, что случилось? — говорю я, отрываясь от компьютера, чтобы посмотреть на него.

Он недавно поправился и снова стал прежним.

Но он все еще скучает по Мие. Временами я думаю, что он — единственный, кто понимает меня.

Дозер слегка подталкивает мою ногу головой и поднимает лапу вверх, ударяя меня ею.

— Что? Ты голоден? — я подхожу к столу и беру одно из печений, что я ел.

Даю ему, он берет и ложится на пол, чтобы съесть печенье.

Я потираю уставшие глаза и смотрю на таблицу, над которой работаю. Аккаунтинг. Как весело.

Я знаю, что плохо, когда вечер пятницы я, погруженный в цифры, провожу на пару с собакой, пока папа на свидании.

Мне нужно занять гребаную личную жизнь.

Телефон отеля снова звенит.

— «Золотой дуб», — говорю я, облакачиваясь на стул.

— Ты дома в ночь пятницы? Грустно-то как.

— Спасибо, Бэт. Ты правда знаешь, как вернуть уверенность парню.

Она смеется.

— Уверенность — это то, чего тебе никогда не придется занимать, Джордан.

— Ладно, не важно. Тем не менее, ты признаешь, что мне плохо, но это недостаточный повод для тебя, чтобы меня навестить.

— Эм, не забывай, что я работаю.

— Да-да, понятно. Твоя мама не дает тебе денег, чтобы ты могла пообедать, поэтому ты должна стать проституткой и работать без выходных. Похоже, вот тебе и фильм на жизненную тему готов.

— Ха. Остроумная ты задница. Я позвонила, потому что подумала, что могу послать к тебе еще одну туристку. Хотя я могу передумать и послать ее куда-нибудь еще...

— Ладно. Беру свои слова назад. Только с условием: надеюсь, эта туристка не похожа на ту, которую ты послала в последний раз ко мне. Она мне сердце разбила, — я пытаюсь выставить все в ироничном свете, но, похоже, не получается.

Она затихает.

— Нет, эта другая. Уверена. И она не так хорошо выглядит. Ты бы за ней не приударил.

Я усмехаюсь.

— Ладушки. Ты меня успокоила. Она похожа на девушку, которая поселится в комнату с видом на сосновый лес? Это наша самая дешевая комната.

— Нет, она определенно заселится в комнату с видом на озеро. Может, она не так хорошо выглядит, но у нее хороший вкус.

Я проглатываю комок в горле. Никто там не останавливался, кроме Мии. Я просто не мог никого поселить туда. Глупо, знаю.

— Ладно. Круто. Она на подходе? Приготовлю комнату.

— Приедет через несколько минут.

— Спасибо, Бэт. Я серьезно.

— Знаю. И поблагодаришь меня позже.

Я вешаю трубку и встаю со стула. Беру ключи от Озерной комнаты и иду по холлу к комнате, где включаю свет и избегаю смотреть на то, что могло бы мне напомнить о времени, которое я провел здесь с Мией. Потом я включаю печку, чтобы комната немного прогрелась для нового гостя, снимаю старое постельное белье и вешаю свежие полотенца в ванной.

Затем выключаю свет, закрываю дверь и направляюсь обратно в офис.

Двадцать минут спустя я слышу, как паркуется машина. Дозер поднимается на ноги, держа ушки на макушке, нюхает воздух и пулей выбегает из офиса. Похоже, он учуял что-то, что ему нравится.

Я следую за ним, чтобы вместе успеть вернуться в офис до того, как он испугает нашего нового гостя. Но я опоздал, и дверь открывается под звон колокольчиков. Я поднимаю взгляд, и мое сердце останавливается.

Оно действительно, черт возьми, останавливается.

— Мия.

Не уверен, произнес ли я ее имя или выдохнул сквозь мои больные легкие.

— Привет, — говорит она. Ее голос нежный, милый... и наполненный болью.

Я чувствую неожиданный прилив гнева.

Ничего не слышал от нее в течение трех гребанных месяцев, а она, не предупредив, появляется здесь. Я мечтал, чтобы это случилось, три месяца, и я, черт побери, выведен из себя.

Я поворачиваюсь и иду за стойку ресепшена.

Мне нужен барьер между нами, чтобы остановить меня, если я захочу сделать что-то глупое. Например, встать на колени и умолять ее вернуться ко мне.

Она останавливается у двери, глаза неуверенно смотрят на меня. Мия выглядит такой хрупкой и маленькой. Это заставляет меня хотеть пойти к ней и... обнять ее.

Я сжимаю в руках столешницу, чтобы успокоиться.

Дозер около нее, тычет головой в ногу, ожидая ее внимания.

— Привет, приятель, — она отводит взгляд, когда опускается, чтобы погладить собаку.

— Посмотри на свою лапку, она зажила.

Конечно, ведь прошло ТРИ ГРЕБАНЫХ МЕСЯЦА!

Она обвивает рукой его шею и прижимает Дозера к себе.

— Скучала по тебе, — шепчет она ему.

Она скучала по нему! А что, черт, насчет меня?

Я потираю лицо рукой, выдыхая мои чувства.

— Почему ты здесь, Мия?

Она смотрит на меня, медленно поднимаясь. Унылый взгляд на ее лице для меня словно нож в груди.

Ее руки трясутся. Она обхватывает ими себя.

— Я прочла твое письмо, и песня... я прослушала песню. Честно говоря, я слушала ее на пути сюда, — тихо добавляет она.

Я складываю руки на груди.

— Ты имеешь в виду письмо, которое я послал два с половиной месяца назад?

Она кусает губу.

— Я боялась, что там будет что-то, из-за чего я вернусь сюда. Тогда я бы не смогла вернуться в клинику. Мне нужен был способ преодолеть эмоции и закончить мое лечение. Конечно, я хотела прочитать письмо раньше. Но если бы я это сделала и прослушала песню.., то я сорвалась бы с места и приехала сюда.

— Почему?

Она подходит ближе

— Потому что... я надеялась, что ты будешь ждать.

Напрягаются не только руки, но и весь я. Каждая мышца в моем теле.

— Почему?

Она закрывает глаза.

— Чтобы я могла сказать тебе одну вещь, которую не сказала в госпитале.

Я выжидающе смотрю на нее.

— Что я люблю тебя... я люблю тебя, Джордан.

Она любит меня?

Не могу говорить. Или думать. Или двигаться.

Может, вы знаете, что, когда хотите что-то услышать от конкретного и самого важного

человека в твоей жизни, то, когда он это делает, тебя это так пугает, что некоторое время ты не можешь двигаться.

Ага, и я в таком состоянии.

Тишина между нами наполнена болью, смущением и желанием.

Затем я снова обретаю голос.

— Так ты пришла сюда, чтобы сказать, что любишь меня?

Я смотрю, как она вытирает слезу своей рукой. Она кивает, кусает и теревит нижнюю губу.

— Да. Мне нужно было, чтобы ты знал это. И еще... узнать, есть ли у тебя комната... для меня?

А, так вот оно что. Я должен был, черт, спросить.

— Так это ты та туристка... поэтому сначала пошла к Бэт? — Не знаю почему, но этот факт выводит меня из себя.

Она отводит взгляд.

— Я боялась, поэтому пошла к ней. Я думала, что ты мог изменить свое решение. Что твои чувства могли измениться за этот срок... может, появился кто-то другой, — ее глаза снова смотрят на меня. — Похоже, я запаниковала, поэтому я пошла в ресторан в надежде, что там будет Бэт, и я смогу ее спросить.

— И что она тебе сказала?

Она нервно пробегает руками вниз по одежде.

— Что ты... не двигался дальше.

— Ага. Ну, Бэт ошибалась. Я прошел через это. Практически во всех аспектах. Уж извини, но здесь остаться ты не сможешь.

Я не имел это в виду. Но мне больно, и я не могу думать трезво. Да, я придурок.

— Ох. Понятно. Извини... — по ее щеке сбегает вниз слеза. Она вытирает ее пальцем — Я не должна была приходить, — затем она уходит, закрывая дверь.

Дозер рычит на меня, смотрит, словно говорит: «Ты гребаный идиот». Затем начинает скрести лапкой, ударяя головой о дверь, пытаюсь попасть к нашей девочке.

— Я знаю, что я гребаный идиот! — Я хватаю себя за волосы, поскольку злюсь на самого себя. — Дерьмо! Гребанное дерьмо! — рукой бью об стол. Затем, больше не мешкая, я выскакиваю из отеля, бросаясь за девушкой.

— Мия! Подожди!

Она останавливается у машины, отвернувшись от меня, но это меня не останавливает. Я подбегаю к ней, обхожу ее и становлюсь перед ней, беря ее заплаканное лицо ладонями.

Так больно оттого, что я — причина этих слез.

— Извини. Я не хотел этого говорить... я был зол, вот уже как три дерьмовых месяца зол. Но я не хочу, чтобы ты уходила... черт! Мия! Я просто... хочу тебя.

Ее глаза смотрят на меня с удивлением.

— Ты хочешь меня.

— Я всегда буду хотеть тебя.

А затем я ее целую. В моем поцелуе — три месяца боли, обиды, нужды и желаний.

— Я люблю тебя, — выдыхает она в мой рот.

И это заставляет меня целовать ее с еще большей силой. Мои чувства к ней разрушают меня.

Она стоит на носочках, руки обвивают меня за шею, лицо лежит на моем плече. Я

сильнее ее сжимаю. Боюсь отпустить. Снова.

— Это означает, что у тебя есть комната для меня? — шепчет она.

Я отклоняю голову, чтобы посмотреть в ее глаза.

— Думаю, у меня есть для тебя место.

— На сколько?

Я пожимаю плечами.

— Как для тебя звучит «навсегда»?

Она кладет руки на мое лицо, на лице широкая, но напряженная улыбка.

— Звучит слишком хорошо, чтобы быть реальностью, — шепчет она.

— О, это реальная реальность, малыш, — я сжимаю ее за попку, поднимаю девушку, которая обвивает мою талию ногами так, как я люблю. Потом разворачиваюсь и иду вместе с ней в отель.

— Я готов заставить тебя поверить, что это реальность, ведь мы говорим о нас, а не о ком-нибудь еще, — поднимаю я бровь.

Ее смех омывает меня. Ее поцелуи успокаивают.

И я чувствую счастье, которого не ощущал уже целую вечность.

Мия

— Так что произошло с нашим планом пойти пообедать? — говорю я, выводя рисунки на обнаженной груди Джордана.

— Ты. Я всего лишь вышел из ванной, чистый после душа, и собирался переодеться, а затем увидел, как ты стоишь у кровати в новом сексуальном белье, невероятно горячая. И, конечно, я возбуждился... из-за тебя. В белье... Затем мы, малыш, основательно позанимались любовью, и сейчас я в полном блаженстве, обнимаюсь с моей девочкой. После такого двигаться — точно не вариант.

Смеясь, я поднимаю голову и подставляю ему свои губы. Он захватывает их в изумительном поцелуе, из-за которого по моим ступням ползут мурашки.

— Видишь. Поэтому-то двигаться не вариант, ведь я собираюсь проделывать это с тобой снова и снова до конца ночи.

Джордан скользит пальцем по моей шее, играя с кулончиком, который принадлежал Анне. Джордан дал мне его несколько месяцев назад.

После моего возвращения мы с Джорданом провели много времени, вновь знакомясь друг с другом. Затем провели еще больше времени, обсуждая наши проблемы.

Смотря на него, я уже не вижу предательства матери, как раньше.

Хотя факт есть факт. Она оставила меня и растила его.

Джордан рассказал мне про ее жизнь с Оливером, и, хотя мне лучше не стало, но я начала ее понимать.

У меня заняло много время осознать свои чувства к моей матери, но я прошла большую часть этого пути. Боль к прошлому никогда не уйдет, мне просто нужно принять ее. И будущее... все обещания... вот что держит меня в стороне от темноты.

Джордан — мое будущее. Мое обещание. Мой свет.

Он делает меня нормальной. Защищает меня.

Когда мне трудно дышать, он дает необходимый мне воздух.

Иногда мне трудно. Иногда, когда в мыслях темно, все, чего я хочу, — это спрятаться, есть и извергать из себя пищу. В такие дни со мной Джордан.

Я всегда буду лечиться от булимии.

Но сейчас те дни, когда я чувствовала нехватку контроля и необходимость причинить боль телу, оставлены позади. Я даже не могу вспомнить, когда в последний раз так себя чувствовала.

Я все еще хожу на приемы к терапевту. Когда я выписалась из центра, доктор направил меня к терапевту в Дуранго — доктору Петерсону. Она действительно отличный врач и помогает мне работать над болезнью.

Мне все еще есть куда стремиться, когда я думаю о прожитой жизни вместе с Оливером и Форбсом, а также о душевных травмах, что она оставила во мне, но я справляюсь.

И у меня еще есть Дэнни. Мы регулярно общаемся по телефону, и она несколько месяцев назад меня навещала. Осталась на неделю, и это было удивительно. Было, правда, здорово провести время с ней, поскольку я по ней очень скучала. Джордан организовал нам тур на джипах к каньону. К нам присоединились Бэт и Тони. День был, и правда, хорош.

Бэт все еще встречается с Тони. Судя по ее словам, у них настолько серьезно, что они обсуждали переезд.

Я так счастлива за нее. Бэт удивительная, мы с ней очень сблизилась. Просто чудесно иметь подругу, особенно такую, как Бэт, — веселую и прикольную.

Мы с ней делаем то, что делают друзья, те вещи, которые мне нельзя было делать раньше. Даже сейчас для меня это звучит как строчка из романа. Не уверена, что когда-нибудь почувствую, что имею право на все это.

У меня никогда не будет полной свободы.

Думаю, причина того, что Джордан отдал мне мамин кулон, в том, что я приняла жизнь. Он уверен, что из-за кулона я не вернусь назад в прошлое. Он прочувствовал и понял мое состояние и оказался прав. Не могу сказать, что было легко увидеть хранившийся у Джима кулон Аннабэль.

Он был спрятан в документах Джима, вместе с кипой фотографий, на которых запечатлена я в детском возрасте. Даже несмотря на то, что мне было больно их видеть, они принесли мне чувство умиротворенности, потому что теперь я знаю — она всегда думала обо мне.

Сделаю ли я когда-нибудь то, что сделала она? Нет.

Судить легче, когда ты перестаешь чувствовать боль. И я слишком хорошо знаю, каково это — быть с контролирующим все мужчиной, который, к тому же, любит применять силу в отношении тех, кто слабее...

Я знаю, каково жить с Оливером.

Джордан позаботился о том, чтобы я никогда больше туда не возвращалась. Я переехала в отель к Джорданом, Джиму и, конечно, Дозеру.

Возможно, все произошло слишком быстро, но я очень долго была несчастной. Джордан — то счастье, в которое я вцепилась двумя руками.

Я вложила некоторую сумму из денег Оливера в отель.

Джим и Джордан протестовали, причем Джордан сильнее. Сначала у меня не было аргументов, но ведь это мамин отель, а сейчас и мой дом.

Я так хочу, чтобы он процветал.

Мне стоило пару раз его соблазнить, и я получила добро. Джордану было трудно мне отказать. С отелем все на удивление отлично. Джордан понял, как делается бизнес. Ему в этом помогли сайт и ссылки. Также он заключил деловую сделку с Уэйдом, так что мы теперь предлагаем туристам тур на джипах. Люди могут остановиться у нас и начать поездку прямо отсюда. На часть данных мною денег Джордан построил гараж.

Это все помогло. Я так горда за него.

И за себя.

Я ушла из Гарварда, но не оставила медицину. Я просто пошла в другом направлении — подала документы в ветеринарную школу, занятия в которой начинаются в этом семестре. Надеюсь, Дозер позволит мне практиковаться и улучшать свои навыки на нем. Уверена, что позволит. Он так нежен со мной, и это бесит Джордана.

Но до начала занятий еще далеко, потому что сейчас летние каникулы. Сегодня прошел ровно год с того дня, как мы встретились с Джорданом.

Мы должны были пойти на обед, но этот вариант у нас не получился. Но у меня есть еще подарок, который мне жуть как не терпится ему вручить.

Я начинаю выбираться из кровати, Джордан ловит меня за руку.

— Куда ты, малыш?

— Я думала, раз уж мы не идем на обед.., может, ты хочешь получить свой подарок?

Его глаза засветились.

— Ну, если ты собираешься вручить мне подарок, то, думаю, будет честно, если я отдам тебе твой.

Сердце в груди делает сальто. Он купил мне подарок!

Нет, я не думала, что он ничего мне не подарит. Просто никогда не получала подарка, в котором боль не играет никакой роли.

Я иду к шкафу, достаю конверт с подарком внутри. Думаю, ему понравится... надеюсь. Не уверена.

Джордан сидит на кровати, я усаживаюсь к нему. Мы смотрим друг на друга. Я держу свой подарок за спиной.

— Кто первый? — спрашивает он, выглядя взволнованным, словно маленький ребенок на его дне рождения.

Я тоже взволнованна и даже дрожу из-за этого.

— Мы можем открыть вместе. Или ты первый. Или я, — быстро говорю я.

Он поднимает бровь.

— Что? Я просто в предвкушении!

— Не вместе, — говорит он, — Потому что я хочу посмотреть на тебя, когда ты откроешь мой.

— Ладно. Ты первый.

— Уверена?

— Уверена.

Мои дрожащие от волнения руки держат конверт, чтобы отдать ему. Его озадаченный взгляд встречает мой. Затем он забирает конверт и открывает его. Держа его в руке, он достает оттуда бумаги.

Я наблюдаю за тем, как он их читает, как по мере чтения расширяются глаза, когда ему удастся вникнуть в детали. Затем он смотрит на меня. В глазах написаны благоговение и любовь. От этих эмоций сжимается мое сердце.

— Ты, правда, это сделала?

Я киваю.

— Не самостоятельно, агент помог мне... это слишком?

Его глаза смотрят на бумаги, а потом опять переключаются на меня. Они блестят, и я чувствую, как мои собственные наполняются слезами.

— Нет... это просто... удивительно, черт. Малыш... я не могу поверить, что ты это сделала.

Я кусаю губу.

— Когда я думала, что тебе подарю, то вспомнила, как звучал твой голос, когда ты сказал, что никогда больше не будешь путешествовать. Вспомнила грусть в твоём голосе. Я хотела, чтобы ее не было. Знаю, насколько ты любишь путешествовать. Видеть мир. Поэтому я подумала, что мы закончим путешествие, которое ты начал с друзьями и не закончил.

Мой подарок Джордану — та поездка, а точнее, ее окончание, которую он так и не закончил из-за болезни Анны. Я купила тур на три недели, поэтому мы уезжаем через неделю, сначала в Индию, затем в Непал, Гонконг, Шанхай, а закончим поездку в Японии.

Это подарок и для меня, потому что я никогда не путешествовала раньше. И с кем лучше

потерять девственность путешествий, как не с Джорданом?

На его лице появляется ухмылка.

— Похоже, у нас одинаковые идеи с подарками.

— Что ты имеешь в виду?

Он достает конверт, такой же, как у меня.

— Открой, — улыбается он, протягивая его мне.

Я разрываю конверт и достаю содержимое.

Невероятно!

— Поездка в Париж на Рождество! — кричу я, а затем прикрываю ладошкой рот.

Он смеется.

— Я знал, что ты никогда не уезжала из страны и никогда не была в Европе, поэтому я подумал, что мы можем совершить путешествие на Рождество. Похоже, в этом году мы собираемся покрыть серьезное количество воздушных миль, — усмехается он.

Я бросаюсь на него с долгим поцелуем. Он опускается нас на кровать, держа меня в руках, и переворачивается так, чтобы я была под ним.

Его руки гладят внутреннюю часть моих бедер, накрывают мои шрамы, обнимают меня.

— Люблю тебя, малыш.

— Я тоже люблю тебя.

Я приехала сюда из Колорадо в поисках матери и в попытке убежать от прошлого. И в попытке найти себя в этой жизни.

Может, мне не удалось найти маму, как я хотела, но я нашла нечто намного большее.

То, чего никогда раньше не имела и не мечтала иметь, — реальную семью.

Джордана, Джима, Бэт и Дозера.

Но самое лучшее в этом — любовь.

Не любовь, приправленная страхом. Не та, за которую надо заплатить. А реальная, честная перед Богом любовь в самой чистейшей ее форме.

Любовь семьи. Друзей. Любовь без ограничений.

И что самое лучшее...

Это любовь к Джордану.

Он дал мне то, что никогда никому не давал прежде.

Свое сердце и доверие.

И я отдала ему то же самое в ответ.

Конец

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Заметки

[

←1

]

Walmart — огромный гипермаркет в США